

Финель
138

Не верь
пласам своим

Простить. Забыть. И стать счастливой

Не верь глазам своим — на самом деле все совсем не так, как видится на первый взгляд. История молодой семейной пары, о супругах, любящих друг друга.

Я прошла приемную, удивляясь отсутствию секретарши, распахнула дверь кабинета мужа.

Глеб сидел за столом, рядом с ним, опираясь попкой на стол, стояла молодая девушка в офисном костюме, пиджак был расстегнут, рука моего мужа лежала на выпирающем, округлившемся животе девушки. Она была беременна...

Глеб резко повернул голову — в глазах его плескалась такая нежность... Такая же, когда он гладил мой животик, когда я носила нашу дочку...

Я задохнулась от такого сравнения и попятилась...

— Иришка?! — удивился он, отъехал от стола, встал и пошел ко мне.

А я с остановившимся от ревности и предательства сердцем стала падать в беспросветную пустоту...

1. Март

«Не верь глазам своим — на самом деле все совсем не так, как кажется на первый взгляд...»

Ирина

— Иришка, жду тебя в семь у нашего ресторана!

— Сегодня? — удивилась я, ожидая вечером продолжения серьезного разговора.

— Именно сегодня, — настаивал муж.

Мой муж Глеб всегда отличался настойчивостью, если что задумает, всегда добивался поставленной цели сколько бы усилий это не требовало — увидел меня на случайной фотографии своего отца, разыскал, влюбил в себя и женился. Ни одной секундочки я не пожалела, что люблю его — я счастлива с ним! Пять лет счастливого брака! У нас прекрасная дочка Снежка! Глеб хочет еще и сына, но я пока не готова... трясусь над Снежкой (заболела маленькой, вот и перестраховываюсь), не доверяя ни няни, ни своей маме (помощь свекрови в воспитании Снежаны ограничивается дорогими подарками и высказыванием своего осуждающе-презрительного «фи» по поводу моего трепетного отношения к ребенку).

— Только, пожалуйста, — озабоченно продолжил Глеб, — никаких хвостов и джинс — хочу, чтобы все видели какая у меня красавица-жена.

— Прямо так и красавица? — улыбнулась я, не привыкшая к таким явным комплиментам.

— А ты сомневаешься?

Глеб улыбался...

Я даже отсюда (за тридевять земель!) чувствовала, что он улыбается.

Это происходило на каком-то ментальном уровне — сразу в первые дни знакомства я почему-то чувствовала его настроение... просто знала, что с ним происходит в данный момент, стоило мне только о нем подумать, словно включался какой-то датчик в сердце, стрелочкой указывая его состояние: пасмурно, дождливо, облачно, солнечно...

— Как скажешь — тебе со стороны виднее, — тут же согласилась и пообещала: — Буду при полном параде.

— Приезжай на такси — тебе сегодня придется пить за двоих!

— Хочешь напоить меня и убедить, что ты прав?

— Как ни грустно тебе будет это слышать, но я прав всегда! — безапелляционно заявил муж.

— В этом утверждении тебе трудно отказать! — покивала головой, но сдаваться без боя не хотелось. — Но бывают случаи, когда надо выслушать и принять возражения другой стороны.

— Вот ночью и обсудим твои возражения, — двусмысленно пообещал муж.

Щеки мои вспыхнули, сердце сладко замерло от его обещания, и в животе запорхали бабочки...

— Жду — не дождусь... — по мимо своей воли растаяла я и отключилась.

Пять лет брака, а я по-прежнему влюблена в него, как девчонка — в свои почти тридцать он выглядел, как картинка: высокий, плечистый, ухоженный, следящий за своим телом и имиджем, одет с иголочки, мужественный и харизматичный, заставляющий женские сердца замирать от восхищения, но внешняя оболочка давала ложное представление о его внутреннем содержании: серьезен, умен, закрыт, уперт, со своими железными принципами и правилами, нарушать которые он не позволял никому в кругу своего общения. Любила же я его не за внешность... только я знала какой он любящий, нежный и заботливый, как трепетно относится ко мне и к дочке, как любит детей... всех без исключения, поэтому и занимается благотворительностью... с моего согласия (считая, что все вопросы в семье надо решать вместе).

Вот такой идеальный муж! Для меня...

И я, конечно же, постаралась выглядеть на все сто: легкий макияж с акцентом на выразительные глаза, светлое, подчеркивающее стройную фигуру платье ниже колен, каблуки и слегка подкрученные русые волосы до середины спины...

Выйдя из такси, я запахнула длинную норковую шубку и, сразу увидев мужа, направилась к нему.

Он стоял недалеко от входа в ресторан и что-то недовольно выговаривал молодой девушке в деловом, строгом, но довольно обтягивающем костюме под распахнутой дешевой шубейкой. Почему-то я тут же оценила внешность девушки и неприятно осознала, что ревную к ней внимание мужа — высокая, стройная, с длинными прямыми волосами, она виновато выслушивала «разнос», опустив глаза...

Глеб заметил меня, помахал мне рукой, улыбнулся и вдруг... впечатал поцелуй в губы девушки, развернул ее за плечи и хлопнул по заднице, придавая ускорение и, как ни в чем не бывало, посмотрел на меня...

Реакция моя была мгновенной — я развернулась и быстро пошла в другую сторону. Я не успела еще понять, что происходит, но сердце остановилось, из глаз брызнули слезы...

Не ожидая такой реакции и помедлив в растерянности несколько секунд, быстрыми, широкими шагами Глеб догнал меня, схватил за локоть, развернул и открыл уже рот, чтобы заговорить, но увидев слезы, текущие из моих глаз, растерялся.

Обиженно поджав губы и раздувая ноздри, я смотрела в его лицо, сквозь пелену катящихся слез и ожидала объяснений.

— Нет, нет! — осознавая мою реакцию на увиденное, начал Глеб. — Это совсем не то, что ты подумала! На самом деле все совсем не так, как тебе показалось!

— Неужели?! — вскрикнула я, едва сдерживаясь, чтобы не дать ему пощечину. — Что

еще можно подумать, когда ты целуешь в губы девушку и лапаешь ее за задницу на глаза у жены?!

— Никого я не целую и не лапаю! Ты считаешь меня идиотом? Это был наглядный пример к нашему спору! Такое может произойти, если ты не пересмотришь свое отношение к ребенку и нашему сексу.

— Ты намекаешь на любовницу? Станешь сосаться с девицами, лапать их за задницы и трахать в своем кабинете?

— Придется...

Договорить муж не успел, я впечатала ему в щеку хлесткую пощечину, развернулась и пошла от него. Потирая щеку, он снова догнал меня, поймал за руку, развернул.

— Прости, любимая, — виновато улыбнулся Глеб, понимая и оправдывая мою ревность и заслуженную пощечину. — Я опять не подумал, как это выглядит со стороны. Я не хотел тебя обидеть — я же знаю, что на самом деле все совсем не так, как выглядит... Просто увидев тебя, вспомнил наш спор и спонтанно решил показать тебе один из вариантов, которые могут произойти, если ты не прислушаешься к моим словам и не пересмотришь свое отношение к ребенку и нашему сексу.

— Эксперимент удался! — возмутилась я, подспудно принимая его объяснения, но не одобряя его действия. — Теперь я покажу тебе, что произойдет, если ты заведешь любовницу... Я заведу любовника!

Посмотрев по сторонам, я шагнула к идущему по тротуару мужчине.

— Мужчина, можно я вас поце...

— Нет, нет, нет! — рванулся ко мне муж, сгреб в охапку, прижал к себе, оторвал от земли и понес в другую сторону. — Даже не думай! Я все понял! Ты мне наглядно показала, как выглядит мой необдуманный поступок со стороны.

Я попыталась вырваться из объятий Глеба, но вырваться из его объятий не хотелось... в них было так сладко, чувственно и безопасно, тем более, что неся меня в сторонку, он шептал мне на ушко волшебные слова:

— Клянусь, я люблю только тебя и тебе не изменяю! Верь мне, любимая!

И я конечно же поверила... обхватила его за шею, и мы начали целоваться.

Губы его такие требовательные и такие нежные одновременно впились в мои губы, заставляя их раскрыться и принять его язык, но несколько секунд я еще сопротивлялась, обиженно сцепив зубы, и тогда он применил совсем уж запрещенный прием: оторвался от моих губ и провел языком по шее... по спине побежали мурашки удовольствия, я моментально сомлела, глаза закрылись, и я застонала в его объятиях... Родные, трепетные губы его тут же набросились на меня, зацеловали лицо, глаза, снова впились в губы, и я с радостью приняла его в себя, ласкаясь с его языком и подчиняясь его желаниям...

«— Безвольная дура! — пронеслось в голове, — Но такая счастливая...»

2

Глеб

Вспомнив о ресторане, я перестал целоваться с женой и поставил ее на землю.

— Нас ждут! Пошли.

Взял расслабленную, податливую Иришку за руку и, преодолевая легкое сопротивление, потащил к ресторану.

— Может, не пойдем? — попыталась она воспротивиться.

Но я не позволил — это совсем не мелочь: заказан столик, куплен подарок, а главное,

ждут мои родители...

С родителями у меня сложные отношения: мать меня безумно любит (до сих пор, до трясушки — как Иришка трясется над дочкой), ревнует к жене (каждый раз старается ее унижить), поначалу даже пыталась развалить наш брак, нарочно подстраивая двоякие ситуации, но отец каждый раз выручал меня из неловкой ситуации и «учил», и убеждал Иришку мне верить... Спасибо ему! Только благодаря его заботам, подсказкам и убеждениям мы счастливы в браке и любим друг друга. Еще в детстве отец меня научил: «Дал слово — держи! Совершил ошибку — проси прощения и исправляй! Клятва — последний аргумент правды!» — ни разу не слышал, чтобы отец клялся, а я клянусь постоянно, потому что никакие заверения и доводы не могут совладать с Иришкиной ревностью, а клятвам моим она верит, и эта ее наивная вера — мой последний непререкаемый аргумент правды. Даже странно... эта ее наивная вера мне... вроде уже не девочка — двадцать пять, дочке уже три года, а она верит — раз поклялся, значит, так и есть на самом деле... Но такая она только со мной: нежная, любящая, наивная и послушная... и красивая — прямо светится вся своей любовью ко мне! Я это вижу и не ревную ее, потому что... я у нее первый и единственный! И я это ценю!

Когда мы с Иришкой с опозданием вошли в просторный зал ресторана, родители недовольно уставились на нас, вернее, недовольно смотрела мать, а отец... отец смотрел на нас с каким-то тайным обожанием и восхищением: мы, и правда, были пара — и по внешности подходили идеально: высокие и пригожие, и внутренне, дополняя друг друга: я — серьезный и деловой, она — нежная и открытая.

— Ну, сколько можно ждать? Прихорашивайся-не прихорашивайся — результат один и тот же! — сказала свое уничижительное «фи» мамуля в сторону моей жены, даже мои нахмуренные брови не остановили поток ее недовольства. — Будем еще час ждать, пока все приготовят!

— Не будем! — поднялся нам навстречу отец. — Прости сын, я взял на себя заботу об ужине и все заказал — я как-никак тоже имею отношение к сегодняшней дате.

— Что за дата? Я думала просто ужин в честь Женского дня... или приятное известие...

— За две недели до 8 Марта?! Ты нас с Глебом за идиотов держишь?

— О нашем разводе, например, — тихо шепнула мне на ухо Иришка и стала обходить столик, чтобы сесть рядом с моим отцом, хотя я отодвинул для нее стул рядом с матерью. — Спасибо, Илья Семенович, что показали ту фотографию Глебу, если бы не вы...

— Глебушка женился бы на дочке наших друзей по даче, — припечатала мать, снова показывая свое неодобрение моего выбора жены, — и стал бы уже каким-нибудь министром.

— Легенькой промышленности, например, — подсказал я.

Отец вздохнул и, наклонившись, тихо извинился перед Иришкой. Она посмотрела на него с благодарностью и пониманием... Иришка всегда хорошо относилась к моему отцу, слушала его и была благодарна за поддержку (наверно, потому что своего отца лишь смутно помнила и ее воспитанием занималась только ее мать).

Принесли салаты, закуски и обстановка разрядилась.

— Как твой контракт? Подписал?

— Скоро подпишу, — нехотя произнес, зная, что отец не одобряет моей самостоятельности — я всегда работал с его транспортной компанией, а под другой контракт хочу поменять перевозчиков товара. — Я уже вырос, выбрался из-под твоего крылышка и хочу полетать сам.

— Дело не в крылышке, а в надежности партнера! — не согласился отец. — Во мне ты был уверен, а в новом...

— Отец, давай не будем говорить о работе! — его настойчивость и нравоучения раздражали.

— А о чем еще говорить? Я за тебя волнуюсь!

— Я большой мальчик!

— Это только так кажется, сын! Твой успех кружит тебе голову — думаешь ты все можешь, на все способен! Это не так! Поверь, это иллюзия! Я это уже проходил! Многие делают разрушительные ошибки в этот период: уверовав в свою удачу и вседозволенность, заключают сомнительные сделки, рискуя всем: деньгами, репутацией, даже семьей! Что нельзя делать ни в коем случае! Семья — это святое — это твои родные, любящие тебя люди! Помни это, даже если с высоты своего бизнес-Олимпа ты это уже не чувствуешь...

— Дамы скучают!

Перебил отца, взял бутылку, долил красное вино в бокалы, но «дамы» даже не смотрели друг на друга — вот это отметили и повеселились.

— Возьми хотя бы моих людей, Глеб — они не подведут!

— У меня свои есть!

— Твой дружок Липатов? Нашел кому доверять! Гони его с должности начальника службы безопасности! Он в своей семье не может разобраться...

— Это его личное дело!

— А что у них в семье? — встрепенулась Иришка. — Поссорились?

— Вроде как... Помирятся.

С Ленкой — женой Стаса они вроде подружились, но последнее время (как узнал про любовницу Стаса приглашать его в наш дом перестал — не хочу в собственном доме врать жене, подбирать слова, скрывать ложь — противно!)

— Ириш, пойдем потанцуем, — поднимаясь, пригласил жену, чтобы сбежать от нравоучений отца.

— А можно мне... — поднялся отец и протянул руку моей смутившейся жене. — Можно пригласить?

— Конечно... — кивнула она и, вкладывая свою руку, поднялась из-за столика.

— Пойдем, мамуль, — мне пришлось пригласить другую даму, мать была просто счастлива.

Под тихую, плавную музыку мы танцевали, разговаривали, но понемногу настроение матери менялось: сначала все внимание ее было сосредоточено на мне, потом она стала бросать тревожные взгляды на отца, прислушиваясь к его словам, стала замечать его нежные взгляды, бросаемые на мою жену, застыла, когда увидела, как отец надевает иконку на шею Иришки, с благодарностью глядящую на отца, а потом случилось то, что запомнилось мне надолго...

— Как ты мог? — возмутилась мать, бросая меня и надвигаясь на отца. — Семейная иконка переходит этой...

— Молчи! — рявкнул отец, хватая мать за руку, тянущуюся к маленькой золотой, украшенной драгоценными камнями натальной иконке на груди у моей жены. — Я так решил! Это реликвия моей семьи и дарю я ее кому хочу!

— Почему ей, а не сыну? Она нам никто! Или ты ее больше лю...

— Молчи!

Никогда я не видел отца таким сердитым: глаза его с ненавистью смотрели на мать, кулаки сжались — вот-вот ударит... Я бросился между ними, схватил отца за руки.

— Уведи ее! — рыкнул он.

И я, обнимая мать за плечи, повел ее к выходу из зала, но в дверях обернулся... Иришка снимала с шеи золотую иконку, желая вернуть, но отец не дал этого сделать, схватил ее за руки, рухнул на колени и что-то шепча, стал целовать руки моей жене... оставив мать в дверях, я бросился к Иришке, но отец быстро встал, прошел мимо меня и взяв мать за локоть вывел из ресторана.

Иришка стояла посреди зала в полной растерянности.

— Уйдем? — подойдя, спросил, кладя руки ей на плечи и заглядывая в лицо.

— Давай, потанцуем, а потом немного посидим, подождем пока они уедут.

Обнявшись, мы молча протанцевали два танца... вернее, я пытался спросить, но Иришка закрывала мне рот рукой и качала головой — разговаривать она не хотела. Музыка кончилась, неизвестность стала невыносимой.

— Пойдем сядем... Что он говорил? — обнимая ее за плечи повел к столику.

— Прощенья просил...

— За что? Что мать иконку хотела отобрать?

— Наверно... Я что-то ничего не понимаю, — Иришка не пьет, а тут махнула полбокала вина. — Если Инессе Сергеевне так жалко эту иконку, пусть возьмет... Мне она не нужна!

— Нужна, нужна! — не согласился с бессребреницей. — Эта иконка семейная реликвия отца, передается из поколения в поколение — есть легенда, что она исполняет желание дарящего ее другому человеку, нуждающемуся в защите Высших Сил... Мать столько лет ее у отца выпрашивает, а он ни в какую! А тебе подарил — вот мать и взбеленилась. Прости ее...

Со вспыхнувшими от выпитого вина щечками Иришка сидела за столом, опустив глаза и о чем-то размышляла.

— Да ладно... Какие между нами счеты?! Они твои родители и хотят, чтобы тебе было лучше. Хочешь я тебе ее подарю, как твоя мама хотела?

— Нет, — мотнул головой, не понимая почему отец сделал такой подарок моей жене — при случае спрошу. — Тебе отец подарил ее, значит так тому и быть!

Посидели, поели, самому захотелось выпить, но за рулем не пью...

— Ты говорил про защиту... А разве я нуждаюсь в защите? — жена подозрительно посмотрела на меня: подозрительность в глазах сменилась тревогой и ревностью. — У нас же с тобой все хорошо? Или я чего-то не знаю?

— У нас с тобой все просто замечательно! — постарался поднять ей настроение. — Ты мне веришь?

— Верю! — тут же ответила она. — Но какое-то нехорошее предчувствие...

— Пойдем домой, моя «сладкая конфетка», и я развею все твои сомнения... А потом продолжим наш спор о нашем сексе...

3

Ирина

«Спор» наш я проиграла в чистую...

Ну, не совсем спор, поскольку против секса я не возражала никогда — просто Глеб высказывал свое недовольство: ребенку три года — пора бы уделять побольше внимания мужу, страдающему от нехватки внимания и секса!

И я, конечно же, с радостью согласилась с его претензиями!

На семейном совете (состоящем из меня и мужа) мы решили, что пора Снежке давать больше самостоятельности, а главное, начинать ходить в детский сад!

Ей в садик, а мне потихоньку на работу!

Нет, конечно, я могла и не работать — Глеб полностью обеспечивал нас с дочкой, но я сама хочу работать... так я буду к нему поближе! Не хочу скучать по нему целый день!

После замужества, учась в институте, я подрабатывала у свекра, а когда Глеб открыл свою логистическую фирму, перешла к нему тоже на полставки. И вот теперь встал вопрос о целом дне работы, но сначала Снежка должна была привыкнуть к садику, а мы... мы с мужем должны были привыкнуть к нашему начавшемуся у нас второму медовому месяцу...

Что это были за два великолепных месяца!

Я летала на крыльях, пропитанная нашей любовью...

Каждый свободный час мы были вместе, любили друг друга и не могли насытиться нашей любовью.

Со Снежкой мы проходили врачей и сдавали анализы, а потом приезжала мама и «отпускала» меня на свидания к мужу — по-другому наши встречи назвать трудно: мы летели в наш загородный дом, или снимали номер в гостинице и, как сумасшедшие, занимались любовью, при этом утром и ночью дома мы занимались тем же самым! Это было чудесное, чувственное, ненасытное наваждение... Страсть, с новой силой вспыхнувшая в наших телах и сердцах!

Два месяца пролетели на таком эмоциональном подъеме, что я не замечала ничего кроме нашей любви, а когда Снежка первый раз осталась в садике на целый день, я почувствовала такое опустошение внутри, что, придя домой, села на диван, не зная, чем заняться. Посидела, повздыхала и поняла, что пришло время подумать о работе.

Приведя себя в порядок: макияж, каблочки, платице — ведь я шла на свидание к мужу! я поехала к Глебу в офис, пригласить его на обед и поговорить о работе.

Больше трех лет я не была в его офисе, а теперь горела желанием все вспомнить. На вахте меня узнали, пропустили, выписав временный пропуск в его компанию, и я поднялась на шестой этаж, прошла приемную, удивляясь отсутствию секретарши и распахнула дверь в кабинет мужа...

Глеб сидел за столом, а рядом с ним, опираясь на стол попкой, стояла молодая девушка с длинными волосами в офисном костюме, пиджак был расстегнут, а рука моего мужа лежала на выпирающем, округлившимся животе девушки... Она была беременна...

Увиденная картина врезалась в память, застыла в глазах, и я замерла с открытым ртом на пороге его кабинета.

Глеб резко повернул голову — кто смеет врваться без стука в его кабинет — в глазах его плескалась такая нежность... такая же, когда он гладил мой животик, когда я носила нашу дочурку... я задохнулась от такого сравнения и попятилась...

— Иришка?! — удивился он, отъехал от стола, встал и, как ни в чем, не бывало, пошел ко мне.

А я с остановившемся от ревности и предательства сердцем стала падать в вязкую, беспросветную пустоту...

4. Май

Глеб

Когда жена вошла в кабинет, вздохнул с облегчением: наконец то этот тягостный разговор закончится — ты настоял, ты заставил оставить ребенка, ты обещал... постоянные

претензии! Каждый день — хоть увольняй ее и бери на содержание, чтобы дала спокойно работать!

— Иришка?! — встал и пошел к жене, давая понять Вере, что разговор окончен — все что обещал я выполню.

Но сделав несколько шагов, понял, что что-то не так: жена смотрела на меня полными ужаса глазами, и я испугался, что что-то случилось дома.

— Со Снежкой все в порядке? — на ходу спросил и увидел, как она побледнела, глаза подернулись ледяной пленкой, ноги ее стали подкашиваться, и она стала медленно оседать на пол...

Бросился к ней, схватил, прижал к себе, взял на руки, уложил на диван.

— Воды! — рывкнул стоящей столбом помощнице и стал расстегивать пуговицы на пальто жены. — Ирочка! очнись, родная!

Слегка похлопал по щекам, схватил принесенную воду, плеснул на руку, протер лицо.

Жена открыла глаза, непонимающе уставилась мне в лицо.

— Слава Богу! очнулась! — вздохнул с облегчением. — Что-то дома случилось? Со Снежкой все хорошо?

Иришка перевела взгляд на стоящую в дверях Веру, и глаза ее снова подернулись ледяной пленкой. Я посмотрел на помощницу и снова рывкнул:

— Выйди!

Когда дверь кабинета закрылась, жена посмотрела на меня с неммым вопросом.

— Что случилось? — спросил, волнуясь — на вопрос о Снежки она мне так и не ответила. — Дома все в порядке?

Иришка кивнула и меня отпустило, но смотрела она на меня по-прежнему с подозрением и страхом.

— Что не так? Ты узнала Веру — она моя помощница. К ресторану привозила документы — срочно надо было подписать. Попросил ее тогда подыграть мне...

— А теперь она беременная... — медленно поднимаясь, простонала жена.

— Ну да, женщины иногда оказываются в интересном положении... — пошутил, разряжая обстановку.

— От тебя? — глядя на меня расширяющимися от ужаса глазами, выдохнула Иришка.

— Что значит от... — застыл на полуслове, увидев «картину маслом» ее глазами.

Она вошла в кабинет, а я сижу за столом, рядом привалилась беременная Вера, а я глажу ее живот!!!

«— Боже! Опять я не подумал, как это выглядит со стороны!»

Сел рядом на диван, взял жену за руку, погладил, успокаивая.

— Нет, моя ревнивица, не от меня! Не спрашивай от кого...

Иришка долго молчала, обдумывая мои слова.

— Целуешься с ней ты! За задницу ее лапаешь ты! А беременна она от другого? Глеб, скажи правду!

Ее недоверие задело.

— Она беременна не от меня! — с расстановкой произнес и слегка возмутился. — Ну, сколько можно меня ревновать?! Ириш, я устал оправдываться!

— А я устала заставлять тебя в двусмысленных ситуациях! — недовольно парировала жена. — Если бы какой-то посторонний мужик гладил бы меня беременную по животу — как бы ты отреагировал на это?

— Плохо! Врезал бы ему!

— Тогда почему ты гладишь ее по животу, раз ты чужой дядька и там не твой ребенок?

На глазах у нее появились слезинки, и это меня немного отрезвило — ситуация, и правда, двоякая — чего я поддался...

— Ну, потому что... — замялся, подбирая слова, — я обещал помочь...

— Почему ты, а не отец?

— Отец не может — у него свои дети.

— У тебя тоже свои дети! И жена...

— Просто Вера просила...

Замолчал, вспоминая наш первый разговор...

— Я беременна! — войдя в кабинет вывалила Вера новость и уставилась на меня, ожидая понимания.

— И что?

— Как это что? Ты же хотел ребенка! Как скажешь, так и будет — скажешь «аборт» — сделаю аборт!

— А потом локти себе будешь кусать, когда без детей останешься!

— Кому он будет нужен, когда родится?

— Мне будет нужен! Я тебе помогу вырастить ребенка! Оставляй!

— У тебя своя семья! Жена твоя такое прибавление не одобрит! Узнает, что будешь делать?

— Зачем ей от кого-то узнавать — сам скажу! Вот родишь и скажу.

— А если до родов нас застукает и все узнает? Обидится, разведется с тобой... Тогда женишься на мне, как обещал?

— Что? Вспомнила мою шутку?! Даже не мечтай! У меня была, есть и будет только одна жена, которую я люблю!

— Ну, конечно... Не зарекайся — сегодня одна любовь, завтра другая! Не известно еще, как завтра карта ляжет... Иногда мечты сбываются!

«— Почему то тогда не придал значение ее словам о женитьбе и о мечтах, а вот сейчас... как ногтем по стеклу процарапала... и к ресторану она приехала с несрочными документами, и про ревность она заговорила, давая совет: заставить жену поревновать немного, чтобы взбодрить чувства, а он повелся, и вот сейчас... сама его руку взяла и на свой живот положила... а оно вон как обернулось — жена увидела, опять приревновала и в обморок грохнулась, так впечатлилась... Что-то слишком много воли себе взяла моя «старая знакомая», за три года привыкла: вторгается в личное пространство и пытается мной манипулировать... пора, и правда, Веру с работы убирать — пора задуматься, как выглядит ситуация с беременной помощницей со стороны — вывод напрашивается сам собой, а если еще кто узнает о моей помощи ей... Иришке точно доложат! А волновать жену нельзя — вон как переживает, даже в обморок упала... Врачу надо обязательно показать! Завтра же поедем обследоваться!»

— Вера оказалась в трудной ситуации и попросила помочь... В какой-то мере я чувствую ответственность за нее... как за работницу.

— Ты всем беременным работницам помогаешь? — не унималась жена и это подбешивало.

— Стараюсь! Дети для меня очень важны.

— Знаю... Но не всех ты гладишь по животу с такой нежностью!

— Не всех! Просто вспомнилось, как у нас...

Дверь кабинета распахнулась.

— Глеб, Саныч звонит со склада, похоже, там ЧП. Просил срочно тебя приехать.

— Хорошо...

— Почему она называет тебя по имени? — недовольно поинтересовалась жена, снимая пальто и укладывая его на спинку дивана. — Ольга Владимировна себе такого не позволяла! Кстати, почему ты сменил секретаршу?

— Просил срочно! — уточнила Вера, чем только утвердила мое решение убрать ее с работы.

— Иди! — бесить начинает ее присутствие, повернулся к жене. — Потому что не справлялась...

— А эта молодая справляется? И какие у нее дополнительные обязанности, с которыми Ольга Владимировна не справлялась?

— Ириш, ты опять?

— Ты с ней проводишь много времени на работе, она обращается к тебе по имени и на «ты», ты ее целуешь в губы, лапаешь за задницу, она беременна, и ты гладишь ее по животу!! И ты говоришь, что у меня нет повода для ревности?!

— Нет!

— Тогда веди себя так, чтобы не давать повода для ревности! — неожиданно жена всхлипнула, закрыла лицо руками и заплакала. — Глеб, я устала тебя ревновать! Пожалуйста... не мучай меня...

Понимая двоякость ситуации и под впечатлением ее слез (плакала она очень редко!), попытался ее успокоить и пообещал:

— Сегодня же переведу Веру в другой офис, и верну Ольгу Владимировну. Ты довольна? Жена кивнула, но не успокоилась...

С чего такие рыдания? Не поверила? Ведь все у нас хорошо — третий «медовый месяц»: первый был после свадьбы, второй после рождения дочери, а сейчас третий... самый медовый, самый сладкий, самый страстный и чувственный... она в восторге, на подъеме и ненасытна — мы похожи на страстных любовников, а не на супругов после пяти лет брака...

— Ну все, милая, все... — приобнял, погладил по волосам, начала успокаиваться, — дома обо всем поговорим спокойно.

Надо было заняться работой, но ее обморок и эти ее рыдания не выходили из головы... тревожные симптомы... бабушка по отцовской линии умерла от опухоли в мозге, а началось все с банального обморока и беспочвенной слезливости... Обнял жену, прижал к себе, начал поцеловать, успокаивая... она сидела, как чужая, и это тревожило... запрокинул ее голову, начал целовать в губы, с языком... не пустила, обиделась, сжал грудь, поласкал... вроде оттаяла, задышала, обняла за талию, руками под рубашку полезла... но до примирения этого мало...

Встал, закрыл дверь кабинета, вернулся, стою, смотрю на нее, а у самого дыхание сбивается, кровь закипает, потряхивает от нетерпения, в штанах тесно от желания близости... Посмотрела на меня моя «сладкая конфетка», ресничками махнула, разрешая... и я на нее набросился! Взял быстро, страстно, напористо... все сам сделал, в первую очередь для нее постарался, чтобы ублажить и успокоить... а уж когда по волосам погладила и в губы поцеловала, благодаря за удовольствие... сам разрядился по полной... лежу на ней, улыбаюсь... она меня в плечо целует, по спине гладит, шепчет на ушко, как хорошо ей со

мною... Душа радуется слушая ее признания...

Стук в дверь вернул к действительности, но оторвался от любимой не сразу...

— Отвали! — рывкнул в дверь и повернулся к любимой — я весь твой!

Гори все ясным пламенем, когда любимая женщина ревнует и огорчается! Помирился окончательно, а уж потом работа и ЧП на складе...

Пошептались, поцеловались, поласкались, еще раз она страстно отдалась мне... и только когда взял ее второй раз, почувствовал, что ее любовь и доверие ко мне вернулись... тело жаром пышет, глаза оттаяли, смотрят с любовью...

— Сейчас попрошу водителя тебя отвести домой, а сам со Стасом поеду на склад разбираться... Здесь подожди — он за тобой придет, — дождался, когда она согласно кивнула, встал, оделся, помог ей одеться, пошел к двери, но неожиданно вернулся — такая бледная и растерянная стояла она около дивана, что сердце от жалости зашлось, захотелось еще раз успокоить. — Клянусь тебе, родная, ребенок не мой! Верь мне!

На этот раз Иришка не ответила, лишь покивала головой.

Ладно, вечером расскажу всю правду о произошедшем — сколько можно скрывать от жены такое...

Развернулся, вышел из кабинета и поехал на склад.

5

Проводив глазами мужа, Ирина взяла сумочку со стола, увидела забытый телефон Глеба на столе, посмотрела на время и положила его в сумку — отдаст водителю, пусть отвезет ему на склад... раз ЧП, значит, телефон точно понадобится.

Дверь кабинета открылась, вошла Вера, выставляя напоказ кругленький животик.

— С вами все в порядке?

Ирина кивнула и шагнула в двери. Вера преградила дорогу.

— Он вам все рассказал? — начала она и победоносно посмотрела на пребывающую в неведении жену. — Про нас с Глебом и про нашего ребенка?

Сколько сил понадобилось Ирине, чтобы не дрогнуть, не грохнуться опять в обморок, не показать, что слова соперницы попали точно в цель — в самое сердце!

— Он сам захотел ребенка от меня! Сказал, что вы не хотите детей! — продолжала помощница, презрительно скривив подкаченные губы. — А он хочет большую семью — минимум трех! Он обещал... как только я рожу, развестись с вами и жениться на мне! Мы договорились, что я рожу ему четырех! И у нас будет большая и любящая семья!

«— А я думала, что у нас любящая семья! — вдруг совершенно отстраненно подумала Ирина — примирительный секс с мужем настолько эмоционально опустошил и разрядил ее, что эмоций на слова секретарши, просто не осталось! хотя ядовитая стрела ревности пронзила сердце... Она взялась рукой за сердце (оно у нее почему-то стало покалывать, а потом и вовсе «биться через раз») и оценивающе посмотрела на живот предполагаемой «любовницы» мужа. — Месяцев пять... Если все, что она говорит, правда... Заниматься сексом с беременной любовницей не комильфо — Глеб выдвинул претензии жене и получил страстный, многоцветный секс... Как же все это... расчетливо и мерзко! Стоп! Если все, что она говорит, правда. А если нет? Глеб поклялся, что ребенок не его! Врал? Зачем? Мог бы сейчас признаться: «Да, она моя любовница и это наш ребенок!». Почему не признался — выдался удобный случай, признался, и я пошла бы рыдать и зализывать раны, а он остался бы с ней... но он остался со мной и не признался! Какая ему от меня польза? Денег у меня нет, с дочкой я ему видется не запрещу — она его обожает, как и он ее... Если он любит эту

Веру и планирует большую семью, почему не уйти к ней прямо сейчас?.. А-а-а... все это планируется, когда она родит... вдруг что случится и планы на большую, многодетную семью рухнут, и он останется в уже созданной семье, в которой уже есть ребенок... наш с ним ребенок! Но если, по словам секретарши, они с ней планируют «большую, любящую семью», то зачем ему заниматься любовью со мной сейчас в кабинете? Дважды! Прямо у нее на глазах... не заботясь о ее чувствах и состоянии — стресс от нашего секса вполне мог вызвать осложнения или преждевременные роды. Если бы это был его ребенок, то Глеб бы в первую очередь подумал о нем и о «любимой» женщине, стоящей под дверью и слушающей наши многоговорящие стоны и скрипы дивана, а он предпочел... помириться со мной, рывкнув на нее, чтобы она не мешала... — здесь Ирина томно вздохнула, вспоминая каким муж был страстным и нежным, доставляя удовольствия в первую очередь ей, занимаясь с ней любовью, и чаша весов доверия тут же склонилась в пользу мужа — в том, что он ее любит и хочет, сомневаться не приходилось — он ей только что это доказал — дважды! — К тому же он хотел отослать свою помощницу в другой офис... для моего спокойствия. Вечером все прояснится... Может, все его клятвы сплошное вранье... А может он говорит правду! Тогда почему он с такой нежностью гладил ее живот... чужого ребенка так не любят. Но об этом я будет разговаривать только со своим мужем! А пока... пока он мне сам не скажет, что это его ребенок и он уходит от меня... или пока я собственными глазами не увидит их, занимающимися сексом... никому кроме мужа верить не буду! И пусть все считают меня душой!»

Приняв такое решение, Ирина как-то сразу успокоилась, но сердце продолжало ныть, и она прямо физически ощутила надвигающуюся беду.

«— Куда уж хуже?!»

Со щемящей тоской подумала она, и ее внутренний «барометр настроения любимого» показал «пасмурно»... Молча, обошла она беременную помощницу мужа и вышла из кабинета.

Но оказалось... (когда ты думаешь, что это дно, снизу раздается стук!) все что произошло сейчас в кабинете мужа, по сравнению с тем, что грядет, лишь легкие недоразумения...

6

Держась рукой за сердце, Ирина вышла из офиса, села в подъехавшую машину мужа и закрыла глаза.

Глядя на бледную пассажирку, держащуюся за сердце, водитель-телохранитель вышел из машины, открыл заднюю дверь, взял руку Ирины, проверяя пульс, даже не среагировав на его прикосновение, и быстро поехал в ближайшую больницу. На руках отнес Ирину в приемное отделение, поднял на уши всех врачей, ей сделали укол, взяли анализы, подержали пару часов в палате и отпустили... озадачив ее выданными на руки копиями анализов.

— Ирина Викторовна, все в порядке? — спросил водитель-охранник, самовольно дождавшийся выхода из больницы жены шефа.

— Вроде да, — задумчиво ответила Ирина — предположение врача требовало подтверждения. — По дороге остановимся у аптеки... мне тут кучу лекарств навывписывали.

— Как скажете.

— Я вас раньше не видела, давайте знакомиться... Как вас зовут?

— Александр. Можно Саша.

— Александр... Саша, Сашенька... Шурка... Красивое имя, — Ирина тряхнула головой возвращаясь в реальность. — Спасибо вам Саша за заботу обо мне! Вы ведь были не обязаны...

— Обязан. Глеб Ильич сказал не просто «отвези», а «позаботься о моей жене» — вот я и выполняю его указания. Не волнуйтесь, Ирина Викторовна, доставлю домой в лучшем виде и в аптеку за таблетками схожу.

— Нет, в аптеку я сама...

— Как скажете. Пока вас не было — телефоны звонили в вашей сумочке, но я отвечать не стал.

Достав свой телефон, Ирина увидела несколько пропущенных звонков с неизвестных и знакомых номеров, но перезвонила она только на один номер — свекру, не подумав, что муж может звонить с чужого номера — телефон же он составил на столе в кабинете.

— Илья Семенович, вы звонили?

— Да, Ирочка... — голос свекра был каким-то глухим и трагичным, словно он хотел сообщить ужасную весть. — У тебя все в порядке?

— Не очень... Была в офисе Глеба... поругались немного... с ним и его помощницей... сердечко прихватило, — зачем она все это рассказывала свекру было непонятно, но пожаловаться на Глеба и рассказать всю ситуацию очень хотелось, и, если бы не водитель, то точно бы рассказала... — но уже все в порядке, спасибо Саше. Сделали укольчик и отпустили домой.

— Ирочка... ты далеко от дома? Я к тебе сейчас приеду. Не отвечай ни на какие звонки, до моего приезда — я сам со всем разберусь. Позвоню твоей маме и попрошу тоже приехать — пусть присмотрит за Снежкой, а мы поговорим...

— Хорошо.

У водителя зазвонил телефон, он ответил, коротко поговорил (одними междометиями) и с тревогой посмотрел в зеркало на «охраняемый объект».

Остановившись у ближайшей аптеки, водитель сходил с Ириной в аптеку, и ей с большим трудом удалось от него отделаться, чтобы без посторонних глаз купить... тест на беременность!

В машине Саша настоял, чтобы она выпила таблетки и, только после того, как подъехали к дому, проинформировал:

— Вы должны знать, Ирина Викторовна... Глеба Ильича арестовали!

Рука Ирины замерла на ручке двери машины.

— Как это «арестовали»? За что? — слегка нахмурилась она и прислушалась к своему сердцу — «барометр настроения мужа» показывал «ливень».

— За убийство товароведа... Подробностей я не знаю.

— Бред какой-то! Глеб никого не мог убить! Он серьезный, спокойный человек!

— В такой ситуации у любого нервы начнут сдавать...

— В какой ситуации?

— Ну, вы же сами знаете — с беременностью Веры.

Ирина замерла и в упор посмотрела на водителя.

— Вы хотите сказать, что Вера любовница моего мужа и ребенок у нее от него?

— Все об этом говорят...

Водитель-охранник пожал плечами — свечку он не держал, но так все выглядит со стороны.

«— А Глеб мне поклялся, что ребенок у Веры не его! Я верю ему, а не какой-то там...»
Слезы сами собой снова хлынули из глаз, и она зарыдала...

Все на работе об этом знают... Что же ей теперь делать, если Глеб ее обманул, изменил ей и завел на стороне ребенка?

А если подозрения врача подтвердятся, и она окажется беременной... вся ситуация настолько осложнится! Как не вовремя эта беременность! С одной проблемой бы разобраться, а тут еще незапланированная беременность...

— Ирина Викторовна, пожалуйста, успокойтесь... Вам нельзя волноваться...

— Тогда зачем вы мне это сказали... — всхлипнула Ирина.

И разрыдалась еще сильнее — нет, она не верит, что Глеб ей изменяет! Не верит! Ведь он так нежно и заботливо к ней относится, вот, только что, с такой страстью занимался с ней любовью! Как можно смотреть ей в глаза и врать?! Не может он ее обманывать... Он дорожит их семьей, любит их с дочкой... но все говорят, и все знают о его измене... а она — жена... узнаёт об этом самая последняя...

— Нет, нет! Не верю! — шептала Ирина, пытаюсь успокоиться. — Он поклялся, что ребенок не его! Он меня никогда не обманывал, когда клялся...

Неожиданно Ирина замерла, подумав об аборте...

«— Это многое решит, если он изменил и собирается уйти из семьи... тогда я останусь беременной с ребенком на руках... эта беременность все только осложнит!.. И запутает... Узнав о моей беременности, Глеб может засомневаться, раздумать — ведь у нас в семье будет уже как бы двое детей, а мне его колебания не нужны — жить с предателем я все равно не буду! Пусть убирается к своей любовнице! Ну, и пускай моя беременность все осложнит и запутает! Убивать своего малыша или малышку я не стану! Даже если Глеб разлюбил меня и уйдет к другой женщине с другим ребенком... этот ребенок все равно зачат в нашей любви... В моей любви точно! Ведь я люблю мужа и в другой ситуации была бы рада, что забеременела от него! Люблю Глеба, чтобы он не натворил... Другое дело прощу ли я его измену и ребенка на стороне... А этого ребенка... я уже люблю и никогда не причиню ему вред! Просто пока никому не скажу, что беременна... Поговорю сегодня с мужем, все выясню, а уже потом... И истерить больше не буду — вот, как сейчас, поддаваясь эмоциям и нанося вред психике ребенка!»

Осознав это, Ирина постепенно успокоилась. Вдохнула последний раз и полезла в сумочку за платочками.

— Я тоже не верю, что Глеб Ильич виноват, — вздохнул Саша.

— Виноват в чем? — не понимая, о чем говорит водитель, спросила Ирина с трудом выныривая из кокона своих «проблем»: измена мужа, ребенок на стороне, ее беременность... что-то еще плохое случилось, но вот что, она не помнит...

— Ну, секс... может быть, ребенок — возможно, а вот в то, что Глеб Ильич вас бросит и на Верке женится, как она всем рассказывает, не верю!

Ирина напряглась — что за разговоры? почему посторонний человек позволяет себе обсуждать с ней ее мужа? Обсуждать его отношения со своей... Ей вдруг очень захотелось выяснить все об этих «отношениях» своего мужа — иметь на руках факты его измены: найти свидетелей, увидеть фотографии, чтобы вечером не просто выслушивать его объяснения, а предъявить ему эти факты — его, видите ли, раздражает ее «беспочвенная ревность»...

— Значит, секс и ребенок возможны... — стараясь быть равнодушной и отстраненной, протянула она, решив выяснить все до конца. — Сами видели, как они сексом занимались?

Или слухи распространяете?

— Сам лично? Нет, не видел... хотя отношения у них... дружеские, даже слишком — начальника нельзя называть по имени и на «ты» — субординация, а Верка на шею ему вешается при всех — даже если ты любовница, то границы надо знать. А слухи не распространяю... делюсь с вами своими наблюдениями и сомнениями.

— Больно слушать такое... — все же не выдержала Ирина, вытирая подступающие к глазам слезы, но взяла себя в руки и продолжила «допрос». — Значит, сами лично ничего не видели! А почему не верите сплетням?

— Потому, что женятся по любви или по расчету: любви между ними точно нет, простите за подробности... я целый месяц за ними наблюдаю — он ее не целует — даже в щечку, не зажимает, за ручку не берет, по ресторанам не водит, на квартиры и в гостиницы с ней не ездит, а по расчету... Какая выгода богатому мужику от брака с нищей, молодой любовницей? Секс он и так получит, не женясь на ней, или другую найдет... еще моложе. Простите!

— Какое вы имеете право обсуждать моего мужа и распространять о нем порочащие его слухи?! Вы же сами признались, что ничего не видели и не замечали между ними, а рассуждаете про его якобы любовниц! Возможно, у него и нет с его секретаршей никаких отношений!

— Возможно, и нет... а Верка сама распускает эти сплетни и делает все, чтобы все в них поверили. А по мне — только полный идиот может променять такую женщину, как вы, на какую-то озабоченную шлюшку...

— Вы и наши отношения с мужем собираетесь обсуждать?! Это уже слишком!

— А чего мне их обсуждать? Мне ли о них не знать... и о тебе... — глядя на Ирину, водитель улыбнулся такой радостной, открытой улыбкой, что она удивленно вскинула брови. — Узнала? Я Сашок Маслов — твой сосед из квартиры напротив, где ты с мамой жила.

— Масленок?

— Ну да, вспомнила... Все время говорила, встречаясь со мной в школьные годы: «Привет, Масленок! Расти большой — боровичком станешь!». Вот я и вырос боровиком!

— Я тебя совсем не узнала... — искренне обрадовалась Ирина и улыбнулась, — что-то знакомое чувствую, а думать ни о чем не могу, кроме своих проблем... Прости, что не узнала.

— Лет пять не виделись — со дня твоей свадьбы... Смотрел в окно, как тебя твой мажор в лимузине увозил. Жутко завидовал ему тогда, а потом отпустило.

— Первая любовь? Я не знала.

— Не парься — из тощего подростка в амбала вырос с твоих напутствий, — Александр вдруг посерьезнел. — Спасибо тебе, «Ириска», что матери деньги на операцию дала и что меня после армии на работу к своему свекру пристроила — почти два года у него работаю, а месяц назад он меня сюда перевел и к твоему мужу приставил... за ним приглядывать. Сегодня форсмажор... но я у Ильи Семеновича сразу спросил: кого охранять в сложившейся ситуации, он сказал — тебя! Я и остался ждать у больницы... Только вот, если бы я поехал с Глебом Ильичом, может он не попал бы в полицию и не обвинялся бы в убийстве...

— В убийстве? Ты же сказал, что его арестовали... Как арестовали?!

«— Вот, что еще плохое произошло! — вспомнила Ирина. — А я заиклилась на измене мужа, на ребенке Веры и на своей возможной беременности... и обо всем другом забыла... А

главное — Глеба арестовали и обвиняют в убийстве!»

— Если бы не рыдала так горько по своему мужу, не признался бы, что знакомы. Все, больше никакой фамиллярности! Ирина Викторовна, вам помочь до квартиры дойти или поехать в офис, узнать все новости об аресте Глеба Ильича и вам сообщить?

— Поехать, узнать и сообщить! — Ирина почувствовала рядом дружеское, надежное плечо, на которое она может опереться в такой трудной ситуации, и было уже не так страшно барахтаться в этом «глубоком омуте проблем». — Спасибо тебе, Сашок... что поддержал меня, успокоил, дал выплакаться, разобраться, что главное, первостепенное, и понять важнейший для женщины закон: ни один мужчина не стоит жизни собственного ребенка!

7

Обхватив голову руками, Глеб сидел на узкой шконке в одиночной камере следственного изолятора и пытался вспомнить произошедшее...

Он хорошо помнил, как в его кабинет вошла его жена, как она упала в обморок, что он испугался за нее и за дочь, а потом они занимались сексом: страстно, чувственно и сладко...

Заниматься сексом со своей «конфеткой» было всегда — сладко! Почему-то сначала он не знал этого — думал, что будет, как всегда, хотя и влюбился, но как только «распробовал» ее, другие женщины перестали для него существовать: они не так пахли, не так смотрели на него, не так прикасались, даже стоны их его раздражали... и он, не сразу, отказался от всех, ради нее. Хотя продолжал попадать в двусмысленные ситуации из-за женщин, чем приносил жене большие страдания, заставляя ревновать...

— И я еще был недоволен, что она меня ревнует! Теперь для ревности повода не будет! — скривился Глеб, осторожно трогая на затылке огромную шишку. — Как мои девочки теперь будут без меня?

Никакого допроса не было, его просто арестовали и посадили в камеру, и вот теперь он ждет адвоката. В чем его обвиняют он понял, когда пришел в себя и с трудом поднялся на ноги... рядом с ним лежал мертвый товаровед Саныч с пробитой головой, в руках у него была зажата монтировка...

Глеб не верил, что мог ударить по голове человека... просто так, за какие-то пропавшие товары. То, что товары с его склада пропали он понял по пустому складу... Товара было на чертову пропасть денег — медицинское оборудование! Завтра их надо было начать развозить по городам, а теперь... Теперь придется выплачивать огромные суммы, чтобы все компенсировать! Таких денег у него в обороте нет — придется кланяться в ножки отцу, а потом долго-долго отдавать долги! Увезенные товары вряд ли найдут...

Вздыхая, Глеб снова потрогал шишку — не о том он думает! С деньгами он как-нибудь разберется, а вот с убийством человека... Похоже, убийство хотят повесить на него, но вряд ли у них это получится: жена и отец этого не допустят! Только им двоим он мог доверять полностью...

А они могут ему доверять?

Скорее всего, нет... Он никогда не говорил всей правды, не открывая ни перед кем душу до самого конца, до самого доньшка, скрывая нелюбимые поступки и тайны, а ведь эти двое заслуживают его откровения и поймут его, и простят, и пожалеют, и поддержат... Почему же только сейчас он задумался об этом? Потому что, по глупости и из-за своего снобизма и упрямства, попал в беду! И только в беде познаются любящие тебя люди и настоящие друзья!

— Левицкий, на выход! К адвокату!

Глеб встал, заложил руки за спину и пошел к двери.

Долгая процедура знакомства с адвокатом, его расспросы и наставления Глеба нервировали, и он никак не мог сосредоточиться, ему хотелось чтобы это все побыстрее закончилось, и он поехал бы домой, к своим девочкам: поиграл бы со Снежкой, почитал бы ей на ночь книжку, поцеловал бы светлую головку и пошел бы к жене... возможно, сегодня, прежде чем заняться с ней сексом... нет, любовью, он расскажет ей о себе всё-всё, до самого донышка, ведь она заслужила его доверие — она его любит, верит ему и никогда не предаст...

— Глеб Ильич! Вы меня слышите? — адвокат поправил очки и неодобрительно воззрился на подзащитного — похоже он не понимает всей серьезности обвинения. — После того, как вы выехали из офиса, во сколько вы приехали на склад?

— Не знаю... на время я не смотрел — телефон забыл в кабинете. Когда меня отпустят?

— Вы меня слушали, Глеб Ильич? Вам светит до десяти лет за убийство человека!

— Какое убийство? Я никого не убивал!

— К сожалению... есть свидетель — работник склада, который слышал вашу ссору и видел, как вы ударили товароведа, ему пришлось ударить вас, чтобы обезвредить. Он вызвал полицию и «Скорую».

— Я не понял... Меня не выпустят?

— Нет! В ближайшие...

— Но я точно знаю, что не убивал никого!

— Откуда? Вы же ничего не полните...

— Ну да, но кое-то я помню: как в кабинет вошла жена, как она упала в обморок, увидев, как я держу руку на животе помощницы, пытаюсь почувствовать шевеление ребенка, помню, что испугался за нее и за дочь, а потом мы помирились... помощница передала, что звонил товаровед и просил меня срочно приехать на склад...

— И вы сразу же поехали?

— Нет, я мирился с женой... долго, посчитал, что это важнее ЧП на складе.

— Похвально! У меня так не получается.

— У меня тоже... не получалось... пока не понял, что могу потерять семью из-за своей занятости... Приехал как-то в выходной после работы... в наш загородный дом и увидел счастливую семью... без меня: улыбающуюся жену с ребенком на руках, ее мать, моего отца — смеются, улыбаются... без меня. Так обидно стало, что все внутри перевернулось... за делами как-то и не задумывался, как там моей семье поживается без меня, а оно вон как оказалось — они без меня могут быть счастливыми, а я без них — нет...

— Спасибо, Глеб Ильич, что поделились... — адвокат вновь поправил очки, решая стоит ли доносить до подзащитного информацию о семье — решил, что надо, для налаживания контакта и доверительных отношений. — Сейчас с вашей женой все в порядке, но после разговора с вашей любовницей...

— Она мне не любовница! — сжимая кулаки, четко произнес Глеб, от злости, не вникая в услышанное.

— Пусть будет, по-вашему, но все в офисе думают именно так... после их разговора Ирину Викторовну водитель возил в больницу... сердечко у нее прихватило.

— Что? Что с Ирешкой?

— Я же говорю: сейчас все в порядке! Сделали укол и отпустили...

— Мне надо домой! Жену успокоить... — закрывая лицо руками, простонал Глеб. — Убью эту стерву!

— Вот только второго убийства нам и не хватает! Рассказывайте, что еще помните.

— Как жена?

— Думаю, с ней все в порядке — с ней Илья Семенович.

— Отец? — почему-то это известие неприятно укололо Глеба — вспомнилось, как отец стоял на коленях перед Ириной на глазах у всех посетителей ресторана и целовал ей руки. — Можно ее увидеть?

— Попробую договориться со следователем... Я уже написал несколько претензий... Но это будет дня через два. Пока могу передать от вас записку... после того, как расскажете, что вы еще помните.

— После того, как помирился с женой... — даже в такой ситуации воспоминание о примирении с женой жаркой волной прошло по телу, и «заключенный» опустил глаза, чтобы скрыть свою слабость — он любил жену страстно и трепетно и чем дальше от нее был, тем сильнее желал близости с ней и страдал от разлуки. — Водителя на месте не было — он отъехал на заправку, мы поехали со Стасом — начальником службы безопасности, на территории разделились: он пошел на один склад, я на другой... вошел — пусто, удивился и все... темнота. Когда очнулся, поднялся, голова гудит, монтировка в руке, а рядом Саньч лежит с пробитой головой.

— Мдаа... Значит так, Глеб Ильич — никаких разговоров без меня, ни с кем не делиться информацией, на угрозы не поддаваться, чистосердечное не писать, даже если будут угрожать и бить...

— Даже бить?

— Бывает и так! Вашу семью охраняют, так что не верьте никаким угрозам! Илья Семенович перевезет ваших к себе в дом и обеспечит охрану.

— Что? Он забирает мою семью к себе? Нет, этого нельзя допустить! Мне надо выйти отсюда!

— Нам надо время, чтобы доказать вашу невиновность или найти смягчающие обстоятельства...

— Вы не понимаете... — вскочил со стула Левицкий и уперся руками в стол. — Я заплачу любые деньги! Может под залог...

— В ближайшее время вы отсюда не выйдете! — жестко припечатал иллюзии Глеба адвокат. — Если мои следователи не найдут настоящего убийцу.

— Ограбили склад — меня здорово подставили! Кто товары увез — тот и Саньча грохнул.

— Разберемся! Пишите записку.

— А когда передадите? — усаживаясь, нахмурился Глеб.

— Вот выйду из СИЗО и передам.

— Она здесь? Вы сказали их охраняют.

— Она с охранником приедет. И последнее... Илья Семенович спрашивает, что делать с вашей фирмой: банкротить или улаживать конфликт и закрывать долги?

— Второе!

— Надеетесь, что все выяснят?

— Да! Я не виноват!

Глеб быстро написал несколько предложений на листке и передал адвокату.

Тот прочитал:

«Клянусь, только твой! Люблю тебя и дочь! Береги себя, единственная моя! Верь мне!»

— Коротко и ясно! — пряча листок в папку среди бумаг, прокомментировал адвокат. —

Наберитесь терпения и сил — процесс будет долгий.

8

Получив записку от мужа с адвокатскими пояснениями, Ирина тут же ее прочитала:

«Клянусь, только твой! Люблю тебя и дочь! Береги себя, единственная моя... Верь мне!»

Прочитав и поняв, что пишет он не о совершенном преступлении, за которое его арестовали, а волнуется о ее здоровье, предупреждает, что верен ей и любит ее и просит верить ему... Ирина прослезилась и тут же поверила ему! Теперь, кто бы что не говорил, кто бы что не доказывал и не показывал — верить она будет только своему мужу: он ей верен! он ее любит! и она у него единственная!!!

— Любимый мой! Единственный! Верю тебе! — шептала она, прижимая записку к груди. — Люблю тебя! И никогда не предам!

Ирина протянула записку Сашку, тот прочитал, кивнул, поверил, вернул — в таких обстоятельствах вряд ли будешь врать — это, как «прощальный привет на волю»...

— Как он? — стараясь не разрыдаться, спросила Ирина у адвоката.

— Пока не понял, что это надолго — рвется к вам, успокоить.

— Бедный мой... А как надолго?

— Месяц, максимум два... потом суд. Подозреваю, что на него еще и мошенничество повесят — продал товар налево и обанкротил фирму, чтобы ничего не выплачивать.

— Нет, Глеб не мог такое сделать, он честный человек! — не поверила Ирина.

— Постараемся этого не допустить...

— Я привезла вещи, о которых вы говорили, продукты и записку...

Адвокат взял пакет, прочитал записку:

«Верю! Люблю! Ждем тебя, родной мой!»

Немного подумав, адвокат сложил записку и пошел обратно в СИЗО. Вышел он без пакета и, проходя мимо машины Ирины, кивнул головой, что означало «передал».

Машины разъехались в разные стороны.

Приняв к сведению, что эти двое «на одной волне» и с полуслова понимают друг друга, адвокат понял, что не надо искать конфликт между ними из-за «любовницы», хотя на фирме (по расспросам адвокатского детектива) почти все были уверены в скором разводе начальника с женой, он же увидел любовь и трогательную заботу друг о друге — редкое явление в семьях богатых, ибо пропорционально росту денег, уменьшается первоначальное чувство, связывающее супругов вместе.

Ирина же поняла, что сидеть просто так и ждать освобождения мужа она не будет!

— Саша, мне нужен частный детектив, а лучше какой-нибудь хакер, чтобы раскопал всю информацию по фирме Глеба: о поставках, контрактах, страховке — всё, что касается пропавших грузов. И как можно быстрее!

— У моих одноклассников свое детективно-охранное агентство — они классные ребята, хоть и молодые. Завтра позвоню...

— Сегодня, сегодня! Хорошо бы уже завтра были хоть какие-то результаты! Представляешь какво Глебу сидеть там...

— Попробую, — водитель-охранник достал телефон и набрал нужный номер. — Бэлл,

дело есть! Срочное! Надо помочь одному человеку... Соседке моей... Мы через полчаса будем на месте.

— В агентство не пойдем — встретимся на квартире моей матери — я приехала за вещами, а они забежали к тебе в гости...

Кивнув, Саша продиктовал адрес места встречи, и они поспешили к дому Тамары Леонидовны.

Старая квартира навевала воспоминания о юности, первой влюбленности в Глеба, молодости, но сейчас было не до воспоминаний...

Детективами оказалась молодая пара: высокий, брутальный качок и медноволосая, зеленоглазая красотка.

Ирина вкратце обрисовала ситуацию и протянула детективу телефон мужа.

— Лучше Белле — она у нас хакер, а я так... на подхвате.

— Не прибедряйся, Олег! — сверкнула девушка восхищенной улыбкой. — Если надо за кем-то проследить или камеры поставить...

— Камеры? — вскинулась Ирина, и в голову ей пришла гениальная мысль. — Завтра свекор собирается с утра на фирму Глеба... Я попрошусь поехать с ним, а вы поедете со мной... Хорошо бы везде, незаметно, камеры поставить и понаблюдать за работниками — кто-то на фирме точно был наводчиком у воров: обчистили склад с дорогостоящими товарами.

— Давайте завтра встретимся у фирмы вашего мужа и сориентируемся на месте — я могу быть вашим охранником, а Белла — секретаршей. У нее появится доступ ко всем документам.

— Секретаршей?.. — кровожадно улыбнулась Ирина. — Я даже знаю кого я завтра с радостью вышвырну с фирмы под зад коленом.

— Она беременная, — вяло напомнил Сашок.

— Ты думаешь я могу забыть об этом?! — скривилась «заказчица». — Завтра встречаемся у фирмы Глеба. Пароль к телефону «Снежка» — у нас дочка Снежана.

— А у нас Злата, — гордо проинформировал накаченный детектив. — Вылитая мамуля-красотуля.

Ирина с завистью посмотрела на эту счастливую пару и уверовала в то, что они обязательно помогут ее мужу выйти из тюрьмы и доказать свою невиновность.

9. Два месяца беременности

— Нет, я не поеду в ваш дом! — решительно возразила Ирина против настойчивого «приглашения» свекра к себе в загородный особняк, под свое крыльышко. — Прошлый раз Инесса Сергеевна мне чуть глаза не выцарапала за ваш подарок!

— Как? Она на тебя набросилась? — Тамара Леонидовна вскочила со стула и, уперев руки в бока, осуждающе посмотрела на Илью Семеновича. — Я знала, что ничем хорошим этот брак не закончится! А ты настаивал!

— Мама, зачем ты так говоришь?! Мы с Глебом любим друг друга...

— Это ты его любишь, дочь, а он позволяет себя любить, а сам в это время...

— Не выдумывай! Он ее любит! — вступился за сына обиженный отец. — У них счастливая семья, дочка, и если бы Глебка меня послушался и не ввязался в эту сомнительную сделку, то не угодил бы в тюрьму!

— Вот-вот! — не сдавалась Тамара Леонидовна. — Ты всегда вытаскиваешь его из неприятностей, защищаешь, отмазываешь, выгораживаешь при любых обстоятельствах —

теперь же он в тюрьму на десять лет угодил, а мы тут разбирайся с его...

— Тамара! — строго прикрикнул Илья Семенович и тут же поправился. — Тамара Леонидовна! Не надо чернить моего сына! Да, он немного импульсивен, заносчив, непредусмотрителен, но это с возрастом и опытом пройдет! Воспитал я его хорошо! Так же, как и ты свою дочь! Пусть молодые сами разбираются в своих отношениях... хотя разбираться в них нечего — у них прекрасная семья, и они любят друг друга! Всё! Завтра же переезжаем ко мне в загородный дом! Я так решил и возражения не принимаются! А теперь спать!

Все разбрелись по комнатам: Ирина со Снежкой в спальню, Тамара Леонидовна в детскую, Илья Семенович в гостевую спальню, Саша в гостиную.

Уложив дочь и удивляясь тому, что ее мама и отец Глеба перешли на «ты», хотя всегда были подчеркнуто холодно-уважительными друг к другу (видно и на их нервах сказалась непростая ситуация), Ирина взяла тест и пошла в ванну, через пять минут она сидела на краю джакузи держа в руках тест... с двумя полосками.

"— Глебу говорить об этом нельзя — сколько он пробудет под следствием неизвестно, а с этой нервотрепкой удастся ли мне выносить ребенка до конца срока? В такой обстановке потеря ребенка будет для него ударом... и для меня тоже. Надо перестать психовать, ревновать, нервничать — главное, вытащить его из тюрьмы... А для этого надо начать принимать какую-то убойную дозу успокоительного! Но нельзя... Не принимать — из-за стрессов потеряю ребенка, принимать — можно навредить здоровью ребенка! И что делать? — рассуждала она, задумчиво поглядывая на две полоски и прикладывая руку к животу. — Эй, ты там кто? Мальчик или девочка? Сашенька или Шурочка? Нравится имя Александр или Александра? Мне нравится... Ты там, родная моя кроха, не бойся... не бойся моих слез, сомнений, психов и скандалов — это все временное, проходящее, не имеющее к тебе никакого отношения, а любовь вечная! Мама и папа тебя любят — не сомневайся в этом ни секунды! Даже если ты будешь чувствовать только мои руки, мою любовь и заботу, знай, что папочка тебя любит и отдал бы все на свете, чтобы погладить тебя и заботиться о тебе! Но не будем о грустном! Обещаю тебе, крошечка моя, что при первой же возможности ты почувствуешь его прикосновение и любовь... Почему бы и нет — пусть знает о моей беременности, пусть поволнуется, пусть порадует... Вот только получу свидание и обязательно скажу...

Убрав тест в коробочку, Ирина вышла из ванной, пошла на кухню и выбросила тест в мусорное ведро — завтра она обязательно пойдет к своему врачу и встанет на учет, и начнет сдавать кучу анализов, и проходить кучу процедур... Она возьмет свои нервы в ежовые рукавицы — абстрагируется от всего, что несет волнение; зажмет свою ревность в кулак, придушит ее, чтобы не трепыхалась и больше не пронзала ее сердце ядовитыми стрелами — даже если к ней придут еще десять беременных девиц и будут утверждать, что это дети от ее мужа, и что он собирается «заводить с ними большую, любящую семью», со всеми сразу! Она не будет никому верить (никому кроме мужа!), будет спокойной, как удав, сильной, как слон, и толстокожей, как бегемот — она все вынесет! пройдет через все испытания и наградой ей будет здоровый, желанный ребенок! И когда он родится — она будет счастлива! Счастлива, даже если муж будет уже не с ней или где-то далеко от нее! Женское счастье — это дети! И... любящий мужчина!

— Как мне тяжело без тебя, Глебушка! Как одиноко и страшно! Страшно принимать решения за нашу семью! Всегда это делал ты... Теперь и мне надо становиться сильной,

решительной, независимой... — засыпая шептала Ирина, прижимая к лицу подушку мужа, все еще хранящую его запах. — Но ты не бойся, я справлюсь! Повзрослею и справлюсь! Да и твой отец обязательно мне поможет...

10

Ровно в девять, одетая в «деловой костюм», Ирина и Илья Семенович в сопровождении детективов и водителя-охранника вошли в офис фирмы Глеба Левицкого. В офисе собралось полно людей, в приемной гудело, как рассерженном улье.

— Все руководство, начальники отделов — в кабинет! — по-хозяйски распорядился Илья Семенович, окинул всех начальственным взглядом и распорядился: — Всем остальным кофе и стулья.

Секретарша бросилась исполнять приказание, но Ирина, остановившись напротив секретарского стола четко произнесла:

— Бэлла, займитесь своими прямыми обязанностями, оформитесь после совещания.

— Начальству кофе, Ирина Викторовна? — быстро осваиваясь в приемной, уточнила новая зеленоокая секретарша.

— Воды!

Секретарша-детектив протянула Ирине телефон Глеба и кивнула головой — «отработала».

— Вы в машине забыли.

Поблагодарив, Ирина развернулась и последней вошла в кабинет мужа.

Бэлла тут же закрыла дверь кабинета и обворожительно улыбнулась настороженным сотрудникам фирмы.

— Не волнуйтесь, — доверительно произнесла она в напряженной тишине, — Глеб Ильич фирму банкротить не будет, фирма продолжит работу, увольнений и сокращений не будет... — и, выразительно посмотрев на суетящуюся у кофемашины Веру, добавила: — Ну, может кое-кого и вышвырнут с фирмы... под зад коленом, а остальных работников это не коснется.

Все уставились на побледневшую Веру.

— Меня уволить нельзя! — сквозь зубы процедила она. — Я беременная!

— Уволить за аморальное поведение на рабочем месте можно кого угодно, — парировала зеленоокая красotka, ловко разливая кофе в одноразовые стаканчики и угощая заинтересованных слушателей, — оспаривать увольнение придется в суде... так же, как и доказывать отцовство ребенка, сделав тест-ДНК.

Услышав про суд и тест, Вера занервничала еще больше.

Новая секретарша поставила на поднос стаканчики и несколько бутылок воды и понесла в кабинет начальства.

— И так, подвожу итоги! В форсмажорных обстоятельствах руководство фирмы переходит под мою юрисдикцию! — Илья Семенович встал с кресла Глеба, пересадил в него Ирину и, положив ей руку на плечо, как на старых фотографиях продолжил: — Попробуем удержать фирму на плаву! С этой минуты моя команда профессионалов проводит аудиторскую проверку на фирме — все документы без исключения им должны быть предоставлены незамедлительно! На время отсутствия Глеба Ильича генеральным директором с правом подписи, назначаю Ирину Викторовну Левицкую! За сим всё! В течении дня жду ваши предложения об урегулировании ситуации.

Озадаченное «начальство» потянулось к выходу.

— А меня спросили хочу я влезать во все это или нет? — недовольно воззрилась Ирина на свекра, кладя на стол телефон Глеба, который все это время вертела в руках. — Телефон Глеб оставил... как будто сейчас вернется. Вернется и сам займется своей фирмой! Я ничего в этом не понимаю!

— Ты предлагаешь отдать фирму Глеба в чужие руки? — глядя на телефон сына, хмыкнул свекор и заходил по кабинету. — Глебка не справился — занесло на повороте! легкой выгоды захотел, вот и подставился! Лучше меньше, но без криминала и риска! Он это забыл! Забыл, чему я его учил — вот теперь сидит... еще и в тюрьму загремит!

— Нет, нет! Только не тюрьма! — Ирина сложила руки перед грудью и взмолилась. — Пожалуйста, Илья Семенович, сделайте все, что можно, чтобы Глеб не сел... Любые деньги — все продам!

— Могла бы и не просить! Знаешь, же что я для Глебки все сделаю... сам сяду, а для тебя его вытащу! — Илья Семенович развернул кресло к себе, взял руки Ирины в свои и посмотрел ей в глаза. — Клянусь, я сделаю все что смогу, чтобы ты была счастлива! Верь мне!

Не мигая глядя на свекра, Ирина застыла... Илья Семенович говорил словами Глеба. Дверь кабинета без стука открылась и в него влетела рассерженная Вера, увидела «двусмысленную картину маслом» и замерла, просчитывая варианты выгоды увиденному...

Но Илья Семенович, привыкший к «двусмысленным ситуациям», постоянно создаваемых сыном, не дрогнул, не выпустил руки Ирины из своих, озадаченный двусмысленным положением, а наоборот, поцеловал руки и спросил:

— Ты мне веришь?

Только после Иринино кивка головы, выпустил ее руки и повернул кресло к столу.

В кабинет вошла Бэлла и потянула Веру из кабинета.

— Простите, Ирина Викторовна, я вышла на минутку...

— Все в порядке, — произнесла Ирина, дождалась пока новая секретарша выйдет и закроет дверь кабинета и посмотрела на «предполагаемую соперницу». — Я как раз хотела вам сказать, что вы уволены!

— Что? Меня нельзя уволить — я беременная!

— Вам выплатят все полагающиеся вам деньги, выходное пособие... или переведут в другой офис, как хотел сделать Глеб Ильич.

— Глеб обещал заботиться обо мне и нашем ребенке!

Последние слова были произнесены с вызовом, и именно для Ирины, а не для отца Глеба.

— Вашем с Глебом? — переспросил Илья Семенович и недобро усмехнулся. — Это ты можешь Иришке безнаказанно врать и нервы трепать, чего я больше не позволю — она человек доверчивый и жалостливый... Но не мне!

— Глеб признал нашего ребенка, обещал содержать нас и выплатить миллион после рождения!

Обойдя стол, Илья Семенович подошел к Вере, та попятилась.

— Я тебе денег дал, чтобы ты от Глебки отстала — дал! Ты от него отстала? Нет! Верни мои деньги, голуба! Или мне к тебе «выбивальщиков» послать?

— Так значит у Глеба с ней... — не выдержала Ирина.

— Не встречай! — осадил свекор невестку. — Я ведь знаю, кто твой любовник и отец ребенка! Так чего ты к Глебу прицепилась? Денег, что я тебе заплатил, мало? Со Стаса

поймать нечего, ты Глебу на шею повесилась и на жалость давишь?!

— Со Стаса?.. — удивилась Ирина и прикрыла рот рукой под строгим взглядом Ильи Семеновича.

— Теперь и с Глеба взять нечего — он сел в тюрьму! Надолго — лет на десять! Что теперь будешь делать?

Услышав «приговор», Ирина охнула, но свекор даже не повернулся, сверля лжелюбовницу сына тяжелым взглядом.

— Будешь утверждать, что Глеб тебя трахал и это его ребенок — возвращай мои деньги и устанавливай отцовство через суд — получишь все полагающиеся выплаты! С зека! Признаешься — оставлю тебе свои деньги плюс выходное пособие от фирмы, и после суда летишь из Москвы белым лебедем, и чтобы около моей семьи тебя за сто верст не было! Иначе... ты меня знаешь — я шутить не буду! Я тебе не Глебка, которого можно разжалобить школьными воспоминаниями — своими руками придушу! И получу от этого большое удовольствие!

Вера попятилась.

Удивляясь, Ирина во все глаза смотрела в спину свекра, не подозревая в нем такую агрессию — с ней он всегда был добрым, обходительным и заботливым.

— Хорошо, признаюсь: Стас отец ребенка, а с Глебом отношений у нас не было...

— Зачем же вы мне на него наговаривали?

— А то ты не понимаешь, чего она хотела, — повернув голову ухмыльнулся Илья Семенович. — Место твое занять! Утешить твоего мужа после вашего развода — вот и вешалась ему на шею при всех и сплетни распускала про роман с ней, но, видишь, не убереглась, залетела от любовника! Но упускать своего все равно не захотела — старалась Глеба соблазнить и чужого ребенка ему на шею повесить... Но опять сорвалось: Глеб на ее откровенные призывы не повелся — тогда стала на жалость давить, в крёстные отцы позвала — Глеб детей любит, разнюнился, вот и наобещал ей...

— Почему сразу ее на уволил? Не понимал, чего она добивается?

— Это пусть он тебе сам объясняет! — Илья Семенович повернулся к секретарше. — Идешь в отдел кадров, получаешь все выплаты, выходное пособие и говоришь правду своим подружкам — я по камерам за тобой прослежу! А потом едешь домой и до суда сидишь тихо-тихо...

— Я все поняла...

Понуро Вера пошла из кабинета.

11

— Вы так строго с ней разговариваете, — попыталась Ирина заступиться за беременную женщину, — она же беременная и волноваться ей нельзя.

— В бизнесе — соплей нет! Запомни это раз и навсегда, раз ты во все это влезла! Но и сволочью бездушной становиться нельзя — чтобы близкие твои и семья не пострадали от твоего бездушия и жлобства! За это и Глебке помогаю, права тут твоя мама, вытаскиваю его из переделок, помогаю во всем и радуюсь, что не очерствел он душой и сердцем от больших денег и тебя любит!

— Дааа... Глеб детишек очень любит... Так нежно гладил Верин живот, что я... приревновала мужа и подумала, что это его ребенок.

Илья Семенович вздохнул — говорить о трагичном и теревить зажившие раны не хотелось.

— У Инессы два выкидыша было... на поздних сроках. Глеб видел, как мать переживала... вот и впечатлился.

— Он мне не рассказывал.

— Значит, время еще не пришло вывернуться перед тобой наизнанку.

Немного помолчав, Ирина призналась:

— Я беременна... Только не знаю какой срок.

— Знаю.

— Откуда?

— Кто же коробочку с тестом просто так в мусорное ведро выбрасывает — хоть бы в пакет завернула, чтобы не видно было что выбрасываешь! А срок считай от дня, когда я тебе семейную иконку подарил! — произнес Илья Семенович и повернулся к удивленной Ирине. — Как сына назовешь?

— Александром... А почему сына? Может, дочка родится.

— Сын — наследник Левицких! Александр Глебович Левицкий! Я так просил...

— Когда икону дарили... два с половиной месяца назад, — вспомнила Ирина подарок и рассказанную Глебом легенду. — Может, и мне иконку Глебу подарить и попросить ее из тюрьмы его выволить?

— Так просто ее не дарят... и желания она так просто не исполняет... только безнадёжные и выстрадавшие. Когда припрет, ты это почувствуешь и спрашивать совета не будешь, а тюрьма... это, дорогая моя, еще не беда — попробуем Глебку без Божьей помощи освободить! Сидит он в одиночке, обеды, ужины, даже телевизор — все проплачено! Курорт, а не наказание!

— Скажете тоже — курорт! Лучше на хлебе и воде, но дома!

— Сам виноват — рискнул и проиграл! В следующий раз поостережется с непроверенной компанией дела иметь... Кстати, давай ка посмотрим, как там наша «вымогательница» поживает, — открыв компьютер, он открыл нужную программу, нужный кабинет и последил за Верой, послушал ее разговор с сотрудницами. — Не надо всем верить, Ириш! Ну, два-три человека тебя не обманут — самые близкие, да и то... у каждого свои тайны в душе припрятаны, которыми не хочется делиться, а уж остальные... Поэтому веди себя со всеми сотрудниками отстраненно и спокойно, чтобы они тебе ни говорили — раз и навсегда уясни: никому нельзя верить на слово! Только документам, да и то, только после подтверждения из нескольких разных мест, из которых ты сама запросила подтверждение. К тому же тебе теперь нервничать нельзя! Ни при каких обстоятельствах! И лучше пусть пока никто не знает о твоей беременности — мало ли кто позавидует...

— А Глеб? Я не хотела ему говорить о беременности: вдруг что-нибудь случится, и он там совсем расстроится...

— Даже не думай об этом! Все будет хорошо — это тебе Божий подарок и напоминание, что нельзя терять веру в любовь! Любовь правит миром! Даже если любовь к мужику пройдет, останется любовь к детям, к родителям... а может и к другому мужчине... Сердце должно любить! Только тогда человек становится счастливым! А про ребенка Глебу расскажи — не дело такое от мужа скрывать — пусть порадует и домой стримится!

— Я частных детективов наняла, — предупредила Ирина.

— Знаю, Сашок доложил, — одобряюще кивнул головой Илья Семенович. — Деньги я тебе на карточку скину и каждую неделю пополнять счет буду.

— Да есть у меня...

— Что есть, пусть будет — от денег не отказываются! а содержать теперь вашу семью я буду! Если больше надо будет — только скажи — деньги для меня не проблема.

— А с фирмой Глеба что будет?

— А что с фирмой? Проведут аудит, сделают выводы, доложат и будут работать — я тебе команду своих отдаю — твое дело только подписывать документы — не глядя! Не бойсь — вытянем! Да и ментов я подзарядил — носом землю роют — найдут нашу пропажу! Не могут два десятка фур бесследно исчезнуть — найдут! Следователя вот только поменять надо — не мычит, не телится — может, свой интерес имеется. Надо бы его прощупать... Ну, это я уже своими силами.

— А полиция придет?

— Придет... Вот и я про тоже — почти сутки прошли, а они не чешутся. И главное, Ириш — никуда не ходишь одна — Сашок твоя тень! Он за тебя под пулю подставится и пристрелит кого надо — ты от него не отходи ни на шаг и помни: НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ — чтобы ты не увидела — не верь, а людям тем более не верь! Чтобы тебе они не говорили, чем бы не стращали, чем бы не соблазняли и куда бы не звали — не верь и все! «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу!» — вот твое жизненное кредо до родов! Помнишь, сказку про доверчивого петушка? «Выгляни в окошко, дам тебе горошка!»... Ты все время так пугалась и плакала, когда лиса петушка «сцапывала», когда он в окошко выглядывал, и в лес тащила... Вот и не будь этой доверчивой курицей!

Ирина напряглась.

— Вы что-то знаете про Глеба плохое и предупреждаете, чтобы я не верила наговорам на него?

— Вот ты опять! — деланно возмутился Илья Семенович. — Придумываешь себе чего нет на самом деле и нервничаешь! Причем здесь твой Глеб?! Я про себя говорю! Будешь жить в моем доме — такого наслушаешься обо мне! Не верь! Что не понятно — подойди и спроси у меня! День, ночь — не важно — ты и твой ребенок для меня главное! Главнее всего! Главнее моей жизни! Поняла?

— Поняла, — пожала плечами Ирина — свекор так хочет наследника, что на все готов?! странными мужчины бывают иногда...

— И еще — к ментам только с адвокатом! Он уже вчера был готов... а они тебя еще не вызывали и к тебе не приезжали.

В дверь постучали.

— Ты все поняла? — прежде чем разрешить войти в кабинет, спросил Илья Семенович.

— Поняла, — не очень уверенно кивнула Ирина, — не отходить от Саши, к ментам с адвокатом и не верить никому, даже своим глазам!

— Суть уяснила, остальное приложится! Войдите!

Новая секретарша вошла в кабинет, выразительно посмотрела на нового «босса» и доложила:

— Станислав Липатов. Ему можно войти?

— Пусть заходит! — разрешил Илья Семенович.

— Я не хочу с ним разговаривать, — скривилась Ирина, вставая с кресла. — Теперь я понимаю почему Глеб перестал приглашать его в наш дом, а я просила их с Леной пригласить на выходные к нам в дом... Вот дурочка! Почему мне Глеб ничего не рассказал?

— Огорчать не хотел и давать повод для ревности...

В кабинет быстро вошел Стас Липатов и обратился к Илье Семеновичу.

— Мне что тоже монатки собирать? Меня снимают с должности?

— Пока нет.

— Тогда какого хрена по офису ходит качок и срисовывает все камеры?

— Он телохранитель — должен все знать в офисе. В чем проблема, Стас? Чего ты так завелся? Из-за пассии своей взбеленился? Так не надо хер свой совать во что ни попадя, тогда бы и проблем не было бы... Прости, Ирочка, за грубость и выйди! Дай нам по-мужски поговорить!

Проходя мимо бывшего друга мужа, Ирина задержалась и посмотрела в глаза Стаса.

— Твоя любовница мне в открытую заявила, что они с моим мужем любят друг друга, планируют пожениться и завести четырех детей! А ты с ней скольких детей собрался заводить? Своих двух в расчет не берешь?

Не ожидая ответа, Ирина покинула кабинет.

— Ирина Викторовна! — окликнула ее секретарша-детектив. — После шести мы с Олегом на пару часиков останемся: я в документах покопаюсь, а Олег камеры кое-где установит.

— Делайте все, что считаете нужным, — разрешила Ирина. — И в кабинете камеру поставьте, пожалуйста.

— Сделаем.

12

Переезд в дом Левицких был быстрым и сумбурным: похватали все, что сверху лежало, засунули в чемоданы и поехали.

Загородный особняк (иначе огромный, трехэтажный домино с эркерами, балконами и окнами в пол и не назовешь) был роскошно обставлен, и Ирина очень переживала, что подвижная Снежка что-нибудь обязательно, свалит, разобьет или перепачкает. Так и получилось — большущая, напольная ваза с неживыми цветами была задета ее шаловливыми ручонками, грохнулась на пол и разбилась.

На шум тут же из своей спальни наверху недовольно выплыла Инесса Сергеевна, элегантно одетая для «выхода в свет».

— Если вы каждый день будете что-нибудь разбивать в моем доме, то к концу месяца вы нас разорите!

— Деда починит! — быстро нашла выход трехлетняя егоза и пропрыгала в гостиную.

Оттуда тут же послышалось шуршание, а потом грохот чего-то металлического и рассыпание чего-то мелкого.

— Мой серебряный поднос и витамины! — ужаснулась свекровь.

И все бросились в гостиную.

Снежка сидела на полу и перебирала рассыпанные по полу витамины.

— Ты их ела? — бросилась Ирина к дочери.

— Царапина и вмятина на подносе и трещина на фаянсовой чашечке! — со слезой в голосе простонала Инесса Сергеевна.

— Бэээ — высунула язык Снежка и Ирина, взяв одну витаминку в рот, порадовалась, что они кисленькие — Снежка была сладкоежкой и что-то кисленькое или соленькое в рот ей было не засунуть.

— Умница моя, — погладила она дочку по светлой головке, — это бяка!

— Сама ты «бяка»! Пять тысяч за баночку, а эта невоспитанная девчонка почти все рассыпала!

Терпеть такое Ирина не стала, подхватила ребенка, вещи и переселилась в домик для гостей. Домик был маленький, но уютненький: две большие комнаты и кухня-столовая внизу, и три спальни на втором этаже.

Снежка с няней играли в прятки внизу, Ирина готовила простенький ужин на троих (много ли надо трем малоежкам?), когда в домик буквально ворвался хозяин особняка, подхватил Снежку на руки и понес ее в дом.

Ирина бежала следом за свекром, ожидая скандала.

— Что там надо починить? — весело спрашивал Илья Семенович, входя в дом. — Вот эту вазочку?

Ваза с грохотом полетела на пол.

У Снежки перехватило дыхание, а потом она залилась счастливым смехом.

— Бум! — кричала она.

— Бабах! — вторил ей улыбающийся дед и очередная ваза с мертвыми цветами летела на пол.

— Бах! — хлопая в ладоши, смеялась Снежка.

Ирина же хваталась за голову, понимая сколько стоят эти фарфоровые вазочки и статуэтки ангелочков на консоли и столике.

На лестнице стояла Инесса Сергеевна, со сложенными на груди руками и, молча, с ненавистью наблюдала погром в собственном доме.

— Илья Семенович, прекратите! — пыталась Ирина остановить и вразумить разошедшегося свекра, повиснув у него на свободной руке.

— У меня в кармане письмо для тебя! — произнес Илья Семенович, распахивая полу пиджака.

Забыв обо всем, Ирина достала письмо из внутреннего кармана пиджака, развернула, опустилась на диван и начала читать:

«Дорогая моя, любимая женушка! Отцу удалось пообщаться со мной у следователя... наедине, вот и пишу тебе... У меня все нормально — не волнуйся! Узнал, что ты меня заменяешь на фирме — постарайся никого не увольнять! В крайнем случае отправь всех в отпуск, а там я надеюсь выйду... Отец намекнул, что у тебя для меня новость... Что за новость? Жду не дождусь, когда увижу тебя, моя единственная! Вспоминаю наше примирение... Ругаю себя, что дал тебе повод для ссоры, но мириться с тобой так сладко, что забыть не могу... Как Снежка? Береги ее и себя! Целую вас, родные мои! Люблю вас!»

Грохот из гостиной плавно перетек в столовую

— Бабах!

— Бах!

Перечитав письмо еще несколько раз, Ирина со слезами на глазах посмотрела на свекровь, застывшую на лестнице и буквально испепеляющую ее взглядом, протянула ей письмо для прочтения, но Инесса Сергеевна развернулась и пошла наверх.

Прижимая письмо к груди, Ирина пошла в столовую.

— Илья Семенович, довольно! Инесса Сергеевна меня уже достаточно ненавидит. Расскажите, как вам удалось увидеться и поговорить с Глебом?

— Адвокат сообщил о допросе Глеба, и я поехал в СК к следователю, — Илья Семенович сунул в руки Снежки букет неживых цветов, которая тут же начала отдиравать от цветочков лепестки и бросать их на пол.

— Как он выглядит?

— Похудел, осунулся, угнетен, но держится... ты права, там не курорт.

— Ну, же... рассказывайте! — торопила Ирина.

— Чего рассказывать?! Завтра получишь свидание — сама все увидишь и спросишь.

— Свидание...

Заплакав, Ирина бросилась на грудь свекру, обняла, прижалась...

Вошедшая в столовую свекровь театрально захлопала в ладоши.

— Bravo! Кого ты привел к нам в дом? Я всегда знала, что эта девка меркантильна и неразборчива! В отсутствии мужа она перекинулась...

— Заткнись! Не смей ее оскорблять! — рявкнул Илья Семенович. — А то ведь я все расскажу! Замучаешься хлебать...

Ирина отстранилась, непонимающе посмотрела на родителей мужа — они всегда вели себя очень пристойно и вежливо, а выходит, что у них не все гладко — пять лет она этого не замечала.

— Что происходит? Не ссорьтесь, пожалуйста! Мы прекрасно проживем в домике для гостей — там даже удобнее.

— Нет! Жена моего сына и его дочь будут жить здесь! В моем доме! А кому не нравится — пусть живет в домике для гостей! Всем ясно?

Не глядя на жену, Илья Семенович с внучкой поднялся на второй этаж в детскую, переделанную из гостевой спальни, и они со Снежкой расположившись на ковре стали играть в куклы и машинки.

Тут же прибежала горничная и стала наводить порядок в гостиной.

13

Ирина

Я не знала куда себя деть от увиденного скандала родителей мужа и оскорблений в мой адрес, и пошла на кухню — известие о завтрашнем свидании с мужем затмило все остальное.

Налила стакан сока и, задумчиво глядя в окно, отпила несколько глотков.

«— Свидание! Завтра я увижу Глеба! О чем с ним говорить? Про беременность обязательно скажу, а вот про скандал родителей... Что это было? Почему они ругаются? И почему, свекровь меня так ненавидит и оскорбляет? — спрашивала сама у себя и вдруг меня осенило. — Инесса меня ревнует к своему мужу? Вот это да! — представила, что подумала бы сама, увидев, как молоденькая девица обнимает ее мужа! — Точно ревнует! Особенно после подаренной иконки... Она ее хотела получить, но получила ее я... и на коленях он передо мной стоял при всех... О-о-о! Как-то я не подумала об этом, а ведь сама ревную мужа к любой, оказавшейся в его поле зрения! А о чувствах другой женщины не подумала! Надо извиниться перед ней и заверить, что, между нами, ничего нет, и быть не может... О, Господи! Стоп! Неужели свекор в меня влюбился... Смотрит на меня, руки целует, в дом к себе притащил, с женой ругается из-за меня, а еще деньги обещал перевести... Если Инесса узнает, что он нас содержит...»

Открыв телефон, посмотрела поступления на карту и ахнула — двадцать три миллиона!

С Глебом у нас был общий счет (семейный), на который он переводил деньги, и я тратила на семью и на себя (немножко)... У Глеба был еще лично его счет, с которого он оплачивал большие семейные покупки, а куда еще он тратил с него деньги я не знала... Почему-то это обстоятельство сейчас меня очень напугало. Вспомнилось, по словам Веры, Глеб обещал ее содержать и перевести миллион после рождения ребенка! И это все с его личного счета? Интересно, сколько же денег у него на счету, и куда он тратил свои деньги?!

Почему столько лет я об этом не задумывалась?! Ответ был прост: меня не интересовали его деньги! Я его просто любила!..

Подхватившись, поставила стакан и побежала на второй этаж, открыла дверь детской и замерла... показалось, что это Глеб лежит на ковре и играет с дочкой, хотя со свекром они были совсем не похожи: Глеб светловолосый, сероглазый с горбинкой на носу, Илья Семенович — поджарый, русоволосый, кареглазый...

— Зачем вы перевели мне столько денег? — хрипло спросила, в упор глядя на отца мужа. — Или это Глеб просил вас перевести мне такую огромную сумму с его счета?

— Он сам перевел — я его телефон с собой взял — вот он ему и пригодился, — повернулся Илья Семенович на спину, и Снежка тут же уселась на него верхом. — Своим счетом он все равно не сможет воспользоваться, а так деньги у тебя будут — мало ли какие расходы возникнут. И с вашего общего счета сейчас же переведи деньги на личную карту! Переводи, чтобы я видел!

— Поскакали — ты лошадка!

— Поскакали... Скок-скок!

Сев на кровать, перевела деньги и показала свекру, который очень недовольно смотрел на меня, при этом играя со внучкой.

— Бессребреница, твою мать! Это надо было сделать еще вчера! Как только узнала, что Глеба арестовали! Благодарю тюфяка следователя за такой подарок, что не наложил арест на счета Глеба! Кстати, ваши сейфы в квартире и доме я опустошил, а то бы менты все изъяли — вся наличка и документы в моем сейфе в кабинете — сейф и дверь кабинета на сингалке, так что все ваше, как и мои сейфовские тайны, под надежной охраной. Завтра посмотришь содержимое и убедишься в целостности и сохранности.

От его слов снова запаниковала.

— Я не знаю, что было в сейфах, сколько Глеб зарабатывает в месяц, сколько у него денег на счету, куда он их тратит... Я вообще, про его деньги ничего не знаю! Разве это нормально?

— Для тебя — для любящей жены — да. А зачем тебе это надо было знать?

— Как это зачем? Мы же семья! У нас должен быть общий семейный бюджет, мы должны планировать расходы, покупки...

— Спыхватилась после пяти лет брака! Выброси эту дурь из головы! Ты разве живешь от зарплаты до зарплаты, чтобы планировать расходы и покупки? Тебе денег мало? Скажи Глебу, чтобы больше переводил на общий счет... Хотя реальность с его арестом изменилась!

— Хотелось бы знать, куда он расходует деньги! — продолжала я гнуть свою линию.

— Ты хочешь контролировать расходы мужа?! Контролировать и следить за его тратами?! — подвигая ящик с лего к Снежке и поднимаясь с ковра, покачал головой Илья Семенович. — Не получится — он снимет миллион и будет тратить наличку! Ириш, не заморачивайся этим выяснением, ни к чему хорошему, поверь мне, это не приведет — мужики всегда прячут деньги от семьи — «заначка на пивко», только у кого-то это заначка тысяча, а у кого-то миллион, а у кого-то больше.

— Но это же нечестно!

— А честно отдавать всю зарплату, а потом выпрашивать деньги у жены на пиво? Если ты распоряжаешься деньгами — жена зависит от тебя! а если она распоряжается твоими деньгами — ты зависишь от жены! Это унижает достоинство мужика! Запомни это и никогда не унижай своего мужа! Он вкалывает в поте лица, содержит семью и не имеет

право выпить бутылочку пива с друзьями или купить цветочек жене? Ты считаешь честным что и на это тоже надо мужику просить его же деньги у жены?

— Нет... — совсем растерялась от такого разговора. — У каждого, конечно, должны быть свободные деньги, но... Глеб никогда не говорил мне сколько денег у него на счету.

— Ты не спрашивала — он не говорил! — жестко отрезал Илья Семенович.

— Я чувствую, вы что-то скрываете... и связано это с деньгами.

— Послушай моего совета — иногда лучше не знать правду...

— Замучаюсь хлебать... дерьмо ложкой?.. — хмыкнула и с вызовом посмотрела свекру в глаза. — Я предпочитаю знать правду! Чтобы верить человеку до конца и знать, что он от тебя ничего не скрывает и доверяет тебе!

— Это в идеале, а в жизни... — Илья Семенович достал с полки стопку разноцветных книжек, положил на ковер перед Снежкой, которая тут же оставила лего, улеглась на пузико перед книжками и начала их рассматривать. — В жизни у каждого есть свои тайны, которые он прячет и не собирается ими делиться с другим человеком, даже с самым близким. И в которые, поверь мне, лучше не лезть! У каждого есть своя тайна!

— У меня нет от мужа тайн!

— Да ну? А правду про свадебное платье ты ему рассказала? И про беременность не хотела ему говорить!

— Дааа... Откуда вы узнали? Я отдала деньги за платье, которые перевел мне Глеб, на операцию матери Сашка, рассчитывая купить платье подешевле и самой расшить его жемчужинками. Проверяли... думали, что я с Глебом из-за денег!

— Не сомневался, что по любви — поэтому и оплатил твое свадебное платье... самое красивое, расшитое жемчужинками.

— Вы? — искренне удивилась. — А мама сказала, что ей премию на работе выписали и материальную помощь дали, и я заняла немного по знакомым... Спасибо! Вы меня здорово выручили — Глеб тогда уперся: покупать платье только в этом салоне и самое лучшее!

— Вот тебе твоя тайна! Хочешь услышать одну из наших с Глебом? Салон на половину принадлежал бывшей пассии Глеба — вот он и показал ей, что женится по любви! А часть салона я ей купил, чтобы от Глебки отстала — вот она с ним была из-за моих денег! У Глеба тогда денег не было — он только институт закончил и работал на меня. На зарплату мужа она жить не захотела, предпочла салон, крикнув ему на прощание, что дур выходит замуж за него самого — без денег его папаша — на свете не осталось!

— Выходит, осталась такая дурочка...

— И он тебя встретил! Вы поженились и целый год жили на его зарплату... почти: продуктами холодильник Тамары Леонидовны забивал я, а она готовила, и вам отвозила... вот тебе еще одна тайна! — пока он не решил открыть свою фирму — тут я ему снова помог деньгами и заказами. Вот и подумай — если человек что-то скрывает... это не обязательно что-то плохое и постыдное. Может он просто не хочет говорить правду, чтобы не навредить отношениям или не разочаровать любимого человека.

— Теперь я понимаю, как была беспечна, во всем полагаясь на Глеба.

— Вот и оставь все в прошлом — не выясняй, не копайся — прости, забудь, живи дальше и будь счастливой... Ты еще не поняла, что с арестом Глеба твоя беспечная жизнь закончилась! Я, конечно, буду рядом и позабочусь о вас, но любимого мужчины, который отвечал и заботился о вашей семье, рядом с тобой теперь не будет — это тяжело и ответственность за вашу семью: за саму себя, за дочку и за нерожденного ребенка теперь

ляжет на твои плечи, а не на плечи Глеба, как ты привыкла и как жила все это время... Ириш, пора взрослеть! Тебе уже не двадцать! Снимай розовые очки своей влюбленности в Глеба, кончай его ревновать к каждой юбке и займись собой и детьми — теперь ты отвечаешь за них и за себя! И если что-то с вами случится — виновата в этом будешь ты! Я говорю не про деньги... деньгами я вас обеспечу... Если сыграет худший вариант и Глеба посадят... надолго, то тебе придется одной тянуть семью! Пока он не вернется...

— Как посадят? — ужаснулась и голова пошла кругом от всего навалившегося. — Вы же сказали...

— Я сделаю все возможное и невозможное, но и такой вариант развития событий нельзя сбрасывать со счетов — Ирка, взрослей! Становись реалисткой и не витай в облаках! Как ты собираешься фирмой управлять, когда только от предположения, что останешься без мужа, готова в обморок грохнуться?!

От открывшейся правды и свалившейся на мои плечи ответственности за семью разом поплохело, тошнота подступила к горлу, и я рванулась в ванную, закрывая рот ладонью (хорошо, что еще не успела поесть)... Через пять минут, позеленевшая, вернулась в детскую.

— С тобой все хорошо? — озаботился Илья Семенович.

Покивала головой, с жалостью посмотрела на дочку — хорошо, что она еще мало чего понимает и отсутствие «папулечки» будет чувствовать не так остро, как я... А я... Вдруг его посадят надолго? Как же я буду без него? Я не смогу! Я не выдержу! Я просто умру, если проведу еще одну ночь без него... Сердце захолонуло от тоски по мужу, а в животе потеплело, и эта теплота растеклась по телу... Сразу вспомнила про Сашеньку и постаралась успокоиться — волнение мамочки вредно для ребенка!

«— Будем надеяться на лучшее: во всем разберутся, и Глеба отпустят, а пока... Пока нашего папочки нет с нами, я позабочусь о вас, мои хорошие!»

— Да, со мной все хорошо... И вы правы — пора взрослеть и брать ответственность на себя! Но вы же поможете с фирмой? И вообще... подстрахуете на первое время?

— Вы моя семья, а я своих не бросаю!

— Но жить в вашем доме я не буду! — решительно заявила я и уставилась в глаза свекра. — И вы сами знаете почему!

Опустив глаза, Илья Семенович какое-то время стоял передо мной, как провинившийся школьник, а потом быстро вышел из детской.

Стало интересно, куда это он так ломанулся? И, оставив Снежку под присмотром няни, поднимающейся к нам, стала спускаться в гостиную.

Свекор опять ругался со свекровью и похоже она хотела дать ему пощечину, но руку ее он перехватил и бросил в лицо довольно двусмысленную фразу:

— Если ты не хочешь принимать ее в нашем доме, то тебе придется просить ее принять тебя в ее доме!

Отбросив руку жены, Илья Степанович развернулся и вышел из гостиной, а я, потоптавшись на лестнице, вернулась за Снежкой и няней, и мы, взяв из детской побольше игрушек, пошли в домик для гостей ужинать и спать.

14

В отличии от вчерашнего дня в офисе царила рабочая тишина.

Новая секретарша быстро улаживала конфликтные вопросы и Ирину с утра никто не беспокоил в кабинете.

— Ваш кофе... — постучав, вошла секретарша, неся на подносе чашку кофе, бисквитные

печенюшки и коробочку с мятными таблетками. — Только ими и спасалась... Главное, они безвредные, а уж потом что вам назначит врач...

— Кто-то еще знает?

— Вроде нет... мужчины очень невнимательны к таким вещам.

Повернувшись спиной к камере, она незаметно достала флешку из кармана и подложила ее под коробочку с таблетками и тихо зашептала:

— Камера прямо над дверью, на флешке инфа по телефону: звонки, эсэмэски, сообщения, движения средств по картам — в общем, все что связано с телефоном. С документами пока работаю... копирую все подряд, а потом разберемся, Олег скопировал все записи с камер и видеофайлы... только это все для следствия не годится — добыты незаконным путем.

— Когда вы все успели?

— На ночь в офисе оставались. Какие у вас планы на сегодня? Приходили ваши замы и начальник службы безопасности, спрашивали когда можно будет с вами поговорить?

— У меня сегодня свидание с мужем... и ко врачу надо бы.

— Тогда сначала ко врачу, чтобы у вас на руках была справка о беременности — может пригодиться... для следователя и вообще... махайте ей перед носом полиции и кричите, что вам плохо, может поможет — неприятности им не нужны!

— Вы правы — поеду ко врачу!

И Ирина поехала к своему гинекологу. Получив нужную справку и кучу анализов и направлений, она, в сопровождении адвоката, поехала к следователю на допрос.

Следователь ей не понравился какой-то аморфный, безынициативный тип — она называет ему точное время, когда Глеб покинул офис и поехал на склад, он даже не записывает... только под давлением адвоката в протокол были занесены ее показания.

— Другие свидетели называют другое время... Может, вы ошиблись?

— Нет! Я помню точно! Секретарша сообщила о ЧП, но Глеб еще оставался со мной... где-то полчаса.

— А секретарша утверждает...

— Нет! Не сразу! Мы поссорились из-за нее и... долго мирились. Он совсем не хотел ехать на этот склад!

— Но есть же камеры на входе в офис и в здание, — подсказал адвокат.

— Не работали!

— Как вовремя... были отключены.

— Это еще надо доказать.

— Так доказывайте! — возмутилась Ирина. — Работайте! Ищите воров товара и убийцу человека!

— Похоже уже нашли...

— Нет! Мой муж честный и заботливый и заниматься махинациями, а тем более убивать человека, не будет.

— Все так говорят...

— Нам бы разрешение на свидание получить, — напомнил адвокат.

Разрешение они получили и поехали в СИЗО.

15

Глеб

Свидание с женой... совсем не ожидал.

Даже растерялся... пропах казенным бельем, камерой, чувствую себя грязным и несчастным...

Как к ней прикасаться?

О чем говорить?

Два дня, а как год не виделись!

Словно все в другой жизни было...

— Встать! Руки за спину! Вперед!

Иду, а у самого ноги подкашиваются... Моя нежная, «сладкая конфетка» в тюрьме! Как так получилось?! Как довел до этого?! Почему не просчитал, не предвидел, не обезопасил... ее и себя?! Где ошибся? И результат этой ошибки — тюрьма!

Сажу за столом, смотрю на дверь, а у самого сердце останавливается от ужаса всего происходящего...

Как допустил такое? Ведь считал себя умным, успешным, деловым... а получилось... «пшик» и нет жизни! той привычной... счастливой, уважаемой, распланированной на годы вперед... Все летит в тартарары! И уже не остановить это падение и не в моих силах изменить происходящее... Вернуть бы все назад! Хоть на день! Хоть на час! Сделал бы все по-другому и не угодил бы сюда! Как теперь отсюда выбраться? Как снова наладить свою жизнь? Как вернуться к семье, к работе, к моей «сладкой конфетке»?! Все я делал не так! Мало уделял семье время, мало любил, многое скрывал, врал...

Дверь открылась! Сердце остановилось...

Вошла жена в комнатку бледная, растерянная, глаза несчастные... Увидела меня чуть не зарыдала — кулачки сжаты, в глазах слезы.

— Можно нам обняться? — шепчет охраннику, а сама глаз с меня не сводит.

— Не положено!

— Ну, пожалуйста, одну минуточку...

— Не положено!

Сажу, молчу, кулаки сжал, а ничего поделать не могу.

А она стоит около охранника, на стул не садится.

— Муж еще не знает... что я беременна...

Услышал, вскочил, бросился к ней... Охранник между нами вклинился, за плечи меня держит.

— Сидеть! — рычит. — Не положено!

Сел на место на жену смотрю... Не обманывает? Она мне улыбнулась, но все равно на стул у стола не садиться.

— Хорошо, мы даже обниматься не будем — просто животик мой погладит, чтобы ребеночек знал, что папочка его тоже любит...

У меня на глазах слезы, лицо закрыл руками... даже не видел, как охранник головой кивнул... почувствовал ее руки на своих плечах, повернулся, руками ее обхватил, лицом к животу прижался, целую, шепчу: «Папочка тебя любит, мой хороший», а самого колбасить от нервов начинает.

Она меня по волосам погладила, поцеловала в голову и отходить начала, я не пускаю... Как свою роднулечку отпустить?! Она сама руки мои расцепила... я вскочил... она меня в губы целует, я аж задохнулся от ее любви, хотел ответить... а она уже на стул с другой стороны стола садиться...

— Сидеть! — рычит охранник, а сам деньги в кулаке сжимает.

Ты моя хорошая! Прости, что тебе пришлось через все это проходить...

— Я беременна! Девять недель! — сообщает, смотрит мне в глаза, ожидая моей реакции, и улыбается. — Твой отец сказал, что, когда иконку мне дарил, попросил, чтобы у нас все с тобой наладилось, я бы перестала тебя ревновать и родила бы второго ребеночка, чтобы тебя к себе уж совсем привязать! Шутит: «Глебка детей любит — от двух детей никуда не денется, а от трех — из дома выходить не будет и на работу забудет».

— Отец прав — детей я люблю! — горло перехватывает от взорвавшихся внутри чувств, хотя радость в таком месте совсем даже неуместна. — Особенно своих.

Представил, что сделал бы, услышав такое там... на воле... на руки подхватил бы! зацеловал! цветами бы завалил! а потом... целую ночь в нашей мансарде ласкал бы любимую, для нее старался и ублажал бы мою «конфетку» по полной, пока пощады не запросила...

— Ты рад?

— Спрашиваешь! Только ты поосторожнее там... Береги себя и ребеночка! И Снежку!

— Ой, Снежка! Вчера твоя любимица такое устроила в вашем доме — вазу разбила, чашку, витамины рассыпала... Твой отец нас к вам в дом забрал... Но я не хочу у них жить — сегодня к себе вернемся! Мама твоя меня всегда не любила, а тут еще Снежка-егоза — весь порядок в доме нарушила.

— Отец мне предложил вас забрать к себе... я согласился. Вам у него будет лучше — он о вас позаботится!

— У меня есть муж — он и позаботится! Надеюсь, скоро все разъяснится и тебя отпустят!

— Ты веришь, что я не виноват? — спрашиваю и боюсь услышать ответ — вдруг не верит, вдруг сомневается.

— Верю! Ни на секундочку не сомневалась!

Ее слова, как бальзам на сердце — раны затягивает!

— Ты все получила?

— Все... Откуда столько? — смотрит на меня подозрительно моя Иришка, а я тону в ее глазах и забываю, где мы находимся. — Я никогда раньше не интересовалась твоими доходами... и расходами, а возможно надо было. Ответь, ка, мне, любимый, раз ты такой деловой и успешный почему мне всегда приходилось клянчить у тебя... добавки?

Прищурился, хитро улыбнулся, шепчу:

— Потому что мне было очень приятно, когда ты с виноватым видом садилась ко мне на колени, обнимала, ласкалась, как кошечка, и начинала оправдываться: «Прости меня, любименький, но я такая транжира... все денежки потратила».

— Значит, ты это нарочно подстраивал...

— Признаюсь, мне нравилось, что ты зависишь от меня... Нравилось ходить с тобой по магазинам и покупать тебе вещи — ты так искренне пугалась, глядя на ценники, и шептала: «Нет! Я себе позволить такое не могу!», а я тебе все это покупал! Помнишь, как ты не могла выбрать какого цвета купить меховой комбез Снежке...

— Белый или розовый! И ты купил оба!

— Ты так радовалась! А потом...

Мы оба вспомнили, что было потом...

...- Расслабь горлышко, любимая... и губками плотнее обхватывай... — массируя, расслабляя ей горло, жарко хрипел, запуская пятерню в ее волосы и придерживая

затылок. — Потерпи немножко, моя конфетка... я на грани... Давай вместе... Жду тебя...

Согласный взмах ресниц, мои движения продолжились, стали глубже, резче, чувственная волна наслаждений накрыла нас обоих с головой...

Щечки любимой вспыхнули, в глазах полыхнула страсть ко мне, а мне совсем пришлось тяжело от воспоминаний... зуд, томление, жар, штаны вот-вот треснут от накатившего желания...

— Люблю тебя... — прошептал и без звука одними губами выдохнул: — Хочу тебя!

— Люблю тебя... — шепчет в ответ и без звука повторяет: — Хочу тебя... до безумия!

Несколько минут молчали, справляясь с нахлынувшим желанием близости... Все деньги бы отдал за полчаса близости с женой!

— Глеб, только тебя люблю! И не верь никаким слухам и сплетням! Кто бы что не говорил!

Ее слова неприятно царапнули по сердцу.

— А что есть повод...

Кивнула головой и вздохнула.

— Похоже... твоя мама ревнует твоего отца... ко мне. Они ссорятся, она хотела дать ему пощечину...

— Тебе показалось... Такого не может быть! — от ее слов внутри все взбаламутилось, кулаки сжались от ревности — убью любого, кто попытается ее у меня отнять — она часть моей души! и разрушить мою семью. — Да, у них сложные отношения, но они цивилизованные люди и сцены ревности...

— Глеб, поверь... они ссорятся серьезно — он на нее рывкает и угрожает, она меня убить готова, а его...

— Ир, это их личное дело! Не влезай! — говорю строго, чтобы поняла, что недоволен, хотя на душе тревожно: за родителей, а в первую очередь за свою семью... в которой ожидается прибавление. — Тебе надо думать о малыше, а не о родительских разборках!

— Вот я и хочу уехать из их дома и жить спокойно! Твой охранник Саша меня охраняет... Только я не понимаю зачем.

— Так надо — доверься отцу! — сказал это и почувствовал бешеную ревность к отцу, как к сопернику... ведь знал, что он Иришку обожает — всегда на ее стороне, но даже помыслить не мог, что он может смотреть на нее, как на женщину! однако, с ревностью справился... защитить и позаботиться о моей семье лучше отца, в данной ситуации, никто не сможет. — Я его не послушал и вот что вышло. Доверься отцу!

Думал послушается... она всегда меня слушалась, а сейчас она...

— В твое отсутствие я сама позабочусь о нашей семье! Конечно, я выслушаю его мнение, но поступать я буду так, как сочту нужным!

Сказала твердо и посмотрела на меня как-то по-новому... решительно и просительно одновременно, как бы говоря: «Я хочу сделать по-своему, но мне страшно... поддержи меня, любимый...». Что я мог сделать в этой ситуации? Предо мной встал выбор: доверить свою семью человеку, который защитит, позаботится, обеспечит, но которому я в мгновение ока перестал доверять, или доверить семью неприспособленной к жизненным трудностям и полностью зависящей от моих решений и денег жене, не привыкшей нести ответственность и распоряжаться такими деньгами... Но принять решения она мне не дала!

— Чтобы ты не решил — я сделаю по-своему! Все изменилось, Глеб... и я в том числе! С этого момента ответственность за нашу семью мы будем нести вдвоем! Когда ты

вернешься ко мне, многое изменится в нашей жизни и в наших отношениях... я без тебя повзрослела, да и ты, думаю, многое пересмотрел в своей жизни и захотел изменить, но об этом мы поговорим позже... в нашей «тайной комнатке», а пока... просто доверься мне, как я всегда доверялась тебе!

— Хорошо, я тебе доверяюсь. Расскажи, как ты?

— Без тебя... тяжело, особенно ночью. А как ты?

— Нормально...

— Заканчивайте свидание!

— Как? Так скоро? — встрепенулась Иришка. — Что тебе передать?

— Все есть...

Еще одна купюра исчезла в руке охранника, и мы начали целоваться... страстно и отчаянно...

— Люблю тебя! Я приду еще...

Пообещала жена, не отрывая от меня любящих глаз до последней секундочки...

— Встать! Руки за спину!

16

Ирина

На работу не поехала — там Илья Семенович со своей командой спецов разбирается — мне там делать нечего!

После встречи с Глебом сердце долго не успокаивалось...

Да, похудел, осунулся, помрачнел... ушло пижонство, ирония, желание нравиться... себе в первую очередь.

Тюрьма серьезное испытание для человека — облетает вся шелуха: наносное, не главное... человек остается голым и незащищенным против своей беды и с тем, что осталось у него внутри он противостоит ей... если нет ничего настоящего, закаленного, стоящего — сломается...

Так хочется верить, что Глеб выдюжит, пройдет это испытание и останется человеком, таким же честным, заботливым, любящим... но менее открытым и менее доверчивым с посторонними... с такими, как его помощница!

Адвокат пообещал через неделю «выбить» еще одно свидание, но даже и одно было уже хорошо! Он жив, здоров, не теряет надежду на скорое возвращение домой. Теперь мне надо заниматься своим здоровьем и здоровьем ребенка...

Вспомнила, как Глеб обрадовался беременности и даже прослезился...

— Вот видишь, как папочка тебя любит! — положив руку на живот, проворковала, идя по дорожке к особняку Левицких — половина наших со Снежкой вещей осталась в доме и хотелось их забрать. — В следующий раз надо будет дать папочке погладить тебя подольше и попросить свидание подлиннее...

Вошла в дом, поднялась на второй этаж, собрала вещи в сумку, зашла в детскую... Сунула в сумку к вещам несколько книжек, небольшой мячик, взяла под мышку толстую, несуразную единорожку, чем-то понравившуюся дочке, и собиралась уже выйти в открытую дверь, когда услышала голоса и попятилась...

Попятилась и подслушала очень интересный разговор, доносившийся из спальни Инессы Сергеевны.

— Отпусти меня! — просил Илья Семенович. — Сколько можно ломать мне жизнь?! Сына мы вырастили — половину своей клятвы я исполнил!

— Исполняй вторую половину...

— Тебе доставляет удовольствие меня третировать? Ты пользуешься, что я порядочный человек и не могу поступать с тобой так же! Другой на моем месте давно бы с тобой развелся и оставил бы тебя с голой задницей — ты же присосалась ко мне, как пиявка! Всю кровь ты мне выпила! Лишила меня любви, счастья семейного...

— Никто тебя за язык не тянул — сам поклялся...

— Дурак был, влюблен в тебя... а ты ведь меня никогда не любила! Так зачем я тебе? Отпустила бы меня... может встретила бы другого мужчину и была бы с ним счастлива!

— Как ты со своей любовницей?

— Она не любовница, а любимая женщина! Надо было мне с ней оставаться, а не к тебе возвращаться...

— А как же Глеб? Ты мне клялся, что сына вместе поднимем!

— Твоего ребенка поднял, а своего бросил!

— А не надо было заводить детей на стороне от секретутки!

— Не тебе меня упрекать! Ты же мне ни одного ребенка за столько лет так и не родила — всех отравила или скинула!

— Как ты смеешь такое говорить?!

— Смею! Зачем аборты делала? «Глебушка маленький!», «Глебушка болезненный!» «Глебушка в школу пойдет, а тут ребенок будет орать!» — все для Глебушки! А для меня что? Позволено для вас вкалывать с утра до ночи и деньги для вас зарабатывать? Все! Баста! Моя жизнь тебя теперь не касается! Не хочешь разводиться по-хорошему: получить дом, квартиру, содержание — все готов был отдать! — будет тебе развод по-плохому, сама в ногах будешь валяться развода просить! Но фиг что получишь!

— Не посмеешь!

— Посмотришь! Брашлишко свое пакуй — завтра же этот дом подарю!

— Пугаешь!

— Дом и квартира мне в наследство от отца достались — разделу не подлежат.

— На твои деньги были куплены! Ты ему наличку передавал!

— Даже говорить с тобой на эту тему не буду! Нанимай адвоката, но с этого дня ни копейки от меня не получишь!

Дверь в спальне хлопнула, раздались быстрые шаги по ступеням, мне же пришлось какое-то время выжидать — вдруг свекровь бросится вдогонку за мужем, чтобы помириться — мешать не хотелось... Но Инесса Сергеевна вдогонку не бросилась, и я поспешила убраться из этого дома.

Из всего услышанного я поняла, что разлад у родителей Глеба давний: свекровь детей рожать больше не хотела — делала аборты, а свекор завел любовницу и прижил ребенка на стороне, но развода Инесса ему не дала, и он вернулся в семью воспитывать Глеба.

Вот это да! Никогда бы не подумала, что у них такое творится в семье! интересно, Глеб знает об этом или нет? похоже он думает, что я придумала их скандал... а тут не просто скандал, а обоюдная ненависть!

Из особняка, пропитанного ненавистью, я поспешила убраться...

Наш загородный коттедж не идет ни в какое сравнение с особняком Левицких по размеру и роскоши, но он наш, родной — уютная гостиная с камином, кабинет Глеба, игровая, большая кухня-столовая, наверху четыре спальни и небольшая мансарда... наша с Глебом «тайная комнатка», где можно спрятаться от всех и побыть только вдвоем...

Оставила Снежку с няней, а сама легла спать в мансарде, слезы текли от воспоминаний, но рыдать себе не позволила... вспоминала, плакала и улыбалась, радовалась, что у нас все это было с ним... И, как «милость Богов», почти в полночь раздался звонок с незнакомого номера. Звонил Глеб! А я еще раздумывала: отвечать-не отвечать...

— Милая, у нас пять минут...

— Любимый...

— Хотел узнать — ты осталась у отца или...

— Мы со Снежкой у нас... Я в нашей комнатке... вспоминаю.

— Только не волнуйся!

— Хорошо! Глеб, чтобы не случилось — я тебя жду! Люблю и жду! Даже не сомневайся — я приму тебя любого...

— Ириш, я далеко не такой идеальный, как ты себе меня визуализируешь.

— Я догадываюсь... С сегодняшнего дня, после разговора с твоим отцом стала догадываться... У тебя тоже много своих тайн.

— И грехов... но говорить о них я не собираюсь!

— И не надо... Главное, что ты сам понимаешь, что это грехи и, возможно даже, раскаиваешься, что совершил их... Но давай не об этом... Ты меня тоже ревнуешь? Я видела, как тебя накрыло: зубы сцепил, кулаки сжал, в глазах ненависть...

— Сам от себя не ожидал...

— Даже не думай об этом! Мне никто не нужен кроме тебя! Месяц, год, десять лет, всю жизнь — я буду верна тебе и буду ждать тебя! Если ты сам не откажешься от меня...

— Никогда!

— Люблю тебя!

— Люблю тебя! При первой же возможности позвоню... Береги себя, моя «конфетка».

— И ты береги себя для нас, мой ненасытный «сероглазый лев»...

17

— Подписывай! — настаивал свекор, стоя рядом с креслом и подсовывая Ирине целую кипу документов. — Подписывай! И пошли уже обдать! За обедом я тебе объясню, почему я это делаю и заставляю тебя в этом участвовать! — еще и этим приходится заниматься! Я и так столько времени и денег трачу на фирму Глеба, чтобы ее удержать на плаву, что скоро офис своей фирмы в это же здание перенесу, чтобы не мотаться по городу туда-сюда!

Но послушная невестушка повела себя очень... неправильно.

— Сначала я почитаю документы и подумаю, как поступить в этой ситуации... Все это, как-то... неправильно!

Дверь распахнулась, и в кабинет буквально ворвалась секретарша-детектив. Она закрыла дверь и, подперев ее спиной, жарким шепотом произнесла:

— Я нашла украденный товар!

Ирина вскочила с кресла, Илья Семенович бросился к девушке, схватил за плечи.

— Как? Где?

— В Нальчике! На одном из складов! Фура сломалась недалеко от границы с Грузией, и товар пришлось выгружать на склад... Остальные две фуры уже пересекли границу.

— Умница!

— Но это нелегальная информация!

— Я в два счета делаю ее легальной! Показывай!

Илья Семенович и Бэлла вышли.

Опустившись в кресло, Ирина внимательно прочитала документы, подписала и, захлопнув папочку, довольно улыбнулась... Свое унижение она еще как-то бы пережила, а вот нападки на своего ребенка!.. Такого она терпеть не станет! И пусть Глеб обижается, но поставить на место его снобистскую мамашу стоило уже давно! Можно подумать, что она голубых кровей! Нет — все это их благосостояние заслуга свекра — благодаря его стараниям, уму, оборотливости и деньгам они достигла такого положения! Теперь она знает, что свекровь никакая не «боевая подруга» и не поддерживала мужа, не сохраняла семейный очаг, не терпела лишения и совсем даже не «в горе и радости» жила все это время со свекром, а пила из него кровь и не отпустила его к любимой женщине с ребенком...

Вот так, невзначай окунувшись в чужую жизнь и чужие проблемы, Ирина вдруг задумалась над произошедшей ситуацией с Верой...

А если бы Глеб ее разлюбил, полюбил бы другую женщину, ждущую от него ребенка, но он бы не уходил из семьи из-за детей... Как бы она поступила? Как бы она относилась к их ребенку? А если бы он любил бы ее, а связь с другой женщиной была бы роковой ошибкой? И она простила бы его и осталась с ним, но он не бросил бы своего ребенка на стороне и помогал... Как бы она относилась к тому ребенку и сложившейся ситуации? Как же надо любить человека, чтобы простить его, понять, принять, стать снова счастливой и сделать счастливыми любимого и детей... Сколько сложных, неразрешимых вопросов! Но одно Ирина знала точно — сохранять семью надо ради любви! Любви родителей! Любви мужа и жены, а не детей! Нелюбящие, ненавидящие друг друга родители не могут сделать детей счастливыми — лучше расстаться и научиться жить по раздельности... общаться с детьми, любить их... и стараться оставаться человеком в любой ситуации.

Вот, например, в той, в которую ее сейчас втягивает свекор, подарив ей свой огромный особняк!!!

Она приняла его дар и подписала документы на оформление перехода права собственности! Да, а почему бы и нет! Он подарил ей семейную иконку, как матери его внучков, продолжателей его рода, а теперь он дарит им «родительский дом»... Почему не Глебу? Яснее ясного: его имущество могут арестовать, а потом для Инессы Сергеевны ничего не изменится — раньше домом владел нелюбимый муж, теперь — любимый сын! А если дом принадлежит чужому человеку, пусть даже невестке, то она уже живет в нем на птичьих правах...

И вдруг Ирина застыла от «нехорошей» догадки — вдруг Илья Семенович смертельно болен! — вот и раздаривает свое семейное... но не хочет, чтобы оно досталось после его смерти его официальной жене, которая всю жизнь его мучала! Хочет передать это сыну, но так чтобы Инесса не наложила бы на него руку! Сын всегда исполнит просьбу матери и передарит дом.

И когда в кабинет вошел взволнованный Илья Семенович, Ирина уже другими глазами смотрела на свекра — больной, несчастный, страдающий человек, столько лет терпящий нелюбимую жену, не понятно по какой причине...

Нелюбящие друг друга люди должны расставаться!

Дальше события стали развиваться с такой скоростью, что Ирина не успевала следить за сменой дней, она даже в загородный коттедж к дочке приезжать стала через день, а то и два, возложив заботу о ней на двух нянь и маму: с раннего утра анализы и процедуры, обследования у врачей, потом разбирательства на фирме с поставщиками и недовольными получателями грузов, проверяющими из полиции, адвокатами — Глеба (по уголовным

делам) и ее собственного (занимающегося недвижимостью — постепенно кроме особняка и их двухэтажной квартиры в центре с видом на Кремль, она стала обладательницей виллы в Испании, апартаментов в Лондоне и какой-то уникальной яхты размером чуть ли не с пароход!), детективами, откапавших какие-то подозрительные звонки из офиса с левых телефонов и записи с камер наблюдений с соседних зданий...

Дело о похищенных со склада грузов сдвинулось с мертвой точки: отыскиались и другие похищенные товары, отследились фуры, выяснились незаконные грузополучатели... но все это не снимало вины с Глеба Левицкого — он организовал, украл, получил страховку, перепродал... и т. д.

Каждый день Глеба возили на допрос к следователю и получить «внеочередное» свидание адвокату никак не удавалось, но они созванивались раз в три дня, разговаривали и уже не чувствовали себя оторванными друг от друга. Когда же у адвоката получилось «выбить» свидание, оно было кратковременным и под камерами — им даже за руки взяться не разрешили, и под угрозой прекратить свидание они смирились, но они виделись, разговаривали, и это поддерживало обоих.

Увидев, что Ирина изменилась: ушла беспечность, легкость, беззаботность, ей словно взвалили на плечи тяжелую ношу... он взвалил, взвалил, устранился и наблюдает со стороны за происходящим... Глеб стал винить себя в этом, казнить себя за допущенную ситуацию, раскаиваться в своих «грехах», совершенных до рождения дочери, впадая при этом в уныние, в неверие в хороший исход дела и какую-то обреченную отстраненность... Почти месяц заключения оказался для него тяжелым испытанием!

И чтобы взбодрить сына, за хорошие деньги Илья Семенович через адвоката Глеба устроил им свидание прямо в кабинете следователя...

После очной ставки с Верой, Стасом и свидетелем убийства товароведа, Ирина и Глеб сидели рядышком на стульях у стеночки, держась за руки и не могли насмотреться друг на друга.

Следователь, оперативники, адвокат и Илья Семенович оживленно спорили, доказывая свою правоту, не обращая внимания на подозреваемого и его жену.

— Ты похудел... — тихо произнесла Ирина, стараясь не расплакаться. — Пожалуйста, ешь, даже если не хочется!

— Хорошо, буду... для тебя, — пообещал Глеб, вспоминая оставленную на тарелке еду — не баланду, а проплаченные обеды и ужины. — Ты тоже похудела... и повзрослела.

— Нет, я все та же... — не согласилась жена и, потянувшись, зашептала ему в ухо: — Твоя ласковая киска, которой не о кого поласкаться ночью... — и с нажимом провела рукой по его спине, прижалась щекой к его плечу.

Жаркая истома волной прошла по позвоночнику и стекла в пах, заволновалась, забурлила, подняла желание. Дыхание Глеба тут же сбилось от ее нескромных слов и откровенной ласки, и он сразу понял, что его жена здорово изменилась — его нежная, застенчивая женушка в присутствии стольких мужиков никогда бы не посмела говорить и делать такое... Как ни странно, но это ему понравилось! Он почувствовал, что в его жене проснулась ненасытная любовница, о которой он иногда мечтал... во сне, и это завело его еще больше... Он сжал ее руку, поднес к губам и посмотрел в глаза пожирающим взглядом, она поняла его и, многообещающе улыбнувшись, приоткрыла рот, облизнула губы... Не отрываясь, молча, смотрели они друг на друга, признаваясь другому в любви и непреодолимом желании заняться сексом. Слова были не нужны, и без них было все ясно —

Любовь и Страсть облаком окружала их, скрывая от действительности... Прижавшись друг к другу и держась за руки, они тонули в глазах друг друга и занимались любовью... виртуальной... вспоминая, как это было последний раз, ощущая это телами, желая продолжения... Раздувая ноздри, он жадно вдыхал ее запах, стараясь запомнить его надолго, она, разомкнув губы, ловила его хрипкое дыхание, принимая его в себя, как жизненную необходимость...

«Любовники» очнулись, когда в наступившей тишине раздалось осторожное покашливание — мужчины все решили, все обговорили и пора было расходиться, но... прервать столь явное... проявление любви, никто не решился (деньги были заплачены немалые за это свидание и пять минут роли не играли).

— Пора.

Глеб взял лицо жены в ладони, нежно поцеловал в губы, прощаясь.

— Береги себя, малыша и Снежку! Вы моя семья!.. И прости меня, родная... за все прости и не бросай... иначе я сдохну без тебя в этой тюрьме!

Встал, опустил голову, шагнул вперед, Ирина рванулась за ним, обхватила за талию, прижалась к спине.

— Я тебя прощаю, любимый! За все прощаю! Только возвращайся ко мне! Я тебя жду!

С отчаянием произнесла она и расцепила руки, выпуская его из плена своих объятий.

— Позаботься о моей семье! — не оборачиваясь, хрипло бросил Глеб отцу и вышел из кабинета в сопровождении оперативников.

— Не волнуйся! — крикнул вслед сыну Илья Семенович и, с жалостью посмотрев на плачущую невестку, добавил: — Это и моя семья тоже!

Упав на стулья, Ирина, закрывая лицо руками, рыдала навзрыд — ему так плохо, что он заговорил о смерти!..

— Ну, все! Успокаивайся! — Илья Семенович подошел к Ирине, погладил по голове. — А то больше никаких свиданий!

— Почему он заговорил о... о...

— Нервы сдают.

— И что делать?

— Надо подумать...

И Ирина придумала, как вытащить мужа из его упаднического настроения и стала разговаривать по телефону с Глебом о работе, спрашивать его советов, «исполнять», «докладывать», становясь проводником его идей, предложений, разговоров с партнерами и заказчиками. Благодаря стараниям Ирины, Глеб выбрался из ямы «унылой, обреченной отстраненности»... мыслями он был с ними: в своем доме, в своем кабинете, помогал, советовал, руководил...

18. Июнь. Три месяца беременности

Ирина

— Собирайтесь, побыстрее! — расхаживая по нашей гостиной с камином в коттедже, Илья Семенович недовольно подгонял нас с мамой. — Как же трудно с женщинами! Целые чемоданы шмоток, которые потом ни разу не наденут!

— Я не хочу ехать! — противилась я, рассчитывая со дня на день получить свидание с мужем или на неожиданный звонок. — Летим неизвестно куда!

— Почему не известно? — примирительно произнесла мама, с благодарностью поглядывая на свекра. — Мы летим в Картахену! Всегда мечтала там побывать... Е!

corazon!

— Сердце... — автоматически перевел Илья Семенович. — Вилла так и называется: «Sangrante el corazon» — «Кровоточащее сердце» из-за большого количества алых роз... Все! Время! Все остальное купите там!

— А если дадут свидание или Глеб позвонит?

— Вернемся! Подпишешь лично бумаги на владение виллой — такой там порядок и можно улетать! Шесть часов и ты в СИЗО! А на звонок... перезвонишь!

— Звучит как-то жутковато... Картахена!!! и СИЗО... — скривившись прокомментировала мама. — Я бы из Картахены ни за что бы не уехала...

— А я выбираю Следственный Изолятор! Даже согласна поселиться с мужем в одной камере! Лишь бы вместе!

— Сумасшедшая декабристка! — вынесла вердикт мама, захлопывая чемодан.

— Вся в маму... — отстраненно произнес свекор и скомандовал Сашку. — Я женщин — ты чемоданы! Все проверили паспорта и вперед!

Целой толпой (я, Снежка, Илья Семенович, мама, няня, Саша) мы летели в Испанию!

В Картахену!

На мою собственную виллу «Кровоточащее сердце»!

Из Валенсии до Картахены мы плыли на яхте... огромной (так мне казалось), белоснежной, в три этажа с открытой палубой, на которой мы все тут же улеглись на солнышке, чтобы пропитаться соленым ветром Средиземного моря и жарким солнцем Испании.

Вилла оказалась небольшая, но очень красивой — бело-мраморной, вся территория утопала в розовых кустах, по большей части алых роз. Двухэтажный, открытый, продуваемый морским ветром, дом — отчего не чувствовалось жары, мраморные полы, легкие занавеси, тенты, лежаки у бассейна... Мечта!

Целый день отдыха! Меня никто не трогал... Все как-то растворились... Илья Семенович, мама и Снежка уехали в парк аттракционов на целый день, Саша и няня растворились в городе, а я... я поплыла по морю на яхте...

Синее, теплое море, жаркое, золотое солнце, быстрая, белоснежная яхта...

Волны плещутся за бортом, морской ветер ласково треплет волосы, солнце жарит разморенное, бледное тело, а мысли... мысли мои были далеко от этого восхитительного рая... в сером, убогом, казенном СИЗО, рядом с моим любимым, несправедливо обвиненным мужем...

Когда он освободится, обязательно приедем сюда хоть на недельку — пусть отдохнет, пожарится на солнышке и забудет весь ужас, связанный с тюрьмой...

Два дня чудесного отдыха для тела и восстановления душевного равновесия, а вечером третьего дня, проведенного всей семьей на собственном пляже и кусочке собственного моря с играми, танцами, плесканием в теплой водичке и перекусами фруктами и легкими закусками, когда мы вернулись на виллу, грянул гром...

— Собирайся! — рычал на меня свекор, названивая кому-то по телефону. — Да не чемодан! Бери паспорт и на борт! Яхта ждет!

— Объясните, что случилось?

Илья Семенович проверил мой паспорт и, схватив за руку потащил к причалу.

— А Снежка? Мама?

— Они остаются!

— Как остаются! — попыталась я вырваться и вернуться в дом.

— Молча! За ними присмотрит Сашок! А тебе выделю другого телохранителя в Москве!

— Да что случилось?

Но свекор предпочитал беспрестанно кому-то названивать, орать в телефон трехэтажным матом, кроя адвоката, следователя, и какого-то эмвэдешного генерала.

Только когда мы приплыли в Валенсию и сели в самолет, он отключил телефон и так обреченно произнес слово «суд», что у меня почти остановилось сердце...

— Завтра суд над Глебкой, — обреченно произнес он.

— Как суд? Ведь дело на закрыли, товар нашли... — напомнила.

— Суд по убийству!

— Вы же говорили, что следователь...

— Сверху на него надавили — велели дело закрыть и в суд передать.

— Но как же так... Он же не виноват, а его посадят...

— Не посадят! Не дам сына на растерзание!

— И что надо делать?

— На их генерала своего купим! Приедем и сразу ко мне — посмотрим, сколько налички в сейфе... вместе с Глебкиными.

— И у меня на карточке еще...

— Ир, ну ты, как дитё малое! — криво усмехнулся Илья Семенович. — Куда ты со своими миллиончиками лезешь!

— Так там больше двадцати...

— Может, яхту на Глебкину свободу поменять?.. — в раздумье произнес свекор.

— А яхта сколько стоит? — на автомате поинтересовалась я.

— Десять миллионов...

— Не надо менять... очень красивая... У меня же есть деньги на карточке...

— Эвро... Когда покупал... три года назад.

— Десять миллионов эвро?! — схватилась за голову. — Золотая дешевле выйдет!

— Возможно, ты права!.. Может, слитки золотые...

— У вас и слитки есть?..

Но Илья Семенович меня не слышал — разговаривал со мной, но для своего спокойствия.

— Адвокаты всю ночь будут претензии по делу писать, все следственные нарушения припомнят — следак подскажет, где накосячил — пусть отработывает, требовать будут независимую экспертизу по телу... Главное, чтобы решения суда не было! Апелляцию подавать последнее дело, нам надо чтобы дело вернули на доследование — новый срок, новый следователь... и новый генерал!

19

В особняк Левицких... вернее, теперь уже в мой собственный особняк! мы примчались, как оглашенные, но... у ворот (что стало полной неожиданностью для «хозяина») было полно машин: «Скорая», охранная, полицейская и даже пожарная.

— Что тут происходит? — налетел свекор на охрану.

— Мы по вызову приехали — сработала сигнализация кабинета.

— Хозяйку забираем в больницу! — прокричали из «Скорой». — Поедете с женой?

Но свекор даже не повернулся, лишь махнул рукой — «увозите и не мешайте»!

— Может, мне поехать? — предложила я, совершенно забыв, что «вражду» с

матерью Глеба.

— Перебьется! Сама виновата!

— А нас соседи вызвали, потому что дым из окна валил — оказалось, что хозяйка что-то жгла в камине, — объяснял пожарный.

— А нас охрана вызвала, — доложил полицейский, — нашли отравившуюся дымом хозяйку и вызвали, нас и «Скорую».

— Хозяйка — вот! — щедро рассовывая деньги «служивым», указал на меня свекор и добавил: — Хорошо, что мы с тобой в Картахене отдыхали, а то бы меня еще обвинили в покушении на жену — только этого и не хватало до полного пи*дца! Прости за грубость!

Что подумали мужчины глядя на меня и уверенные, что женатый, пожилой мужик подарил любовнице свой загородный особняк... вместе с женой, а жена решила подарочек спалить и угорела сама, читалось на их лицах...

Мельком посмотрев на себя в зеркало, я ахнула и, уже повернувшись к зеркалу, во все глаза стала рассматривать свое отражение: белый, просвечивающий сарафанчик на тоненьких ляпочках; плечи и спина открыты; налитые грудки с сексуально торчащими сосками; легкий, соблазнительный загар; высветленные испанским солнышком вьющиеся, пышные волосы, девичья, тонкая фигурка... не хватает только соломенной шляпки... которую я держу в руке!

Так и летела, в чем гуляла по вилле, даже не переоделась!

В одной руке — шляпа, в другой — кошелек, паспорт и телефон — вот и весь багаж!

Нахлобучила шляпу на голову и пошла на второй этаж — какой-нибудь пиджачок сопру у свекрови, а то уж очень откровенно-соблазнительно получилось. Если завтра в таком виде показаться в зале суда, да еще под ручку с загорелым Ильей Семеновичем в светлом костюмчике... Глеба удар хватит — любовнички с совместного отдыха прилетели!

Как ни странно, все эти страдания, кутерьма, череда бесконечных дел и забот о себе и о ребенке здорово меня... распрекрасили: похудела, гормоны зашкаливают, глаза блестят, энергия бьет ключом, прямо летаю и свечусь изнутри (женщины с одного взгляда понимали, что беременна и ребенок желанный), теперь знаю, почему спортсменов заставляют беременеть перед ответственными соревнованиями — в первом триместре небывалый подъем сил из-за всплеска гормонов и перестройки организма (своеобразный допинг) — отсюда и результаты! Еще бы научиться спокойствию — отключать эмоции... как говорит мама: «чтобы мух отделить от котлет — надо съесть котлеты быстрее, чем их увидят мухи! Или сразу убрать котлеты в холодильник!»

Когда я с легким, цветастым палантинчиком на плечах спустилась в холл, никого из вызванных служб уже не было.

Не обращая внимание на ночное время, Илья Семенович чихвостил горничную и охранника, что допустили такое безобразие в его доме.

— Как только адвокат уехал, Инесса Сергеевна нас и выгнала, — оправдывалась горничная. — Покричала, поругалась и выгнала нас.

— Кричала, что «ничего ей не достанется»...

— Кому «ей»? — уточнил свекор у охранника.

— Это мы не знаем — мы ушли.

— Наводите порядок и свободны! А мы с тобой делом займемся! — повернулся он ко мне.

И мы пошли в кабинет.

Дверь кабинета была выломана какой-то железякой, сейф покоцан, но не вскрыт... порванные картины в сломанных рамах валялись на полу, пол усеян стеклом, письменный прибор и лампа были разбиты и сметены на ковер, книги сброшены с полок, все из ящиков выброшено, а сами ящики разломаны — разгром кабинета был полнейший!

Попадись под горячую руку неверный муж, ему бы не поздоровилось!

Но увиденное, казалось, свекра не удивило и не рассердило, он был холоден и сосредоточен на более важном деле, чем устроенное женой показное неудовольствие его решением.

— До денег и документов хотела добраться! — с презрением усмехнулся он. — Это бы мне сильно навредило... Но не вышло! Впредь буду умнее и найду место понадежнее собственного дома.

Но меня его разборки с женой не интересовали — пусть сами разбираются, я согласилась ввязаться в их семейные имущественные споры только потому, что очень хорошо к нему отношусь, как и он ко мне... Волновалась за мужа... и немного за здоровье его матери, хотя не любила ее, впрочем, как и она меня.

— Надо было в больницу с Инессой Сергеевной поехать! Узнать, как ее состояние...

— Выброси это из головы! Завтра узнаем... Но, поверь, ничего с ней не случится! Дерьмо к дерьму не липнет! Прости за грубость...

— Тогда зачем вы с ней живете? Разведитесь и не мучайте друг друга.

— Не все так просто... Как-нибудь я расскажу тебе и эту свою тайну.

Открыв сейф, Илья Степанович достал из него несколько запечатанных в пленку упаковок денег, бросил их на письменный стол, и стал выгребать с полок запакованные пачки денег — рублей, евро, долларов, вывалил их на стол и начал пересчитывать.

— Глебкины пока трогать на буду — на особняк вам «копил», хотел на рождение второго ребенка тебе сюрприз сделать — из роддома прямо в новый дом привезти!

— Зачем? — ужаснулась одиночным планам мужа. — Я не хочу в особняк! Мне нравится наш дом! Он родной... Просто у меня руки не доходят заняться участком... а теперь я знаю, каким бы я хотела его видеть... «Felices del corazones»!

— Счастливые сердца!.. Я вот тоже думаю: зачем такой особняк покупал?! Надеялся детей много будет, но не вышло... а когда Глеб женился, думал вы с нами жить будете... детей нарожаете... внуки одиночество скрасят, а вы уехали... Почему?

— Глеб так хотел — сказал: «наша семья — это ты и я... и наши дети! И я сам о ней буду заботиться!».

— Мужик! Уважаю! Только пока не понимает, что насильно человека нельзя сделать счастливым!

— Вы о чем?

— Ну, хотя бы о его мечте — привести тебя из роддома в особняк... Ты же этого не хочешь! А он загорелся, поэтому и в сомнительную сделку полез — хотел денег по легкому срубить, а оно вон, как все обернулось!

— Согласна... нельзя человека сделать счастливым не выяснив, будет ли он счастлив от твоего «подарка»! Я помню в детстве, когда папа от нас уехал и стало так... грустно, мечтала окотенке! О крошечном, пушистеньком дружке, с которым было бы не так одиноко. И на день рождения в корзинке мне принесли котенка! Мама сказала: «Папа тебя любит и помнит о тебе!». Это было счастье! Я так радовалась его подарку... целый день играла с котенком, даже спать его с собой положила! А на утро я не могла открыть глаза и чуть не

задохнулась от удушающей аллергии...

— Отек Квинке... — подсказал свекор и отвернулся к деньгам, — аллергия на кошачью шерсть.

— Да, я потом целую неделю в больнице пролежала.

— Запоминающийся день рождения. Иди спать, я тут сам разберусь...

Постояла, потопталась на месте, не решаясь остаться на ночь один на один с мужчиной — как не крути, а свекор мне посторонний, чужой мужик... вполне еще ничего, следящий за собой — больше сорока с небольшим ему не дашь, к тому же... неровно дышащий ко мне. Зачем провоцировать его и создавать двоякую ситуацию...

— Тогда я домой поеду... Завтра все равно ехать домой переодеваться.

— Сдурела? Я тебе поеду! На ночь глядя и без охраны!

Занимаясь подсчетом, Илья Семенович внезапно замер, повернулся и в упор посмотрел мне в глаза. Я глаза опустила. И тогда он засмеялся... искренне и беззаботно, как мальчишка.

Посмотрела на него с удивлением: открыт, весел, в глазах прыгают лукавые чертики — никогда не слышала, чтобы он смеялся, да так искренне... всегда серьезен, по-деловому озабочен, а тут...

— Дура ты, Ирка! Не понимал, чего ты все мнешься... Ты подумала, что между нами... Что я к тебе... — сквозь смех произнес он и схватился за живот. — Вот это порадовала — в любовники к себе записала! Но, во-первых, ты не в моем вкусе: слишком худа и зажата — я предпочитаю девиц с формами и без предрассудков! Прости за откровенность... А во-вторых...

Я попятилась... Его слова очень обидели... Словно мне дали отрезвляющую пощечину! Эй, очнись! Ты кто такая? Возомнила себя частью семьи? Любимая невестушка? Ошибаешься, ты в нашей семье — ноль без палочки! Смела подумать, что я к тебе испытываю какие-то чувства?! Ты мне то в любовницы не годишься, а уж сыну моему и подавно! Терпим тебя ради детей!

Возможно, потому что у меня не было отца, к свекру с первых дней я стала относиться с уважением, доверием и любовью и думала, что и он ко мне также хорошо относится: с заботой, уважением и любовью... а на деле оказалось, что ни о каком уважении и любви речи не идет — он ставит меня ниже продажных девиц... грудастых и расрепощенных...

Возможно, до ареста Глеба и моего решения отвечать за мою семью самой, я просто выскочила бы за дверь и разрыдалась бы от унижающего пренебрежения, а сейчас... сейчас у меня внутри что-то вскипело, я шагнула к унизившему меня мужчине и со всей силы врезала ему пощечину по его смеющейся физиономии!

Голова его дернулась, и он подавился своим смехом. Взгляд его тут же изменился — веселые чертики, превратились в злых бесенят...

— Как вы посмели подумать, что я рассматриваю вас, как любовника?! Никогда! Никогда я не изменю Глебу! Тем более с вами!

Развернувшись, я быстро пошла к выходу, решив немедленно ехать домой, но... споткнулась о валяющуюся на полу картину, упала на колени потом на руки и закричала от боли... в колени и ладони впились осколки стекол...

Илья Семенович никак не ожидал на свою невинную (по его мнению) шутку такой реакции от скромной, спокойной невестки, но получив пощечину взбесился — ни одна

женщина не смела поднять на него руку! Захотелось схватить за руку и наорать, но тут же злость схлынула, он почувствовал себя виноватым, а когда она упала на колени и на руки и закричала от боли, испугался... Подбежал, схватил, поднял и побледнел — ладони, пальцы рук, колени... все было в крови.

— Сейчас, Ирочка, потерпи, родная! — подхватывая невестку на руки, успокаивал он, неся ее на первый этаж в гостиную. Усадил на диван, схватил телефон и стал названивать охране. — Медсестру ко мне, быстро — порезы о стекло.

Пошел на кухню, принес аптечку, опустился на колени, откинул подол сарафана, осторожно приложил вату к коленям и рукам, пытаясь остановить кровь...

— Медсестра вынет осколки и перебинтует...

Сжав зубы, чтобы не стонать, Ирина сидела на диване и не смотрела на свекра — для нее этот человек перестал существовать — лично для нее! — с ним она не хочет иметь ничего общего!

Видя обиженность невестки, Илья Семенович поднялся и попытался прояснить ситуацию.

— Ты все не так поняла! Это была шутка... дальше я хотел...

— Ваше имущество я верну вам завтра же! — сквозь зубы процедила Ирина, не желая слушать оправдания теперь уже не «уважаемого и любимого» родственника. — Вы выразились вполне ясно: в вашей семье я никто и не заслуживаю ни любви, ни уважения. Спасибо, что указали мне мое место!

— Не глупи! Ты меня просто неправильно поняла!

— Я всегда относилась к вам... по-родственному и надеялась, что и вы относитесь ко мне так же, но ошиблась! Глеб прав — наша семья — это он, я и наши дети!

— Я отношусь к тебе, как к родной дочери, так же, как к сыну — для меня вы оба равноценны...

В калитку позвонили.

Илья Семенович посмотрел на сидящую неподвижно невестку, глядящую в сторону двери, и пошел открывать.

Медсестра долго возилась, вынимая стекла из ладоней и коленей и зашивая несколько порезов на коленях. Уже расцветало, когда она, перебинтовав колени и ладони пациентки, вышла из дома.

— Давай, я отнесу тебя в спальню, — предложил Илья Семенович, чувствуя за собой вину за свои слова и все случившееся в последствии — мысль о том, что кто-то подумает, что между ними любовная связь — развеселила его... Вот он и пошутил... на свою голову! Теперь она обиделась и не будет его слушаться, а сейчас им надо, как никогда, быть единым фронтом. — Не веди себя, как обиженный ребенок...

— Извините, я хочу спать!

Повернувшись, со всеми предосторожностями, Ирина легла на диван, отвернувшись лицом к спинке дивана и закрыла глаза. Она почувствовала, что ее накрывают пледом, и тут же сбросила плед с себя — ей не нужна его лживая забота!

Но плед снова лег на ее тело...

— Уходите! — едва сдерживая слезы, попросила она и сбросила плед на пол. — Идите заботьтесь о своих... грудастых и раскованных! Я больше в вашей заботе не нуждаюсь!

Сказала и поняла, что она ревнует этого человека! Поняла и ужаснулась! Да, она его ревнует! Ревнует его внимание к этим грудастым и раскованным! Ревнует, как маленький

обиженный ребенок, ревнует заботу и внимание родителей к маленькому братику или сестричке, чувствуя себя обделенным, обманутым, покинутым...

Пять лет она считала этого человека почти родным и обманулась... он совсем ее не любит... еще одна потеря... еще одно предательство... А она так хотела его любви... Слезы градом потекли из ее глаз...

21

Уснуть сразу у Ильи Семеновича не получилось, сначала он пересчитывал деньги, прикидывал — кому, куда и сколько, потом думал, как обезопасить свои и сына деньги, а потом решал, как наладить контакт с обиженной невесткой...

«— Что я такого сказал? Что смешно слушать ее опасения кто что-то подумает относительно нас? Так уже многие думают... На каждый роток не накинешь платок! А то, что я никогда не смотрел на нее, как на любовницу, и что она не в моем вкусе — это правда! На правду не обижаются... Ну, про любовника ляпнул... смешно же! Если бы она только знала, до какой степени ее опасения о слухах о нашей возможной связи нелепы, то посмеялась бы вместе со мной! Но, похоже, она обиделась (хрен поймет этих женщин) и уже себе что-то надумала, хорошо бы узнать, что... Не вовремя у нас эта размолвка произошла! Очень не кстати... Пришло время правду рассказать, только надо это сделать по деликатнее и вовремя...»

С этими сомнениями Илья Семенович уснул... А проснувшись не обнаружил Ирины в своем особняке.

— Где Ирина? — озабоченно спросил он у горничной, не обнаружив невестку ни в одной из спален и ни в гостиной на диване, где она уснула.

— Так она уехала.

— Как уехала? Когда?

— Как я пришла в шесть — она и уехала.

— Кто ее выпустил?

— Охранник.

— А я разве разрешал?

Горничная замялась.

— Так она же хозяйка...

На это возразить Илье Семеновичу было нечего — Ирина, и правда, по документам была хозяйкой его особняка — узнав об этом (адвокат сообщил), Инесса Сергеевна и устроила аутодафе собственного дома... и погорела сама.

— И куда она поехала, не знаешь?

— Вроде в больницу к Инессе Сергеевне, вещи мы вместе собирали. Ирина Викторовна вызвала такси и обзванивала больницы... попросила дать ей мои вещи: джинсы, кроссовки, футболку и куртку джинсовую... ее сарафан весь в крови... А что случилось?

— В кабинете споткнулась, упала и порезалась. В кабинет не входить! Охранник пусть в доме сидит и до моего приезда ни шагу из дома!

Все звонки свекра Ирина сбрасывала... во-первых, потому что находилась в больнице: сначала разговаривала с врачом, а потом сидела в палате Инессы Сергеевны, которая при ее появлении закрыла глаза и притворилась спящей, Ирина оставила собранные вещи и сок с круассанами и ушла; а во-вторых, хоть это было и глупо, но разговаривать со свекром она не хотела — он как будто предал ее — она его уважала, доверяла, любила, а он... высмеял, оскорбил, унизил ее женское достоинство, сравнив ее и поставив ниже своих проституток...

кому приятно слышать о себе: «тощая, не сексуальная, зажатая, глупая, никому ненужная, да еще транжира и приспособленка...»

«Даже если он извинится — ничего не изменится — он так думает и считать так не перестанет! Ну, и фиг с ним! Главное, чтобы для мужа я была «худенькой, стройненькой, сексуальной и желанной, его ласковой кошечкой», — так думала Ирина, созваниваясь с адвокатом Глеба и понимая, что домой (в загородный коттедж) переодеться она уже не успевает. — А для чего же тогда существуют магазины?!»

На десятом звонке Илья Семенович, наконец, понял, что общаться с ним обиженная невестка не желает, и начал названивать адвокатам. Те о ее планах знали и того меньше — только то, что в суд она приедет обязательно — как-никак ее будут опрашивать, как свидетеля.

— Машину с водителем-охранником к залу суда и ждите ее там — за Ирину Викторовну головой отвечаете. Мы выезжаем через десять минут.

В зале суда было много народа, и Илья Семенович не сразу узнал жену сына: она сидела на первом ряду на первом стуле ближе к месту обвиняемого в каком-то невзрачном, сером платье, со скелотыми на затылке волосами и немыслимой винтажной шляпке, в каких-то босоножках без каблуков, на руках перчатки, скрывающие бинты и порезы. Она постоянно тянула сиротское платье вниз, прикрывая перевязанные колени.

«— На правду, дорогая моя, не обижаются! Какая из тебя любовница! Ты примерная, скучная жена! — садясь на последний ряд, вздохнул Илья Семенович и, покачав головой, добавил: — В бабушкиной шляпке...»

Когда в зал суда ввели подсудимого, Ирина тут же встала и уже не спускала глаз с мужа. Его посадили в «клетку», он сел на лавку и одними губами спросил жену:

«— Как ты?»

Она кивнула и спросила:

«— Ты как? Держись!»

Он поморгал глазами, покивал головой...

— Свидетелей прошу покинуть зал заседания!

Ирина вышла из зала.

— Встать суд идет!

Начался суд... не самый справедливый и не самый гуманный, но длинный, нудный, с протестами, претензиями, возражениями, опросами свидетелей...

Когда в зал суда вызвали Ирину Викторовну Левицкую, Илья Семенович не сразу понял, кто вошел... Стройная, молодая женщина в туфлях на каблуках, в жемчужном платье и белоснежном пиджачке, с длинным жемчужным ожерельем на шейке и длинными жемчужными сережками в ушках... светлые выгоревшие на солнышке локоны рассыпались по плечам и спине, легкий загар освежал лицо и оттенялся белым цветом пиджака, губки чуть тронуты бледно-розовой помадой нервно кривились улыбкой, изнеженный цветочный аромат облаком окружал нежно-обворожительную и в тоже время сексуальную красотку, глаза которой неотрывно смотрели на подсудимого, излучая обожание и любовь...

Взволнованным голосом она отвечала на вопросы адвоката и прокурора, чуть медля с ответами, щеки ее от волнения вспыхивали румянцем, и она на несколько секунд замирала, успокаиваясь и кладя руку на чуть округлившийся животик (вот так ей посоветовал адвокат, заявив во всеуслышание, что свидетель беременна и мучить ее вопросами, особенно прокурору, не стоит!). Она была ключевым свидетелем защиты, потому что ее показания

ши вразрез с показаниями других свидетелей, утверждавших, что подозреваемый приехал на склад на полчаса раньше — убийство произошло с часа до двух... По показаниям жены выходило, что после звонка товароведа (сначала на телефон Левицкого, на который он не ответил, а потом в офис помощнице около часа), подозреваемый еще полчаса находился в офисе, а не помчался на склад.

— И почему же Глеб Ильич не поехал на склад?

— Мы немного поссорились из-за его помощницы, потом мирились... а после предупреждения помощницы о ЧП на складе... муж не сразу покинул меня... мы занимались сексом.

Адвокат Глеба убедил Ирину специально акцентировать внимание суда на этом факте! Признаваться во всеуслышание Ирина не хотела, но адвокат убедил и настоял, что это необходимо для дела. И образ ее тоже обсудил с ней — она должна была выглядеть нежной, сексуальной красоткой, чтобы ни у кого не вызвало сомнения, что подсудимый влюблен в свою жену и секс с ней поставил выше какого-то там ЧП на складе, к тому же все симпатии в сравнение ее с сексуально-раскованной, алчной помощницей должны были быть на ее стороне: любящей, беременной жене-милашке хотелось верить, а секретарше, пытающейся увести мужа из семьи с ребенком и беременной женой, нет.

— Прошу суд приобщить к делу записи с камер видео наблюдений с соседних зданий, время выхода моего подзащитного из здания, его телефонного разговора с водителем (есть заключение о подлинности записи!), подтверждающие показания свидетельницы — мой подзащитный, заботясь о своей беременной жене, поручил своему водителю-охраннику отвезти домой расстроенную жену — разговор занял еще какое-то время... Это характеризует моего подзащитного, как заботливого мужа, трепетно относящегося к беременности жены. Ваша честь прошу приобщить к делу выписку из больницы и записи с камер наблюдения из приемного покоя, куда доставлена была свидетельница водителем-охранником после разговора с помощницей моего подзащитного, ложно утверждающей о ее связи с моим подзащитным, с подозрением на сердечный приступ.

— Протестую! — вскинулся прокурор. — Не имеет отношения к делу!

— Ваша честь, это характеризует свидетеля, уличенную во лжи, и моего подзащитного, как заботливого мужа, если бы жена позвонила и сообщила бы ему о приступе, то он, вообще, бы не поехал на склад, отправив туда начальника службы безопасности.

— Голословное утверждение!

— Протестую, Ваша Честь! Подтвержденное несколькими звонками моего подзащитного жене с номера другого свидетеля: свой телефон он оставил в кабинете — он волновался о ее здоровье, но жена в это время была уже в больнице и не ответила на звонки.

— Суд постановил приобщить записи и материалы к делу!

— Ваша Честь, подозрения вызывает тот факт, что камеры наблюдения на офисном здании и на складе в тот день и в нужное нам время были отключены. По нашим расчетам времени выходит, что подозреваемый приехал на складскую территорию, пошел на склад, увидел его пустым, спросил у товароведа что случилось и не выслушав его объяснений стукнул его по голове монтировкой... неизвестно откуда взявшейся — запись эксперимента разложенного по минутам в деле имеется. Показания свидетеля, слышавшего ссору и видевого момент убийства, вызывают сомнения... В виду многочисленных несоответствий, нарушений и сомнений, трактующихся в пользу обвиняемого, прошу, Ваша Честь, отправить дело на следствие!

Пока суд совещался и изучал материалы, Глеб смотрел на свою жену и понимал, что только для него она разыграла этот спектакль с переодеванием и ее преображением из скромницы-жены в жену-любовницу-секси. Она как бы говорила ему: «Смотри, Глебка, я все та же — твоя «сладкая конфетка», твоя ласковая киска! Только кошечка немного подросла, научилась выпускать коготки, страстно царапать спинку и стала вот такой сексикиской... Нравится тебе такая женушка?» и Глеб кивал головой, шептал одними губами «Люблю тебя!» и получал в ответ «Люблю тебя! Жду!»

— Суд постановил: дело возвратить на доследование!

Они выиграли еще время и постараются доказать невиновность Глеба!

22

Ирина

— Нам надо поговорить! — взял меня за локоть свекор и потянул к своей машине. — Ты должна меня выслушать!

— Простите, Илья Семенович, но наши с вами разговоры будут касаться только дел Глеба и вашего имущества! — предупредила и осторожно высвободила свой локоток. — Вчера, пока у нас с вами были доверительные отношения, у вас была возможность спокойно обсудить двойственную ситуацию, сложившуюся вокруг нас с вами, но вы посмеялись... надо мной! Впредь я намерена избегать двойственных ситуаций!

— У нас на плечах фирма Глеба! Или ты отказываешься на ней работать?

— Нет, не отказываюсь! А вот в состав вашей семьи со вчерашнего дня я не вхожу — место под плинтусом меня не устраивает.

— Ты не дослушала — ты главная для меня! — тихо выдохнул свекор, искоса поглядывая на стоявшего к ним спиной телохранителя.

Теперь настал очередь смеяться мне, и я рассмеялась ему в лицо.

— Опомнитесь, Илья Семенович! Вчера вы дали мне понять, что я не достойная жена вашего сына! Спасибо, за откровенность!

— Ты все не так поняла! Я говорил о том, что кто бы что не надумывал и не подозревал — это их трудности! Связь между нами невозможна!

— Это точно! Но невозможна не потому, что я не в вашем вкусе: вы предпочитаете грудастых и раскованных... А потому, что я люблю своего мужа, а вы его отец, и это было бы для него двойным предательством!

— Это была неудачная шутка! Чтобы разрядить обстановку, посмеяться вместе и серьезно поговорить!

— Моей честью и репутацией не шутят! Доверительного, сердечного отношения между нами больше нет — только деловое! Запомните это!

— Пусть будет так... пока ты не остынешь! Но жить ты будешь в моем доме, не смотря на всю двусмысленность ситуации, и это не обсуждается! Передвигаться только с водителем-охранником — это для твоей же безопасности.

Спорить не стала, но про себя усмехнулась, подумала: «Щас!» и приказала ехать к себе в коттедж.

Нашла коса на камень!

Даже не предполагала, что могу так жестко отстаивать свое право на самостоятельность!

Две недели «военных действий» со свекром пошли на пользу нам обоим — мы как-то «притерлись», постоянно находясь вместе — он начал слышать мои желания и возражения, я

— отвечать на его звонки и обсуждать его предложения. Просто «Подписывай!» он мне уже не приказывал, и это меня очень радовало. Я многому научилась за это время: принимать решения (пусть даже не вполне самостоятельные), общению с людьми, абстрагироваться от ситуации и думать головой, не поддаваться эмоциям... по крайней мере на людях, хотя волновалась и за мужа, и за ребенка, который развивался вполне нормально и особых хлопот не доставлял.

Конечно, без команды профессионалов свекра, его адвокатов и, главное, его денег, фирму Глеба не удалось бы спасти, но потихоньку следователи разобрались, разыскали (с помощью детективов) следы кражи, и похищенные товары начали возвращаться, даже из-за границы. Затраты на перевозку взял на себя Илья Семенович — на свою фирму повесил транспортные расходы по доставке груза на склад Глеба, отшучиваясь от благодарности и обещаний сына все возместить заключением долгосрочного, а лучше пожизненного, контракта на перевозки.

Обвинение в мошенничестве с Глеба сняли, а вот в убийстве...

Но адвокат уверял, что дело движется в правильном направлении и скоро обвинение снимут.

Снимут и тогда... Глеб, наконец то, вернется ко мне! И мы вместе полетим за Снежкой...

Мечты! Мечты!..

23

В один из этих сумбурных перегруженных событиями дней новая секретарь (работающая на фирме Глеба до Веры — женщина глубоко за сорок) осторожно постучала в кабинет и прикрыв за собой дверь доложила:

— Там девушка... спрашивает Глеба Ильича. Беременная...

— Только от одной избавились... вторая на пороге! Сколько это будет продолжаться?!

— Может сказать, что Глеба Ильича нет?

— Она придет завтра. Нет, пусть заходит — узнаем, что ей надо.

— Известно, что — денег!

— А вдруг — нет! Приглашайте.

— Ирина Викторовна! Помните — вам нервничать нельзя!

— Помню, Ольга Владимировна.

— Я вам сейчас чай на травках заварю и таблеточку принесу.

Секретарша вышла, а Ирина в который раз пообещала себе не нервничать!

В кабинет вошла молодая, симпатичная беременная, невзрачно одетая и какая-то забитая — видимо беременность не шла ей на пользу (некоторые будущие мамочки, как например, Ирина, цветут, пахнут и излучают радость, даже не смотря на свою замученность).

— Мне нужен Глеб Ильич! — сказала девица и удивленно уставилась на сидящую за столом Глеба женщину — прошлый раз он был на месте и ей удалось убедить, упросить и получить нужную сумму.

— Мне тоже! Присаживайтесь! — Ирина кивнула на кресло. — Его нет и в ближайшее время не будет.

— А как же мне быть?

На что Ирина просто пожала плечами, внутренне готовясь услышать неприятные откровения. Нет! Она не будет ни на что реагировать! Это все неправда!

— Полтора месяца назад Глеб Ильич проплатил внутриутробную операцию одному из своих деток, теперь нужна следующая...

— Так, стоп! — встрепенулась Ирина, услышав такое заявление. — Вы сказали: «Одному из своих деток»?

— Да, я ношу его детей! — гордо кивнула головой беременная девица (девица была молодая — лет двадцать с небольшим).

— У вас есть документы, подтверждающие его отцовство?

— Нееет, но это его детки...

— Раз у вас нет официального подтверждения его отцовства — значит, вы не можете утверждать, что это его дети!

— Но я же знаю...

— Меня не интересует, что вы знаете! Предоставьте документ, подтверждающий его отцовство! — повысила голос Ирина и хлопнула по столу. — Если вы хотите продолжать беседу — больше ни слова о его неподтвержденном отцовстве! Или разговор окончен!

На стук тут же прибежала секретарша с чаем и «сердечной» таблеткой.

— Девушка, — недовольно качая головой, стала выговаривать женщина, — вы же знаете, что беременным нельзя волноваться.

— А я и не волнуюсь, ну, если только чуть-чуть...

— Причем здесь вы? До вас мне дела нет! Ириночка Викторовна, выпейте чайку успокаивающего...

— Вы тоже беременны? — удивленно открыла рот девица.

— Что же тут удивительного, когда жена беременна от собственного мужа! — возмутилась секретарша.

— Жена?

— Жена, — кивнула Ирина и, выпив таблетку, благодарно взглянула на секретаршу. — Итак, что вы решили? Продолжаем разговор или вы уходите?

Девица немного замешкалась.

— Продолжаем. Нужна повторная операция ребенку.

— У вас нет денег, и вы решили сделать ее опять за счет Глеба. Я правильно понимаю?

— Но это ведь его...

Под строгим взглядом жены предполагаемого отца, девица замолчала.

— Проверим... — Ирина достала флешку с информацией с телефона мужа, нашла распечатки с переводами с банковских карт, нужную дату... удивленно вскинув бровь, посмотрела на просительницу. — Не мало...

До этого времени, имея на руках подробный отчет о расходах мужа, она не смотрела эту информацию, считая ее личной.

— Глеб Ильич сказал, что жизнь ребенка важнее любых денег.

— Это правда...

— Мне очень нужны деньги на операцию, а взять мне их не где...

Ирина внимательно посмотрела на девушку — если Вера была ухожена, красива и сексуальна и могла вполне заинтересовать Глеба, как любовница, то эта девушка его вряд ли могла заинтересовать... как сексуальный объект (вот как она научилась отстраненно думать и не доверять непроверенной информации!). Она даже пахла преотвратно: смесью дешевых духов и дезодоранта. Глеб не выносил резкого запаха дезодоранта, тем более у женщин... запах ее пота его возбуждал... В соответствии с ее утверждениями... возможно... у них был

одноразовый секс, и она залетела... Странно, Глеб всегда возмущался, если слышал о нежеланной беременности и абортах... говорил: «сначала научитесь предохраняться, а потом уже трахайтесь!», но мало ли что произошло...

И как бы она не владела собой, как бы ни верила мужу и не верила всем остальным... сердце снова предательски сжалось и начало покалывать от ревности.

— Сделайте копии документов у секретаря и оставьте свои координаты.

— Но мне надо...

— Идите!

Девушка нехотя поднялась и, оглядываясь, вышла.

Постучав, в кабинет вошла секретарша с новой порцией чая.

— Не волнуйтесь, Ириночка Викторовна! Выпейте чайку. Я же говорила, что за деньгами приходила! Сейчас, когда Глеба Ильича нет, всё что хочешь могут придумать, чтобы денег получить! Вон, Верка уже два раза приходила с вами поговорить, но я не пустила — пусть с Ильей Семеновичем разговаривает.

— Спасибо! Видеть ее не могу — как вспомню, что она тут наговорила...

— А вы не вспоминайте! На вас и так столько дел навалилось!

— Дела подождут... несите ее документы. И перешлите копии детективам — пусть проверят по своим каналам действительно ли нужна операция. Не хочется быть обманутой авантюристкой...

Через час сумма на лечение больного ребенка была переведена, а Ирина в расстроенных чувствах поехала домой... Нет, не в их квартиру с мужем, и не в их загородный коттедж, а на квартиру матери, где они жили до свадьбы с Глебом. Почему именно туда она и сама не могла объяснить.

Этот факт был тут же доложен Илье Семеновичу, и он начал названивать невестке и выяснять причину изменения «места жительства». Она не отвечала и разбирательства начались с водителем-охранником и секретаршей: водитель-охранник доложил: «Плакала всю дорогу!», секретарша в подробностях описала ситуацию и даже прислала запись с камеры из кабинета и документы на ребенка. В общем через час свекор знал, что случилось, заволновался и помчался к невестке, успокаивать, разубеждать, оправдывать сына, названивая ей по телефону — вдруг что случится с ребенком, а тем более с ней! — он себе этого никогда не простит! Да и сын тоже!

Ирина долго не отвечала, потому что не хотела обсуждать с кем бы то ни было этот инцидент, а потом и вовсе ушла в ванную и погрузилась в теплую воду, решив отвлечься от ревнивых мыслей... Но мысли не отступали! Никак!

«— Я верю Глебу — я у него единственная... И он мне не изменял! Хорошо бы узнать с какого времени не изменял: со времени нашего знакомства, после того, как я отдалась ему, и он стал моим первым мужчиной, со дня свадьбы или после рождения Снежки, со дня своего дня рождения или другой даты?! Или после заключения в тюрьму? За что-то он просил у меня прощения! И я простила все его прегрешения, не зная за что простила, и пообещала его не бросать. В тюрьме я его точно не брошу, но хочется узнать за что же я его простила... Ребенок у Веры не от него. Тогда, может быть, за этот случайный секс? Если эта девушка говорит правду и у Глеба была с ней связь... пусть даже одноразовый секс... от которого появились дети... Двое! И что мне с этим делать? Я его простила и за это тоже? Разбираться со своим прощением его «грехов» пока он сидит в тюрьме я не буду — это для него будет жутчайший стресс, а ему надо быть сильным, уверенным, что ему верят и ждут дома, а вот

когда выйдет... дома и поговорим откровенно... надо подождать! Стоп! Может, и разбираться не надо, эта девица врет, как и Вера! И дети не его... Тогда почему она пришла к нему требовать деньги на лечение? И он оплатил лечение... Значит, у них был секс, и он мне изменил... Надо узнать кто она, что их связывает и поговорить с Глебом, все выяснить и уже потом решать... А что решать? Разводиться или нет? Разводиться и оставить своего ребенка без отца? Двух детей без отца... Это он должен сказать правду и решать! Решать что? Оставаться со мной или уйти к этой... с двумя детьми... А захочу ли я жить и воспитывать ребенка с человеком, который меня предал и обманывал столько времени! Стоп! Надо успокоиться и не накручивать себя! Нельзя что-то решать, не выслушав Глеба и не узнав правду... Пусть самую горькую, но правду! Только тогда можно будет понять, что нам всем делать в сложившейся ситуации... И только тогда я буду решать, как мне поступить!

Так ничего и не решив, Ирина вышла из ванной и позвонила адвокату Глеба, узнать, когда получит очередное свидание с мужем.

— Пожалуйста, добейтесь разрешения на свидание на той неделе... и хорошо бы в той комнате, где нет камер. Необходимо прояснить очень важный вопрос!

В дверь позвонили, и Ирина пошла открывать.

24

Ирина

— Вы? — удивилась, открывая дверь, предварительно посмотрев в дверной глазок. — Я вас...

— Слава, Богу, с тобой все в порядке!

Илья Семенович без приглашения «вломился» в квартиру, дежурно обнял меня и прошел дальше. Телохранитель свекра и мой водитель-охранник мялись у двери и пришлось приглашать и их.

— Вообще-то, я вас не звала... — попыталась урезонить свекра и выпроводить восвояси.

— А меня не надо звать — я сам прихожу! Когда посчитаю нужным. Чего это ты сюда залетела?

Отвечать не хотелось, но и невежливой, негостеприимной хозяйкой становиться было глупо.

— Цветочки полить...

— Ну да, ну да! Про Динку узнала...

Напоминание просто убило всё дружеское отношение.

— Вы и про эту девицу знаете?.. Но об этом я буду разговаривать со своим мужем!

— А чего с ним разговаривать? — повернувшись ко мне, выдал свекор. — Я тебе и так скажу — ничего у него с ней не было! Забыла, о чем я тебя предупреждал — не верь глазам своим и словам людей! особенно женским! Так что успокойся и езжай домой.

— А дети тогда откуда? — все-таки втянулась я в разговор, желая уверовать в непричастности мужа и успокоиться по этому поводу.

— Не его это дети!

— А почему она к нему пришла деньги требовать на лечение ребенка?

— Потому, что Глеб тьюфак — одной взялся помогать, теперь второй...

— Он лечение оплатил...

— И ты оплатила!

— Нуу... я потому, что он оплатил.

— А он потому, что жалостливый очень — вот бабы им и пользуются!

— В каком смысле «пользуются»?

— Ну, в денежном смысле — особенно беременные! Если бы к тебе пришла беременная просить деньги на лечение, ты бы что, не оплатила?

— Оплатила бы... наверно.

— Вот я и говорю, что вы — «два сапога пара»! — довольно пренебрежительно изрек «родственник», отмахиваясь от «проблемы». — Так что не заморачивайся по поводу этих детей — тебе о своем ребенке надо заботиться, а ты рыдаешь и разводиться собираешься!

— Откуда вы знаете? — спросила и, повернувшись в сторону Сашка, показала ему кулак (в три раза меньше его, и он не испугался — просто пожал мощными плечами — служба!).

— Секрет полишинеля! — хмыкнул свекор. — Все ба... женщины одинаковые — изменил — развод!

— Так Глеб изменил? — ужаснулась и на глаза тут же навернулись слезы.

— Нет, нет, нет! — спохватился Илья Семенович, повернулся ко мне и положил руки на плечи. — Это я образно!

— А я хочу знать конкретно!

— Не изменял! — уверенно произнес он и улыбнулся...

Ох уж эта мне его улыбка — опять сморозит какую ни будь чушь... И точно!

— А что ты, Иришка, так волнуешься по этому поводу: была измена — не была, его дети — не его? Ты же Глебку за всё уже простила! — брякнул и лыбится — опять шутки шутит!

Сняла его руки со своих плеч и переспросила — может, не так поняла:

— Как это за всё простила?

— Прощый раз он у тебя прощенья просил: «Прости, родная, за все прости», ты его и простила!

— Хотите сказать, что он мне изменял направо-налево, а я его простила?

— Может и так! Откуда же мне знать, за что он извинялся и за что ты его простила!

— Это что, шутка ваша очередная! За которую можно и...

— Не, не... — попятился свекор, улыбаясь еще шире и выставляя руки вперед, как бы защищаясь. — Одного раза достаточно!

Пошутил, походил по квартире, с интересом порассматривал ...

Неприятно было, что он ходит, сравнивает нашу трешку со своим домом, но мне эта квартира роднее и краше его холодного, безжизненного особняка!

Вернувшись в гостиную, он как-то помрачнел, немного погрустнел, наверно, вспомнил что-то не очень приятное. Уселся в кресло и пригласил меня присесть — ведет себя, как хозяин! Но смолчала присела на ручку кресла.

— Давай, поговорим, как взрослые люди...

— Если вы про эту Дину и ее детей... буду разговаривать только с мужем — пусть объяснит...

— Ладно, будь по-твоему — устрою вам на днях свидание и поговорите... Не место, конечно, но... видно время пришло для откровенного разговора.

— Не пугайте меня! Он скрывает от меня что-то плохое?

— Да нет! Вот ты опять себя накручиваешь! Глеб тебя любит! Это главное и помни об этом!

— Я знаю, что любит...

Посидели, помолчали, подумали каждый о своем, изредка поглядывая друг на друга.

— Между вами любовь — помни это! Она главное в жизни — вот и не руби с плеча! Голову включай! А о том, что ты его за всё простила — серьезно подумай! Бывают в жизни ситуации, когда человека надо прощать, чтобы он не натворил... За что Глеб у тебя прощения просил, только он знает... Может, за все свои косяки в той жизни извинялся... до тюрьмы, может за то, что не долюбил тебя, что огорчал или что не был с тобой откровенным до конца... О многом видно передумал за это время, многое осознал, переоценил... Вот и повинился перед тобой, а ты его простила! За всё простила... в той жизни. И назад свое прощение уже не возьмешь! Так что, обвинять и разводиться с ним не смей! Поняла, дочка — не смей! Не забывай, где он находится и в чем его обвиняют! Не ровен час, после твоих выяснений, обвинений и угроз разводом нервы у мужика сдадут, и он руки на себя...

Свекор замолчал и хмуро посмотрел мне в глаза.

Замерла от догадки продолжения, и тело сковало смертельным ужасом.

— Вы что такое говорите? Глеб никогда этого не сделает! Он знает, что я его люблю! Мы со Снежкой его любим и ждем!

— Вот и помни об этом, когда говорить с мужем будешь... Ты его любишь, и он тебя любит! А то свидания больше с ним не получишь!

— Хорошо, я подумаю над вашими словами.

— И пообещай мне не истерить и не плакать! А то закрою тебя в своем доме и не выпущу пока не родишь мне здорового внука!

— Или внучку.

— Внука! Я просил — внука! Обещаешь?

— Постараюсь не истерить, не плакать и родить Глебу здорового сына!

То, что я не пообещала родить ему здорового внука, его задело, насупился, но взял себя в руки, посидел немножко, поприветствовал меня в его особняк (на что я твердо отказалась) и загрузил завтрашними проблемами — впервые за месяц работы к нам придут заказчики, заключать договор!!! А это значит, что репутацию фирма сохранила и держится на плаву!

25

Глеб

Свидание с женой... волнуясь, хотя отец предупредил запиской через адвоката, о чем пойдет речь.

Предупреждал меня, что с окружающими тебя бабами надо жестко расставлять границы дозволенного, а то на шею сядут и доить, как козла будут! Я не послушал — вот меня и доят! Сначала Верка, теперь Динка! Мать их так! Чего они в меня вцепились?! У меня семья Жена беременная — о ней надо заботиться! А они, как гири пудовые на ногах повисли...

Сто раз проговорил наш разговор с Иришкой: что она спросит, что отвечу, но все равно внутри всё трясется — на главный вопрос так и не знаю ответа... Поверит ли? Если не поверит, что делать? Она ведь у меня такая ревнивая! А красотка какая! На суде увидел ее новую, глаз отвести не могу... другая стала, а вроде и нет...

— Встать! Руки за спину! Вперед!

Сел. Жду. Руки в замок сцепил, коленями сжал, чтобы не тряслись...

Вошла Иришка, села на стул напротив, смотрит напряженно...

Руки на стол положил, она своими мои накрыла...

— Не положено!

Встала подошла к конвойному, пошептала, сунула ему деньги... Тот глазами моргнул.

Подошла ко мне жена, села на коленки, в губы поцеловала и руки мою себе на живот

положила.

Я ее другой рукой обхватил, в грудь лицом ткнулся, задышал ее запахом, голова кругом, словно стакан водки махнул, опьянел на раз от нее, как пацан, впервые бабу понюхавший... сердце в ребра заколотилось, кровь закипела, между ног вулкан... вот-вот взорвется!

По животу ее глажу, а у меня рука трясется...

Поняла моя «конфетка», что еле справляюсь со своим желанием, улыбнулась лукаво, в губы поцеловала и язычок за зубы просунула — меня как током шибануло, а она с колен встала, на стул села, ручки на стол положила, ждет пока я своими ее руки накрою, а у меня колотун прямо от нее, никак с дрожью не справлюсь, руки в замок сцепил, коленями сжал...

— Глеб, нам с тобой поговорить надо... — начала, а сама губы поджала, вижу ревнует, но сдерживается. — О Дине... и ее детях.

Кивнул головой, а у самого мороз по спине прошел — вдруг не поверит? Обидится... Терпеть измену точно не станет! Тогда что, развод? Нет, даже произносить это слово не хочу!

— Вторую операцию оплатила... Что-то там у нее с детишками... не очень.

Снова головой кивнул, язык к нёбу прилип, в горле ком.

— Не мои они, — прохрипел и покашлял. — Не было у нас с ней ничего... Клянусь!

Молчит, в глаза мне пристально смотрит, глаз не отвожу, а про себя молюсь: «Поверь мне, моя роднулечка! Поверь! Без твоей любви и веры мне здесь никак не справиться!». Глаза у моей женушки вдруг потеплели, лучиками засветились... смотрит с любовью, прямо в душу, спокойно так стало, радостно, что поверила, что любит и поддерживает.

— Я верю! Верю! Только она утверждает...

— Нет! — еще покашлял горло прочистил, отпустило, теперь и поговорить можно — знаю, все хорошо будет! — Все честно расскажу, только ты мать не бросай!

— Каждый день хожу, но она со мной не разговаривает.

— Это ничего — главное видит, что ее не забыли...

— Хорошо, рассказывай.

— Помнишь, сразу после Нового Года отец улетал в Болгарию контракт подписывать...

— Помню, ты его провожать поехал, рейс задержали, вы в аэропорту ночь просидели, а он так и не улетел.

— Ну, да... — кивнул головой, на конвойного посмотрел — стоит, на нас не смотрит, а сам слушает.

Жена догадалась, к конвойному подошла.

— Можно мы пошепчемся?..

— Не положено!

Но как деньги в руке почувствовал, заморгал.

Села Иришка на стул, ко мне придвинулась, руки свои в мои вложила, я ей в ушко всю правду и выложил...

— Обманул я тебя... никуда я не ездил — отец один поехал. Мать расстроилась, что совсем ее не навещаю, я остался с ней. В общем, мы поужинали... а проснулся я в кровати с голой бабой!

— Чтооо?! — вскрикнула моя женушка, и рукой рот закрыла, в глазах ужас. — Ты мне...

— Нет! Нет! Ничего не было! — за руки ее схватил, к себе притянул, шепчу жарко в ушко: — Надо было тебе все раньше рассказать, во всем признаться, еще когда Динка ко мне в первый раз пришла, но я, дурак, побоялся, что ревновать меня будешь и не поверишь! А вот

теперь здесь приходится говорить! Дома бы признался, повинился и помирились бы давно... Правда ничего не было! Только я это потом уже узнал... А когда проснулся, увидел ее рядом голую — запаниковал, она на меня полезла... говорит: «Еще хочу, такой классный секс был...», я ее оттолкнул, оделся ушел... сел в машину и не могу к тебе ехать — раз секс был, значит изменил! Как я к тебе с этим... с таким дерьмом поеду... — всхлипнула моя роднучка, руки мне сжала — поверила и жалеет меня! меня тут совсем прорвало, зашептал, признаваясь: — Ирка, сижу в машине, вискарь глушу прямо из горла, и плачу — вся жизнь наша коту под хвост! Как мне теперь с тобой в обнимочку в постели спать, ведь ты меня любишь и веришь мне, а я... Полбутылки выжрал, и даже не почувствовал, что пью, машину завел... Вдруг дверь открылась, меня за шкуру из машины выволокли — у отца рейс отложили, и он домой вернулся. Орет на меня, по щекам хлещет, чтобы в чувство привести, спрашивает, что случилось, а я слова сказать не могу... В общем, они с телохранителем меня домой притащили, и отец разбираться начал... Мать прикинулась, что ничего не знает, но отец камеры в доме просмотрел, а там такое... После ужина я отключился... от снотворного, и она с Динкой меня в комнату прислуги поволокли, там меня раздели, в кровать уложили, ну и Динка со мной голая улеглась — фоток наделали кучу, в разных позах... тебе хотели послать, но не успели — отец телефоны у них отобрал, Динку тут же из дома выгнал, на мать так орал, что стены тряслись...

— Ты же мог разбиться на машине, пьяный...

— Я хотел к тебе поехать, в ноги упасть и все рассказать... ну, что я тебе изменил, я же тогда не знал, что ничего не было — оказывается, в комнатах прислуги тоже камеры стоят, а мать не знала, да и никто не знал, кроме отца и начальника охраны. Хотел тебе обо всем рассказать, но отец отговорил — сказал, что обидишься на мать и отпускать к ним меня не будешь — ты же у меня ревнивая!

— Если бы такое узнала... сама бы с тобой ездила, а маме твоей точно все бы высказала! — поджала обиженно губки моя женушка. — А зачем она это сделала?

— Ревнует меня к тебе — знает, что я тебя люблю...

— Но ведь тебе будет больно, если мы расстанемся... Ей тебя не жалко?

Пожал плечами — кто вас женщин разберет!

— Она меня сразу невзлюбила... Почему? Я ведь тебя люблю, не за деньги твоего отца... и не за твои деньги.

— Не знаю почему...

— Ладно, не любит и не любит... А почему Дина утверждает, что это твои дети?

— Не знаю! Мне тоже заявила — «дети твои!» Я ей: «Мы не трахались!», она: «Ты не помнишь!», я ей: «У меня запись с камеры есть, что в твоей комнате стоит!», она в слезы и твердит: «Дети твой!», ору: «Откуда мой?», плачет... В общем операцию ребенку оплатил и сказал, что в следующий раз пойдем сдавать анализы на отцовство — она согласилась.

— Согласилась?

— Ну, да! Я тоже удивился.

— Так возможно дети твои?

— Нет! Я с ней не спал! Может, она в ту ночь напилась, и ей приснился секс со мной, а потом она с кем-то переспала и залетела, а подумала, что от меня!

— У тебя есть записи? Можно посмотреть?

— Не веришь?

— Верю, но хочу на маму твою посмотреть и понять, почему она так меня ненавидит,

что готова собственного сына сделать несчастным и подвергать опасности.

— В коттедже в сейфе.

— Хорошо, что все рассказал, но, думаю, что с этим придется еще долго разбираться... — замолчала моя женушка, смотрит на меня недовольно. — Глеб, больше меня не обманывай и ничего не скрывай — раз мы семья, то и обмана между нами быть не должно! Мы должны все знать друг о друге! Согласен?

Смотрю на нее, руки ей целую, так не хочется огорчать мою женушку.

— Ты повзрослела... другая стала.

— Я и сама это чувствую. Но ты не ответил.

Напряглась, губки поджала... А что я ей скажу? Что не согласен.

— Давай, об этом потом поговорим... в нашей комнатке, после всего...

— Хорошо, отложим, — нехотя, но согласилась. — Расскажи, как ты?

— Нормально. На фирме, я знаю, вроде первый заказчик наметился.

— Не наметился, а подписали, Глебка! Теперь точно твою фирму спасем!

— Долги придется отдавать... — говорю и радуюсь — и фирма на плаву осталась, и женушка делами занялась и от ревности своей отвлеклась. — Как ты себя чувствуешь? Как ребеночек? Как Снежка?

— Все хорошо! Снежка загорела, как негритёнок... А с долгами считаешься — зарабатываешь! И еще... Глеб, пообещай мне, что ты не станешь делать меня счастливой, не узнав, что для меня является счастьем!

— Ты о чем?

— Об особняке! Мне нравится наш коттедж, и я хочу жить в нем с тобой и детьми! Мне нравится наша мансарда! Я там счастлива... с тобой! И ничего не хочу менять в своей жизни!

— Обещаю... сделать тебя счастливой!

— Свидание закончено!

Мы вскочили и бросились в объятия друг другу.

— Не положено!

26

Через несколько дней Глеб позвонил, и они с Ириной долго разговаривали (конвойный вновь соблазнился деньгами). Разговаривали обо всем: о фирме, о делах, о здоровье, но главное, о них и о детях:

— Соскучился по вам... Столько времени на работе пропадал, а надо было с вами его проводить!

— Хорошо, что ты это понял! Выходные только наши!

— Согласен! На прогулке все время наш коттедж вспоминаю... Солнышко! Лето...

— Глеб, скоро все закончится — Стаса Липатова и его подельников арестовали.

— Только они всё на меня валят! Около двух месяцев здесь торчу...

— Разберутся! Потерпи еще немножко...

— Ладно, прорвемся! Люблю тебя!

— И я тебя люблю и очень жду!

За первым контрактом подтянулись еще парочка, и Глеб немного успокоился и поверил, что вытянем его фирму. Юристы фирмы подавали иски на возврат украденного оборудования, опротестовывали решения страховщиков, готовили документы для суда...

27

Глеб

На прогулки водили каждый день после обеда или после ужина, смотря какие следственные действия проводили.

Я в одиночке и попадал на прогулку с разными подследственными и обвиняемыми...

Встал к стеночке, на солнышко, глаза закрыл, привычно стал вспоминать наше лето с семьей в нашем коттедже — как же я не любил косить газон, всегда ворчал, а теперь бы...

Не увидел, а запах почувствовал и движение воздуха...

Напрягся и тут же получил удар под дых, но пресс напряг, удар сдержал, открыл глаза, шагнул в сторону и двоечку: прямой в лицо и хук правой — один отлетел, второй ударил, увернулся, саданул его в солнечное сплетение — второй согнулся, налетели еще двое, одного ударил прямо в переносицу — он взвыл, второго ногой... сбитые поднялись, навалились, повисли на руках, попытался освободиться... резкая, разрывающая внутренности боль пронзила тело, словно его проткнули насквозь, руки и ноги тут же онемели, стали ватными... покачнулся... от следующего взрыва боли сознание отключилось, и начал падать в черную, бездонную пустоту...

28. Июль. Четыре месяца беременности

Ворвавшись в кабинет, Илья Семенович застыл на пороге и уставился на сидящую за столом невестку. Позади него застыла секретарша со стаканом воды и горстью таблеток.

— Ириш, поехали... — начал он, не зная, как сообщить беременной невестке о случившемся, — нам с тобой надо... в госпиталь съездить.

— В госпиталь? Что-то случилось с Глебом?

— Драка на прогулке была... ему руку сломали.

— Руку? И все? — Ирина посмотрела на встревоженного, бледного мужчину и не поверила — внутренний барометр настроения мужа показывал «ураган». — У меня сердце с утра не на месте... ноет и ноет, как будто что-то плохое случится...

— Выпейте, Ириночка Викторовна, — споро подошла секретарша и протянула таблетки.

— Пей! — приказал Илья Семенович.

Ирина послушно выпила таблетки.

— И ногу сломали. Поехали в госпиталь!

— В госпиталь? А почему не в больничку...

Но объяснять мужчина не стал, подошел, взял Ирину за руку и, поддерживая под локоток, повел к машине.

Всю дорогу он говорил о чем-то постороннем, спрашивал о самочувствии, о дочке — отвлекал по полной, но Ирина была словно в трансе: ничего не слышала, не отвечала, ни на что не реагировала... и даже не думала, просто смотрела в одну точку, не мигая, и ждала... чего ждала не понятно.

Когда они уже подъезжали к госпиталю, она вдруг очнулась.

— Он жив, — тихо произнесла она и слегка улыбнулась. — Мне надо домой! Пожалуйста! Скажите ему, что я его люблю и скоро приеду! Пусть ждет меня! Я его спасу и все будет хорошо!

В первую секунду Илья Семенович подумал, что она тронулась умом от горя... Но откуда она могла узнать, что Глеб при смерти? Его ударили несколько раз заточкой, сломали руку, ногу, пробили голову... Он ей этого не говорил!

— Ирочка... ты как себя чувствуешь? — с тревогой заглядывая ей в глаза спросил он, не

выходя из остановившейся машины — может, не стоило ей ничего говорить. — Может, тебя доктору показать?

— Мне надо домой! — повторила Ирина, все еще находясь в своих мыслях. — Пока идет операция, я успею...

— Хорошо, езжай домой... отдохни, лежи.

— Да нет, я вернусь... Просто сейчас мне надо домой!

Илья Семенович вышел из машины и отдал распоряжение водителю-охраннику:

— Оставайся с ней! Глаз с нее не спускай — при малейшем подозрении на ухудшение вызывай «Скорую»! Внука я потерять не могу!

Сделав несколько шагов, он обернулся на голос невестки.

— Вы правы! Когда припрет — ты уже не сомневаешься!

Машина рванула с места, а отец Глеба понял зачем помчалась домой его невестка и как хотела спасти его сына....

Деньги сделали свое дело: раненого Глеба из больнички следственного изолятора на вертолете доставили в военный госпиталь Бурденко, а не оставили умирать в тюремной больничке, сделали операцию, которая шла больше восьми часов и прошла успешно, правда, гарантий на выздоровление врачи не давали и лишь неопределенно пожимали плечами, в реанимационную палату (что категорически запрещено) пропустили жену и уж совсем в нарушении всех правил и «законов медицины» разрешили надеть на шею больного нательную иконку — против родовой, нательной иконки ни один из врачей не возразил, понимая, что жизнь больного находится в руках куда более высших сил, чем они (хотя многие себя считали Богами — почти!).

Ирина сидела в реанимационной палате, держала мужа за руку и молилась о его жизни...

«— Господь милосердный, сохрани ему жизнь! Не ради себя прошу — ради детей! Как они без его поддержки расти будут?! Родится сын и отца своего не увидит ни разу... Нельзя такое допустить! Нет, неправда, и ради себя молю — жить без него не смогу... ради всей нашей семьи молю — сохрани Глебу жизнь! — без него наша семья никогда не станет счастливой... Глеб добрый, заботливый, милосердный... больным детишкам операции оплачивает — скольким детишкам он еще может жизни спасти... Господи, спаси и сохрани ему жизнь!»

На груди Глеба покоилась небольшая золотая иконка, украшенная драгоценными камнями с ликом Иисуса...

Врачи постоянно наблюдали за прооперированным пациентом, стараясь не обращать внимания на скромно сидящий на стульчике «оплаченный и уже доставленный аппарат МРТ», и тихо радовались, и удивлялись, что ухудшений не наблюдается, осложнений не предвидится и состояние больного улучшается с каждым часом...

Через сутки после операции больного перевели из реанимации в палату и подключили к датчикам, а еще через сутки вывели из медикаментозной комы, и он пришел в себя.

Первое что увидел Глеб, очнувшись от долгого «сна», было бледное, осунувшееся лицо жены с застывшими, страдальческими глазами. Она ничего не сказала, поцеловала его в губы и пересев со стула на стоящую рядом кровать, рухнула на подушку и тут же заснула.

— Привет, сын! — услышал Глеб голос отца, с сожалением отрываясь от лица жены. — Она двое суток глаз не сомкнула — пусть отдохнет...

— Как я здесь... оказался? — прохрипел больной и закашлял.

— Чи-чи-чи! Осторожно! Кашлять тебе нельзя! — Илья Семенович придержал сына за плечи. — Две дырки заточкой — очень коварные! И лучше тебе пока побережись! В тюремной больничке с этим не разобрались бы, и ты истек бы кровью... Но у тебя же есть опытный папочка! Который когда-то получил точно такой же коварный удар заточкой — поэтому я поднял на уши всех, и — вуаля! — ты в военном госпитале!

— А с рукой что? — скосив глаза, просипел Глеб.

— Даже в голову не бери — срастется! — отмахнулся от «проблемки» его отец. — И нога тоже.

— И нога?!

— И голову немного разбил, когда падал... об асфальт, вернее, об асфальтовую крошку — она значительно мягче, так что радуйся, что в башке дырки нет!

— И на долго я здесь?

— Месяц точно, а там посмотрим... Если будешь себя хорошо вести, может домой заберем! Только никаких резких движений, подъемов и волнений!

— Понял. А с делом... что?

— Узнали, что с тебя хотят обвинения снять — вот и... заказали тебя... — нехотя пояснял Илья Семенович, опасаясь «выливать» сразу всю информацию, — дружок твой заказал — Стасик Липатов, чтобы срок лишний не тянуть: организатор больше всех получает, поэтому все стрелки на тебя переводили.

— Стас? Мы же... с ним дружили!.. — не поверил Глеб. — Я его к себе... в дом приглашал.

— А как он с Веркой твоей связался, перестал! Вот он и обиделся и посчитаться с тобой захотел — на деньги кинуть. Или за что другое обиделся? За другую бабу, например.

— Верка... не моя! — Глеб посмотрел на отца и не ответил.

Илья Семенович недовольно крикнул — дать бы тебе по роже!

— Знакомая твоя — ты ее на руках носил, на фирму взял, к себе приблизил — подружески, как тебе казалось, и огреб по полной...

— Ну, носил!.. Я в одиннадцатый, она в первый... Я нес, она в звонок звенела!.. Плакала малявка, а я в шутку... сказал, что она самая красивая... и когда вырастет... женюсь на ней.

— Ты пошутил, а она запомнила — с бабами шутить нельзя — они наших шуток не понимают! Запомни это сын! Я вот ту недавно пошутил с Иришкой... и тоже огреб по полной!

— Неужели... врезала?..

— Было дело... — Илья Семенович сел на стул, взял руку сына в свои руки, сжал. — Ты Глебка никому не верь — ни она, ни я — мы тебя никогда не предадим!

— Знаю!.. Как ребенок? Раз она со мной сидела... нервничала.

— Проснется, на обследование отвезу! Так что ты тут один, без нас держись... Пол ребенка узнаем! Надеюсь, внук!

— Александр... Глебович... Левицкий!

— Родится — такой праздник закачу! А сейчас для нее праздник, что с тобой быть разрешили... Вон, койку для нее купил, так что будете вместе срок больничный отбывать — вряд ли она от тебя уедет надолго.

— Ты ее домой заведи... пусть под присмотром будет, — попросил Глеб, не желая утруждать беременную жену, — мне так спокойнее.

На что Илья Семенович немного замялся, решая рассказывать сыну все новости или

погодить...

— Да она... это... не со мной живет! Самостоятельная стала... В вашем коттедже по большей части обитает — площадку детскую на заднем дворе обустраивают ей: избушку на курьей ножке из бревен построили для Снежки, деревянного конька-горбунка смастерили, песочницу с мухомором, качели детские и большие, садовые — она на них по вечерам качается... Помощницу по дому я ей нанял, чтобы одна без пригляда не оставалась, машину с водителем-охранником выделил... В дом к нам она не приезжает — из-за матери.

— Мать как?

— Что ей сделается? Прости... Чуть дом не спалила, и сама до смерти не угорела!

— Когда успокоитесь?

— Как развод даст!

— Чего она на... Иришку взъелась? Я ее и Снежку люблю... мне без них плохо будет...

— Это сын долгий разговор, а тебе отдыхать надо — поспи, я рядом посижу немного, да на фирму поеду, а то начальство на дела забило и у тебя под бочком дрыхнет!

Илья Семенович с нежностью посмотрел на спящую молодую женщину и повернулся к сыну.

— Я вас люблю, ребята!

— И мы тебя любим!

Когда Ирина проснулась, они уехали на обследование. А через несколько часов в палату вернулась улыбающаяся Ирина и сообщила:

— Сын! Сашка!

— Вы мои любимые! — растроганно прошептал Глеб.

29

Первые несколько дней Ирина не отходила от мужа, боясь, что как только закроет глаза и перестанет его контролировать, ему станет хуже, постоянно держала его за руку, даже на ночь просила придвинуть кровать вплотную к кровати мужа, чтобы слушать его дыхание, держать за руку и не вскакивать к нему по десять раз за ночь...

Но когда, глядя ей в глаза, Глеб потребовал:

— Поцелуй меня!

Она впервые за эти дни улыбнулась и с радостью исполнила его желание: нежно коснулась его губ.

Глеба такой поцелуй не устроил и даже «рассердил», и он, запустив пятерню здоровой руки в ее волосы и придерживая ее затылок, вобрал в свой рот ее губы и уперся языком в ее зубы, требуя впустить его. Она послушалась, приняла его язык, тут же покорила и слегка засосала... Глеб поплыл... Голова закружилась от усилий и вспыхнувшей страсти... Отпустил ее губы и виновато скривился.

— Прости, «конфетка», сил хватило только на это... Но обещаю к концу недели займемся сексом...

Ирина засмеялась его шутке и сердцем поняла: к ней возвращался ее мужчина! со своими привычками, требованиями, мужскими желаниями — он шел на поправку, и это успокаивало и радовало ее.

Конечно, к концу недели ни о каком сексе речи не шло, но целовались они уже довольно страстно и долго, здоровая рука его сжимала ее грудь, а она ласкала его тело, вызывая у него стоны, похожие на хриплое, звериное мурчание... Они даже умудрялись засыпать вместе, на одной кровати, обнявшись и прижавшись друг к другу, но потом Ирина

перебиралась на другую кровать, чтобы выспаться самой и не мешать «большому», на что «больной» недовольно ворчал, нехотя признавая, что будущей мамочке четырехмесячному крохе нужен был полноценный отдых (это он может поспать и днем), а в скором времени, когда животик у жены будет большим и чтобы случайно во сне не задеть малыша, им придется спать порознь.

Наняв опытную сиделку себе в помощь (около пятидесяти!), Ирина стала уезжать на работу и по своим делам, сначала до обеда, а потом и подольше, к ужину неизменно возвращаясь в палату к мужу, ибо проводить ночь без ее подробных рассказов о проведенном дне, без ее возбуждающих ласк и страстных, долгих поцелуев он попросту отказывался — капризничал, не ужинал, ожидая ее приезда. Она стойко сносила его капризы и обиды (все больные требуют повышенного внимания), извинялась за опоздание, успокаивала, твердила о своей любви, начинала целовать, и он оттаивал, растворялся в своих чувствах и неловко просил прощения за свои капризы.

Побыв немного в шкуре жены, Глеб понял, как это трудно — ждать! А ждать, ревновать ее внимание и мечтать о близости с любимым порой просто невыносимо! Он же, в прошлой жизни, забывал звонить жене и предупреждать о своей задержке на работе. Теперь, лучше понимая ее недовольство, ревность и разочарование, пообещал себе быть более внимательным к ней и хотя бы один раз в день звонить жене — сейчас, получив в свое пользование телефон, он названивал ей каждый час... по работе и не только ей — он хотел быть в курсе всего происходящего на фирме и выслушивая короткие отчеты был очень доволен.

Но случались и «неприятные инциденты»... Такой, как в первый визит Инессы Сергеевны к сыну.

Увидев на его груди подаренную иконку, она затряслась и не в силах справиться со своим желанием завладеть родовым «сокровищем» Левицких, попыталась снять ее с груди спящего сына. Но поскольку сиделка, которой строго-настрого было запрещено оставлять больного без присмотра с «непроверенными людьми» (к коим относились все кроме Ирины и Ильи Степановича), находилась в палате и была предупреждена о ценности данной иконы (ей было поручено Ильей Степановичем оберегать в первую очередь иконку, а потом тело сына), попыталась пресечь попытку похищения иконы. Завязалась перебранка, потасовка, проснулся Глеб, понял в чем дело — оправдания матери «Я только хотела посмотреть поближе» не прокатили и выгнал мать из палаты.

После этого инцидента Илья Семенович забрал иконку и спрятал в сейф в кабинете, нашиговав дом новейшими биометрическими охранными системами, информирующими его даже о приближении «неправильного» человека к охраняемому объекту (к дому, кабинету, сейфу), а Инесса Сергеевна была выселена в городскую квартиру, которая тоже по бумагам принадлежала Ирине, но пока об этом «бывшую хозяйку» не уведомили.

У Ирины тоже случались «неприятные истории», не связанные с работой... с Верой, например.

Ей все-таки удалось прорваться в кабинет к «хозяйке» и устроить скандал, поскольку в военный госпиталь к Глебу ее не пустили даже на территорию.

— Мне нужны обещанные деньги! — почти кричала Вера, отбиваясь от секретарши, пытающейся вытянуть за руку «непрощенную посетительницу» из кабинета.

— Ольга Владимировна, оставьте ее, — устало произнесла Ирина запыхавшейся секретарше. — Не забывайте, она беременна!

— Не забывайте, вы тоже! И волноваться вам не рекомендовано! Она один раз уже довела вас до больницы! И вы могли потерять вашего ребенка!

— Я помню это!

Секретарша недовольно удалилась, пообещав принести успокаивающий «чай на травках».

Ирина показала на кресло, но Вера не села, встала напротив, напоказ выпятив живот.

— Мне нужны обещанные деньги! — твердо заявила она, чувствуя себя обиженной и обманутой.

— Вам выплатили все положенное и даже больше, — Ирине было неприятно видеть эту женщину, вспоминать ее лживые, прямо в сердце ранящие слова и свою боль от ее лжи.

— Глеб обещал мне...

— Вряд ли Глеб захочет сдержать обещание, после того, что сделал ваш любовник — попытался убить Глеба и вы, давая ложные показания против него, поддерживая своего любовника.

— Я к этому не имею никакого отношения! — открестилась от покушения Вера. — А дать такие показания меня заставил Стас! Потом я во всем призналась.

— А я не имею никакого отношения к вам! — парировала Ирина. — Разговор окончен!

— Мне надо увидеть Глеба!

— Чтобы опять повиснуть у него на шее или подставить под его руку свой живот? Вы на что рассчитывали, затеявая свои игры... что он разведется с беременной — от него женой, бросит своего ребенка и женится на вас, беременной от другого мужчины?!

— Зачем мне нищий мужик, когда можно получить мужика с деньгами.

— С вами все ясно! Когда вы забеременели, Глеб вас пожалел, и вы решили сыграть на его жалости... — неожиданно Ирина почувствовала такую непреодолимую усталость, что даже злость и обида на помощницу мужа растворилась в ней. — Вер, уводя мужа из семьи, вам не жалко было такого же нерожденного ребеночка, как ваш, и маленькую девочку — ведь вы отнимали у них отца?

— В первую очередь я заботилась о себе и своем ребенке! — честно ответила Вера, не думая о последствиях такого ответа.

— Понятно! Сердца у вас нет! Тогда и денег для вас у меня — нет!

— Но я хочу поговорить с Глебом?! На мои звонки он не отвечает!

— Ничем не могу вам помочь! Пусть вам выплачивает алименты отец вашего ребенка!

— Он сел! И надолго.

— Еще скажите — по вине Глеба! — Ирина и не думала, что может быть такой жесткой и принципиальной, и обратилась к вошедшей с чаем секретарше. — Ольга Владимировна, проводите... Разговор окончен!

Почти под тычки секретарши Вера недовольно вышла из кабинета.

30

Выпив успокаивающего чая и немножко поработав, Ирина поехала в госпиталь к мужу, прикупив очередной небольшой торт — Глеб пристрастился к сладкому, хотя раньше сладкое не ел.

— Вера решила прорваться к тебе в палату, — улыбаясь, сообщила Ирина, глядя с каким аппетитом муж поедает ужин. — Денег я ей не дала.

— И правильно сделала! — с набитым ртом, пробубнил Глеб. — С неблагодарными людьми, которые не понимают хорошего отношения, не надо иметь никаких дел.

— Но ты ей обещал...

— Это было до того, как она вздумала разрушить мою семью, оболгала меня, довела тебя до сердечного приступа и подвергла опасности жизнь нашего ребенка! Слышать о ней не хочу!

— Не знаю, как ты поступишь, когда выйдешь на работу... — замялась Ирина, решив прояснить ситуацию с женой бывшего друга, — я приказала выплачивать Лене зарплату мужа... хотя бы пока... пока он числится на фирме.

Нахмурившись, Глеб перестал жевать и уставился на жену — она в своем уме? платить деньги жене заказчика его убийства! Но вспомнив, что Лена и ее дети были ко всему этому непричастны и тоже пострадали от действий мужа и отца, согласно кивнул.

— Пока пусть... Вернусь на фирму, разберусь.

— Спасибо, милый! Ты самый лучший! Такой благородный!

— Давай, давай, хвали меня! — хмыкнул Глеб и воззрился на жену — в глазах его плясали веселые чертики. — Я уже встаю, сегодня вечером мне снимут гипс с руки... так что все твои отговорки против нашего секса больше не действительны!

Застыв на несколько секунд, Ирина растерянно похлопала ресницами.

— Может, подождем еще недельку пока снимут гипс с ноги...

— Еще неделю ждать?! Ну, уж нет! Сколько там время? Не пора уже спать, дорогая... — и Глеб потянул жену на себя.

Но Ирина, поцеловала его, вывернувшись и, погрозив пальцем «проказнику», побежала к лечащему врачу, узнать, когда же ее мужа выпишут из госпиталя! когда ему можно будет питаться мясом — куском! (до этого у него была «щадящая диета»), и когда же ему, наконец, разрешат заниматься сексом!

Врач схватился за голову — прошло чуть больше двух недель после таких сложных ранений! а тут — мясо и секс! но посмотрев на взволнованную молодую женщину и вспомнив о стареньком аппарате УЗИ в отделении, разрешил и то и другое — но по чуть-чуть и в разумных пределах и пассивных позициях (лежи бревнышком и получай удовольствие)...

Обрадованная Ирина побежала обрадовать мужа, заказывая по телефону доставку из ресторана свиной отбивной, но встретив в коридоре Илью Семеновича, затормозила и потянула его за рукав в сторону, к окну.

— Врач пообещал Глеба выписать через неделю, как только снимут гипс с ноги... — начала она разговор, который в ее голове еще не оформился в четкий план. — Он будет рваться на работу и поедет! Но еще неделю ногу нельзя будет нагружать и на работу ему ходить будет категорически нельзя — нога отекает, сустав распухнет, воспалится и снова больница...

— И что ты предлагаешь? Придвинуть стол к дивану и уложить его в кабинете?

— Было бы неплохо, но он же не станет соблюдать постельный режим на рабочем месте!

— Не станет! И что ты предлагаешь?

Повздыхав, Ирина немного подумала.

— Выписывать его не сразу после снятия гипса, еще обследования, а потом на отдых! В Испанию его — в Картахену на виллу «Sangrante el corazón» — «Кровоточащее сердце»! И никаких походов в офис — пусть отдыхает и работает на удаленке!

Илья Семенович внимательно посмотрел на невестку.

— Ир, если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты у мужа хочешь фирму оттяпать! Это ведь не так? Уж очень ты в нее вписалась, хотя ни черта не смыслишь в этом деле!

— Свекровь меня не любит, вы в махинациях подозреваете! — обиженно фыркнула Ирина. — Ну, спасибо!

— Вот ты опять все неправильно поняла! — возмутился Илья Семенович. — Ни в чем я тебя не подозреваю! Это со стороны так кажется...

— Я тоже хочу с Глебом к Снежке поехать... пока еще мне можно летать... Вместе отдохнем хотя бы три недельки.

— Ну, это совсем другое дело — так бы и говорила: вместе на отдых! Имеете право...

— Так что? Справятся ваши профи еще месяц без Глеба?

— Я все проконтролирую! Езжайте! И я к вам на недельку прилечу.

— Тогда идите договаривайтесь с врачом — он все про какой-то старенький аппарат УЗИ намекал...

— Ну, понятно... Значит, еще неделя до снятия гипса с ноги, три дня на полное обследование, а потом месяц — отдых!

— Правильно! — Ирина увидела в окно курьера из ресторана. — Ой, мясо Глебу принесли! Может, нам с вами тоже заказать что-нибудь вкусненькое и устроим небольшой праздник?!

— Давай, заказывай, а я ко врачу — заниматься благотворительностью так уж по полной!

И они устроили праздник! Праздник для желудка — вкусная еда и шутки!

А ночью... ночью они занялись любовью... нет, ночью они занялись сексом... потому что жарких ласк и откровенных признаний не было... почти!

— Ты хочешь секса — тогда подчиняйся! — ворчала Ирина, привязывая мужа к кровати (для этого пришлось попросить у медсестры несколько пачек широких бинтов). — Чтобы исключить всякие резкие движения, привяжу тебя к кровати под подмышки, за талию, колени, ноги к углам кровати и руки за голову...

— Ты думаешь в каком экзекутском положении у меня встанет?

— А куда он денется — заставим! — хитро улыбнулась Ирина. — Только ты расслабься и подчиняйся! Как ты мне говорил: «Расслабь горлышко, и губками плотнее обхватывай... Потерпи, моя конфетка», а теперь я хозяйка, а ты подчиняйся: «Закрой глазки, не рыпайся, погружайся в свои чувства и отдайся своим желаниям...»

Хоть Ирина и не умела делать эротический массаж, но успела одним глазком подсмотреть и почитать о нем в интернете... Ее любовь и нежная страсть к своему мужчине компенсировали ее неумение... Едва касаясь кожи любимого и будя чувственный вулкан в его теле от касаний, ее пальчики нежно гладили замирающего и трепещущего от ее прикосновений возлюбленного, постепенно утрачивая нежность, заменяя ее на ласковые поглаживания, а потом и на страстные пожимания, поигрывания, посасывания, пощипывания... страстная нежность истекала из ее рук, ласкающих и возбуждающих тело любовника, жаркие поцелуи (не только губ) всего тела и ритмичные движения рук и губ поднимали его желание и заставляли извергать из него горячую страсть к своей любимой женщине...

Заниматься полноценным сексом на высокой, узкой больничной кровати Ирина не решилась — экспериментировать в ее положении было не просто глупо, а просто опасно... подождут недельку... может она даже украдет мужа на ночьку домой... для стимула, и уже

там, на широкой кровати, они займутся любовью с ласками, поцелуями, с признаниями и чувственными стонами, получая удовольствия от близости и доставляя удовольствие любимому...

Эта идея — украсть мужа на одну ночь домой — очень понравилась Ирине, и она решила все, как следует обдумать и подготовить... она устроит ему «сексуальный сюрприз» с долгим продолжением...

Засыпали они вместе в обнимочку, Глеб гладил прильнувшую к его груди жену по волосам, на губах его блуждала чувственная, мечтательная улыбка... оказалось, что быть пассивной стороной любовного, долгожданного процесса близости очень и очень приятно...

31

Ирина

Но еще более «неприятная история» случилась через несколько дней...

— Я не смогла ей отказать... — очень осторожно вошла в кабинет секретарша и посмотрела на меня жалостливыми глазами. — Можно ей войти? Это та беременная с большим ребенком...

— Дина? — спросила и сердце сжалось — сразу вспомнила рассказ Глеба, как он переживал и чуть пьяным не поехал ко мне на машине — просто Бог спас — отцу вылет перекрыл, и тот вернулся. — Пусть заходит...

Ахнула, когда увидела Дину — худая, осунувшаяся, какая-то черная... А я ее хотела еще пообвинять в содеянном — похоже жизнь ее уже наказала... и жестоко.

— Ольга Владимировна принесите нам чаю и что-нибудь перекусить. Будете?

Дина кивнула, и уставилась на меня запавшими, трагичными глазами. Хотелось отстраниться и закрыться руками от ее беды!

Секретарша принесла на подносе чашки с чаем, бутерброды, пончики с повидлом. Я взяла чашку с чаем, а Дина набросилась на еду — похоже она дня два не ела...

Она съела все — три бутера и четыре пончика и очень удивилась, что еда кончилась, разочарованно посмотрела на тарелку и также разочарованно на меня.

— Еще? — все же спросила я, но она отрицательно мотнула головой.

— Он умер... — тихо сказала Дина и вздохнула. — Операция не помогла.

Сразу поняла о ком она говорит и почему не плачет — слез у нее уже не было.

— Мне жаль, — мне было, и правда, жаль... жаль, не смотря на то, что она пыталась сделать с моим мужем и со мной — если бы я получила эти фотографии, что было бы со мной и нашей семьей? — ребеночка не было бы точно! — И как же теперь?

Дина пожала плечами.

— Либо кесарить и вынимать девочку и трупик... семимесячную или ложиться на сохранение — дать девочке подрасти, развиться, надеясь, что трупик не начнет разлагаться, а мумифицируется...

— Звучит ужасно! — передернула плечами и инстинктивно положила руку на живот, чтобы защитить малыша от такого ужаса.

— А знать, что это происходит в твоём животе... еще ужаснее, — Дина замерла и с надеждой посмотрела на меня. — Что вы решите?

— Я???

— Все зависит от вас... Денег у меня нет — ни на то, ни на другое... Если кесарить, то девочку придется выхаживать — это затратно, а если лежать на сохранении, то еще больше денег: на меня, на анализы всякие, потом на кесарево и выхаживание... если она здоровая

будет...

— Как же так вышло это у вас? Двое детишек и такие болезненные... Не наблюдались вы что ли?

— Какие у нас наблюдения в деревне? У нас и медпункта нет — за десять километров в село надо идти.

— Дикость какая! — посидели, помолчали и не удержалась спросила: — Зачем же вы мужа моего так подставить захотели? Что я вам такого сделала?..

Но Дина не ответила, опустила голову.

— Это детки Глеба Ильича... Вернее, одна — девочка.

— Но вы же с ним не спали — я записи смотрела, — сказала, как можно мягче, но все равно получилось, что упрекнула... про записи соврала — записи так и не смотрела — Илья Семенович выгреб из сейфа Глеба все и флешку тоже.

Дина с вызовом посмотрела на меня.

— Это его детка — можете потом проверить. От вас зависит здоровье его дочери.

— Так вы с ним спали? — с болью прошептала и замерла, ожидая «приговора», слезы потекли по щекам, сама не ожидала от себя, но мой голос прозвучал с умоляющими нотками. — Просто ответьте... правду, пожалуйста... я вам все равно помогу.

Не глядя на меня, она отрицательно качнула головой.

Сразу ей поверила... наверно потому, что очень хотела услышать именно это.

— Тогда как же...

— Дочка — его!

— Ничего не понимаю!

— Правду я расскажу Глебу Ильичу — когда он сделает тест на отцовство, признает ребенка и будет платить алименты на ребенка!

— Не буду настаивать... и спасибо вам... — с трудом взяла себя в руки. — Выяснить будем потом, а сейчас решим вопрос с вашей дочкой... Что вы хотите сделать — вы же мама и знаете больше.

— Лучше лечь на сохранение... а там, как пойдет.

— Надо куда-то перевести деньги? Давайте документы... — что-то меня толкнуло в грудь и поинтересовалась: — А вы где остановились, если вы из деревни?

— В хостеле.

— В хостеле... Это где по десять коек в комнатухе?

— Восемь.

— Это радует, — хмыкнула я и поняла почему она так набросилась на еду. — Денег у вас нет!

— За койко-место заплатила последние...

Упрекнула себя, что еще в прошлый раз не поинтересовалась о деньгах — перевела на счет, а ей наличку не предложила — была зла на нее вот и не предложила! достала из кошелька всю наличку и протянула Дине.

— Берите. Могу предложить номер в гостинице или нашу с мамой квартиру... мама со Снежкой отдыхают на море...

— Снежка — это ваша дочка?

— Да Снежана.

— Красивое имя.

— Она зимой родилась... Снегопад был необыкновенно красивый — крупные, редкие

снежинки долго кружились в воздухе... пока шла к роддому я их на ладошки ловила, а Глеб, когда увидел дочку — беленькую-беленькую, засмеялся: «И я свою снежинку поймал!» — так и назвали Снежка.

— Я тоже красивое имя для дочки выберу... А можно я в вашей квартире поживу, пока все не оформим?

— Документы давайте, оплачу и поедем. Может, еще чай и перекусить?

Дина кивнула.

Пока Ольга Владимировна поила «просительницу» кофе и кормила всем что осталось, перевела нужную сумму на счет больницы... Как жалко больных детишек!

Неожиданно почувствовала себя «злой, расчетливой стервой» — захотелось предложить денег за ее тайну и узнать, наконец, правду! Денег у меня на карточке полно! Вопрос не давал покоя: как она смогла забеременеть, если не спала с Глебом?

Первое, что напрашивается — ЭКО, но это такая затратная тягомотина! гормональный уровень, заборы яйцеклеток, способные к оплодотворению сперматозоиды... и прочая волокита, да еще подсадки и выкидыши... В общем еще то удовольствие, и все это по документам и при наличии живого мужа — сперму то он должен сдать! Глеб бы эту процедуру точно не забыл бы! Это вам не одноразовый секс: «сунул-трахнул-вынул-забыл», это серьезная процедура.

А второе... постоянное сомнение до ее признания: либо секс был, и это ребенок Глеба, либо секса не было, и это ребенок не Глеба!

Она же утверждает: ребенок Глеба, но секса не было!

Как такое может быть?

На ум приходил только один вариант... секс был, но у Глеба с кем-то... с презиком, он его не в унитаз спустил, а бросил, горничная подобрала, поехала, сделала ЭКО, чтобы родить детей и получать всю жизнь содержание с богатого мужика! Ведь она сама сказала, что хочет получить с Глеба алименты на ребенка! Но это какие деньги надо заплатить за левое ЭКО!

К тому же Глеб не такой богатый, как его отец — легче его соблазнить... хотя нет — он любит грудастых и раскованных, а Дина далека от идеала хозяина, но презик со спермой его добыть горничной гораздо легче — он там живет и может даже водит девиц в отсутствии жены. А может это дети Ильи Семеновича — они же родственники?! И Дина могла не знать всех тонкостей с определением отцовства... Надо попросить его сдать тест-ДНК на родство с дочкой Дины, когда она родится, — если они родственники, тест это покажет, а потом уже Глеб сделает тест — не стоит его в больнице волновать.

Эта загадка не для моего ума! Но я знала кто поможет мне ее разгадать!

Ожидая подтверждения платежа, набрала нужный номер.

— Добрый вечер, Белла. У меня к вам очень срочное дело...

— Хотела выслать вам информацию по предыдущим документам по Дине Друбич...

— А нельзя ли продолжить... нужна более развернутая информация по этому делу.

— Понимаю... — догадалась детектив. — Вас интересует сама женщина и ее дети? Или медицинская информация по ней и детям?

— Вот-вот! Именно! И то и другое!

— Постараюсь нарыть что-нибудь интересное.

Может, я немного чокнутая, что помогаю женщине, забравшейся в кровать моего мужа и делающей с ним фотки, чтобы послать мне и утверждающей, что ее дети — дети Глеба,

но... никому не желаю попасть в такую страшную ситуацию... Жаль Дину! Жаль ее деток! А если каким-то чудом (не естественным путем разумеется!) окажется, что это детки Глеба?... Жаль их вдвойне!

Нет, я точно дура! Везу возможную любовницу мужа, обманщицу и подставщицу к себе на квартиру, даю деньги, оплачиваю лечение и еще и жалею их!

Все это я не стану скрывать от Глеба и сегодня же расскажу ему об этом!

Но попасть к Глебу в больницу я смогла только поздно ночью и поговорить нам не удалось...

32

Сначала они поехали в хостел за оставленными у администратора вещами Дины, потом на другой конец Москвы по пробкам к маме Ирины на квартиру. Ирина заказала продукты и хотела уехать, но Дина вцепилась в нее мертвой хваткой — боялась, что соседи вызовут полицию, увидев, как она завтра будет выходить или входить в чужую квартиру.

Вздыхая, Ирина пошла по соседкам — предупредила о дальней родственнице, на время поселившейся в их квартире. Привезли продукты, она забила холодильник — ешь, живи и радуйся! Но Дина, наоборот, разревелась, услышав, как Ирина с Глебом ворковали по телефону, обсуждая кем же станет их сынок — в футбол играть он будет точно! пинался по расписанию с перерывами на дневной сон! Успокаивала ее Ирина целый час...

Сев в машину, Ирина закрыла глаза, и сама не заметила, как задремала... последнее время усталость давала о себе знать, и она засыпала прямо на ходу.

Ей снилось море, яхта... они с Глебов плыли по морю, плавно покачивало...

— Приехали, Ирина Викторовна, — водитель-охранник осторожно тронул ее за плечо.

Открыв глаза, Ирина не сразу поняла, где находится, вышла из машины — особняк Левицких!

Как она сюда попала?

— Разве я просила меня сюда отвезти?

— Илья Семенович велел привезти вас, — оправдывается водитель. — Для серьезного разговора.

Вот что значит принимать помощь от «постороннего» человека, пусть даже родственника — ты совсем себе не хозяйка!

Ирина села в машину, уставилась на водителя.

— В госпиталь поехали или такси вызову!

Водитель стоял у машины, мялся — и его можно понять: зарплату то ему платит Левицкий! но и ее надо было предупредить, а не вести, как дрова...

Сев в машину, водитель завел мотор, нажал на пульт, ворота поехали в сторону...

Из дома широкими шагами быстро вышел Илья Семенович, встал перед машиной, руки в карманы брюк засунул, стоит, строго смотрит на невестку — прибить готов!

Она сидит!

Он стоит!

«— Детский сад штаны на лямках! — хмыкнула Ирина. — Как же ему хочется меня опять под плинтус загнать! Не выйдет!»

Вспомнив про флешку с записью Дины и Инессы Сергеевны, она вышла из машины.

Свекор, не оборачиваясь, пошел в дом. Ирина за ним. Вошла и сразу на второй этаж поднялась...

— Мне нужна флешка Глеба с записью из вашего дома... когда он ночевать домой не

приехал.

Илья Семенович шел за невесткой, смотрел ей в спину — вот-вот дырку просверлит недовольным взглядом...

Ирина остановилась у двери кабинета.

Свекор открыл дверь, пропустил невестку в кабине, но сейф не открыл, уселся в кресло.

— Расскажи, моя дорогая, куда это ты денежки мужа тратишь? — спросил Илья Степанович, едва сдерживаясь, чтобы не наорать на «транжиру» семейного бюджета.

— Мужу отвечу!

— Деньги надо тратить с умом и пользой, чтобы прибыль приносили или выгоду! А какая выгода от этой прощмандовки?

Ирина посмотрела на свекра и нахмурилась — последнее время в выражениях он не стеснялся, что говорило о его крайнем волнении.

— У нее детки больные! Кто-то должен ей помочь! К тому же она говорит, что это дети Глеба... хотя я в это не верю.

— А хоть бы и так?! Тебе какое до них дело?! Ты своего сына должна беречь, оберегать от всяких волнений и неприятностей!

— Как это «хоть бы и так»? — неприятно удивилась Ирина — сомнения в верности муже снова закрались в душу. — Это что, правда, дети Глеба? Но она сказала, что не спала с ним! Я с вами сума сойду!

— Вот этого делать не надо! Успокойся! А на счет детей я сказал образно — о своем сыне в первую очередь надо думать, а не о каких-то чужих детях!

— Подождите... Если, образно предположить... что это были бы дети Глеба от этой женщины, вам было бы все равно, что они болеют? Но это же могли бы быть ваши внуки!.. Хотя я не понимаю, как такое возможно... Что вы знаете? Скажите мне правду!

— Ничего я не знаю! — холодно произнес отец Глеба и затарабанил пальцами по ручку кресла — это уже показатель крайнего волнения. — Пойми ты, наконец, что только твоих детей я считаю своими внуками! Вот об этом нам надо серьезно поговорить... А на детей этой женщины мне... все равно! Она свои денежки получила за подставу Глеба — теперь пусть выкручивается сама и сама же расплачивается за свою подлость!

— Но... да... она раскаивается... наверно.

— Вот то-то и оно, что «наверно»! Она семью нашу хотела разрушить, а ты ее привечаешь, больницы оплачиваешь, в дом к себе тащишь! Это разве нормально? Ириш, так нельзя!

Ирина вздохнула — со стороны это действительно казалось... неправильным и сумасбродным.

— Глеб ее детке тоже лечение оплатил.

— Ну, и дурак! Не надо было ее на порог пускать — кто все эту аферу задумал, тот пусть и платит за результат!

Ирина потрясла головой — ничего не понятно — весь разговор имеет какой-то скрытый подтекст, словно разговаривают они со свекром об одном и том же, но на разных языках.

— Глеб не дурак! Он молодец! Старается помочь...

— Помочь?! И Верке тоже! Наобещал еще одной прощмандовке золотые горы и что в ответ получил?

Возразить Ирине на это было нечего: его помощь обходилась ему же боком — Вера наврала про их отношения, она его приревновала, друг заказал.

— Дайте, мне флешку, и я пойду.

— У меня оставайся! Мне надо с тобой серьезно поговорить! Я Глеба предупредил...

Напою тебя чаем...

— Нет! Я не хочу оставаться с... здесь, а поеду к мужу!

Неподчинение Илье Семеновичу не понравилось.

— Это вред ли... я водителя отпустил.

Ни слова не говоря, Ирина развернулась и вышла из кабинета, спустилась в холл, подошла к двери, подергала за ручку — дверь была закрыта.

Повернулась и крикнула в лестничный пролет:

— Мне полицию или охрану вызвать?

Через несколько минут отец Глеба спустился в холл.

— Мне надо с тобой поговорить... серьезно! Разговор долгий — поэтому останься...

— Я устала и хочу к мужу!

— Ладно... — он протянул Ирине флешку и открыл входную дверь, — завтра поговорим. Успокойся, и не пори горячку — водитель тебя отвезет!

Не прощаясь, Ирина вышла из особняка, пообещав себе сюда больше не приезжать — надо же! силой хотел удержать! Что на него нашло? Ну, уж нет!

В госпиталь она приехала около одиннадцати, уставшая, голодная, обиженная!

Ее пропустили.

Войдя в темную палату, Ирина остановилась, давая глазам привыкнуть к темноте.

— Если ты скажешь, что мы сейчас будем заниматься сексом — я тебя убью! — тихо произнесла Ирина, боясь разбудить спящего мужа, но услышала смех Глеба и включила свет.

Лампы осветили палату, и Ирина ахнула!

Вместо ее больничной кровати стоял разложенный вперед широкий диван, застеленный алым, шелковым бельем с горой подушек и огромным одеялом, с одной стороны дивана в вазе стоял букет белых роз!

— Это сказка? Мне не снится этот букетище? — восторженно вопрошала Ирина, с обожанием глядя на лежащего на диване довольно улыбающегося мужа. — Ты волшебник! Я мечтала о нормальной кровати всю дорогу сюда!

— Иди ко мне, моя «конфетка»! — откинув одеяло, пригласил Глеб. — Хотя мне сняли гипс с руки, и я собирался это отметить, но обещаю к тебе не приставать... но только сегодня!

Выключив свет и сбросив одежду, Ирина нырнула голенькой под одеялко к мужу, прижалась к нему, обняла, поцеловала в плечо.

— Я так рада, что ты поправляешься... Мой любимый, сероглазый лев! — прошептала она и тут же уснула.

Она не слышала, что Глеб шептал ей в ответ, глядя ее по спинке, но она была счастлива рядом с любимым, держать его в объятиях, засыпать и просыпаться вместе с ним...

Но среди ночи она проснулась от выразительных вздохов, сладких поцелуев и нежного поглаживания своего тела... тело даже во сне реагировало на его ласки, откликалось, наполнялось желанием... Это была их первая ночь «вместе» и оба хотели заняться полноценным сексом, а не эротическим массажем с продолжением... Не открывая глаз, она обняла его, одобряюще погладила по спине, потянула на себя... и он довольно улыбнулся осуществлению своих «коварных замыслов», послушно повернулся, навис над ней на руках, жарко целуя ее в губы... она раздвинула ноги, приглашая его в себя, и он не заставил себя

ждать: вошел, осторожно задвигался в ней, постанывая от удовольствия... она выгнулась, принимая его в себя, застонала от забытых ощущений, крепче обхватила его руками, впиалась губами в его плечо, оставляя на коже след своей страсти... принаравливаясь к его осторожным движениям, она недовольно заворчала, сжалась и стала подаваться ему навстречу, принимая его в себя глубже, «терзая» его своим сжатием и заставляя терять голову от сладостных ощущений... он зарычал, убыстряя темп, стал поддавать бедрами резче, входит глубже, она схватила его за задницу, ощущая под руками тугое сжатие мышц, стала подталкивать его в себя и не успокоилась пока не почувствовала его извержение и наполнение себя доказательством его страсти, и только с его последними движениями в ней, она позволила себе расслабиться, отдаться своим ощущениям и подняться вместе с ним на волну наслаждения...

Минута блаженства и чувственного «расслабона», никаких мыслей в голове, покой и умиротворение в телах...

— Ты что творишь?.. — расслабленно попытался он поругать ее за несоблюдение «осторожненького» секса.

— Соскучилась... — попыталась она оправдаться, но, «отбросив в сторону» все объяснения, положила руку ему на грудь и стала опускать ее ниже, ниже... — Хочу тебя! — жарко зашептала она, взявшись рукой за «источник удовольствия». — Ещё...

— Принимай! Я готов... — довольно усмехнулся он своей горячей любовнице, нависая над ней. — Только теперь осторожненько...

— Как пойдет!

И она призывно раздвинула ноги, принимая в себя своего ненасытного мужчину...

33

С первых дней «возвращения» в его больничную жизнь телефона, Глеб начал включаться в «рабочий процесс»: сначала он лишь отвечал на звонки жены (или звонил ей сам), друзей, знакомых, бывших и потенциальных заказчиков — многие хотели его поддержать, выразить свою поддержку, узнав о том, что с ним случилось, потом стал звонить по работе, понемногу входя в курс дела. А когда «тунеядничать» стало невмоготу, вытребовал у Ирины комп и просматривал договора, обсуждал спорные вопросы с юристами по скайпу — его больничная палата превратилась в подобие офиса, ночью превращаясь в спальню для любовников.

За несколько дней пассивная роль в сексе ему порядком надоела, но он смирился — Ирина сразу дала ему понять — или он ей подчиняется, «не двигается» и помнит, что она беременна и близость должна быть «нежной и осторожной» или... никакого секса до выписки! Что оставалось делать Глебу, и он смирился, но зато секс был ежедневным, сопровождался «легким» эротическим массажем, к которому он быстро привык и расслаблялся значительно больше, чем во время «осторожного» секса (все время приходилось помнить, что она беременна и осторожничать), хотя она сама иногда нарушала свой собственный «запрет» и оба наслаждались полноценным сексом, которого было мало-мало и не хватало обоим.

Ирина выполнила свой «сюрприз» и в пятницу вечером, с разрешения врача, «украла» мужа из больницы... (на две ночи и субботу — до воскресенья) хоть они и провели большую часть времени в кровати, воздух родного дома бодрил и вселял надежду на скорейшее возвращение сюда (даже не смотря на неудобство передвижения — на костылях!).

Проснувшись поздно, почти весь день они провели на улице — солнышко светило и

грело, как на заказ, и они загорали, качались на качелях, и даже устроили дневной пикник (правда, без шашлыка — долго стоять на костылях у мангала и возиться с мясом Ирина мужу в этот раз не разрешила) с отваренными куриными крылышками и обжаренными на углях. Глеб сначала разочаровался — хотелось мяса, но потом догадался, что жена бережет его силы для ночи и, пообещав после выписки угостить ее «вкусно-помрачительным» шашлыком, успокоился. К тому же целый день на воздухе (с перерывами на отдых) ни в какое сравнение не шел с ежедневными прогулками по территории на коляске и к вечеру, передвигаясь на костылях, он порядком подустал... Проведя любвеобильную и откровенно-разговорную ночь и проснувшись только к обеду, они нехотя вернулись в госпиталь...

В такой рабоче-домашней обстановке время пролетело быстро и после снятия гипса и полного обследования, они наконец-то возвращались домой...

34. Август. Пять месяцев беременности

Теперь Глеб шел к дому на «своих двоих» и как хозяин (а не гость на денек), но с палочкой, обнимая жену за плечи, она придерживала его за талию, приноравливаясь к его шагам.

— Дом, милый дом! — произнес Глеб и Ирине показалось что он расчувствовался. — Ириш, если я когда-нибудь соберусь покупать что-то грандиозное... напомни мне о сегодняшнем дне!

— Хорошо. Ты рад что мы дома?

— Не то слово! Мне часто снилось, что мы все вместе идем по дорожке к дому... но это казалось несбыточной мечтой.

— Даже не упоминай об этом! Мы дома! А скоро поедим за Снежкой, отдохнем и все вместе вернемся домой, как ты мечтал.

Глеб остановился, повернулся к жене, посмотрел ей в глаза.

— Спасибо тебе, родная, что вытщила меня, дала мне силы восстановиться.

— Глеб, не благодари! Разве ты поступил бы по отношению ко мне как-то иначе?

— Нет, родная! Я сделал бы все, чтобы ты вернулась ко мне!

— Тогда, открывай двери, хозяин! — и Ирина протянула мужу ключи от коттеджа.

Через три дня они улетели в Испанию, в Картахену...

Но в эти три дня, как и предполагала Ирина, Глеб поспешил выйти на работу, и ей с большим трудом удалось уложить его на диван в кабинете (чтобы не нагружать сразу больную ногу), а потом и вовсе увезти домой, где он продолжил работать — проверять и разбираться, что и все ли было сделано для спасения его компании.

Зато ночью Глеб не вылезал из кровати и не выпускал жену: ласкал, нацеловывал, нашептывал признания, снова и снова занимался с ней любовью... «осторожненько и нежненько», пытаясь ей (и себе в первую очередь) «компенсировать упущенные» удовольствия... иногда устало откидываясь на кровать и требуя «восстановление сил» эротическим массажем, после «обильного завершения» которого он расслабленно засыпал, прижимая к своему боку уставшую, заботливую «гейшу».

Они улетели отдохнуть, но даже и там Глеб старался держать под контролем свою компанию: командовал, распекал и даже покрикивал, выделяя по несколько часов утром и днем. Исключение составляли выходные, когда он полностью посвящал себя семье: они загорали, купались, плавали на яхте... (хотя вечером он все же умудрялся открывать комп, пока Ирина не утягивала его в кровать, соблазняя эротическим массажем, отказаться от которого у Глеба не было сил... да и желания тоже).

Три недели пролетели в «сказочном расслабоне», по словам Сашка, а потом Ирина стала получать тревожные сообщения от Дианы: сначала она паниковала по поводу мумифицированного ребенка, потом о своем самочувствии, и наконец, заявила, что еще месяц всего этого ужаса не выдержит, что врачи, видя ее нервное состояние, предложили сделать кесарево и «родоразрешить» ее на тридцать четвертой неделе. От Ирины требовалась оплатить дополнительные расходы. Она оплатила, хотя на карте осталось совсем немного денег — двадцать два миллиона она вернула Глебу, ибо ему предстояли большие официальные расходы и возвраты долгов, хотя он и пытался выкрутиться без этих денег (но для возможных судов расчеты должны были проходить перечислением денег, официально подтвержденных — нал, выведенный из-под налогов, даже не рассматривался). Радужное настроения семейного отдыха было подпорчено, потому что Ирина скрывала от Глеба всю эту историю, не желая волновать его, а по большей части напоминать о неприятном инциденте и сомневаться, и выяснять о своем отцовстве — вот родиться ребенок, сделают тест, и все сразу встанет на свои места!

Ирина не сомневалась, что ребенок Дины не ребенок Глеба!

А еще через несколько дней Дина прислала совсем уж паническое сообщение: «Прокесарили! Ребенок болен! Нужны огромные деньги на лечение! Я больше не могу! Если он вам нужен, забирайте его себе — я от нее отказываюсь». Что было делать Ирине?

«— Отец Глеба прав! — глядя животик, в тихой панике расхаживая по мраморным полам виллы, думала она, не замечая встревоженные взгляды матери. — Не делай добра, не получишь отечку! Что все это значит? Ребенок, что игрушка? «Она мне не нужна — забирайте ее себе!» А мне она нужна? И почему я должна ее забирать? Это ее ребенок! Спокойно!.. Через три месяца мне рожать, а тут такие проблемы! Проблемы и выяснения! А если эта девочка окажется дочерью Глеба?! Тогда что делать? Опять начну сомневаться: изменил — не изменил...». Нет, такая нервотрепка мне точно не нужна! Мне, в первую очередь, надо беречь своего сына! Прав Илья Семенович — зря я во все это ввязалась! А я дурочка его не послушалась!

— Илья почти всегда прав!

Услышав голос Тамары Леонидовны, Ирина вздрогнула и обернулась — в кресле сидела мать и нервно теребила оставленную игрушку Снежки.

— Ты о чем?

— О твоих последних словах.

Ирина и не заметила, что последние фразы своих раздумий произнесла вслух.

— Я просто...

— Да нет, милая, в жизни все сложно! Если бы ты хотя бы прислушивалась к словам взрослых — все было бы на много проще.

— Ты о чем?

— Илья несколько раз просил тебя поговорить с ним серьезно — ты отказалась! Просил не лезть в дела, которые тебя не касаются — ты влезашь! Просил не тратить семейные деньги на посторонних людей — ты тратишь! Просил тебя беречь своего сына и не подвергать его стрессам — ты не слушаешь! Вот и получила...

— Откуда ты все знаешь?

— Илья звонил и жаловался на тебя! — Тамара Леонидовна недовольно посмотрела на дочь — когда она перестанет за нее волноваться?! — Давай, рассказывай, что у тебя там произошло — будем вместе думать, как выпутаться из свалившихся на тебя проблем!

Повздыхав, Ирина рассказала матери все, что знала... с кем еще поделиться, если не с самым близким и родным человеком.

Та сидела на стуле, вцепившись в плюшевую игрушку и изредка качая головой.

— Почему ты не выслушала Илью?

— Потому... потому, что последнее время я его терпеть не могу! Он меня бесит своим снобизмом, жесткостью и уверенностью, что он все контролирует и все ему должны подчиняться! Щас! Я не собираюсь жить по его указке и делать так, как он хочет!

— Понятно, подростковый бунт! По-моему, ты выросла из этого возраста, хотя в пятнадцать ты плавно перескочила этот период! А чем конкретно он тебя обидел?

Ирина немного помолчала, вспоминая их разговор.

— Он плюнул мне в душу, сказав, что я тощая, зажатая, никому не интересная баба... и смел подумать, что я хочу затащить его в кровать и сделать своим любовником! Представляешь?! И после этого он хочет со мной «серьезно поговорить»!

— Да-а-а... Илья никогда не умел шутить...

— Ничего себе шутки! Ну, я ему и врезала...

— Ты ударила своего... — Тамара Леонидовна замерла на несколько секунд и вдруг довольно расхохоталась. — А ты знаешь, мне всегда хотелось дать ему по физиономии! Чтобы он растерял свою уверенность, что он в праве всех судить и мерить своим аршином. Молодец дочь! Хвалю за смелость! Пусть знает, что ты унаследовала характер своего отца и умеешь за себя постоять, а то Илья вечно ворчит, что ты мягкотелая, беспечная и пошла в меня.

— Раньше ты свекра Ильей не называла.

— Называла... иногда. Но в этой ситуации тебе без его помощи не обойтись!

— Я не стану у него ничего просить!

— Просить и не надо! — поднимаясь с кресла, Тамара Леонидовна вновь улыбнулась. — Ты требуй и обвиняй, как всегда, делает он!

Ирина удивленно вскинула брови.

— Да, да! Требуй и обвиняй! Все забыли кто придумал всю эту аферу — его жена! Он отвечает за ее действия — вот пусть и расхлебывает ее подлость! Собственного сына не пожалела, чтобы тебе насолить! Какая она мать — она ехидна!

— Ты чего так разошлась?

— Да достала она меня! Ненавижу!

Такой рассерженной Ирина мать свою еще никогда не видела и заволновалась — ссориться с семьей мужа не хотелось.

— Все, мамуль, успокойся!

— С чего это мне успокаиваться? Они все твердили, что ты их сыночку не пара, а оно вон как оборачивается — это он на стороне детей прижил! Изменял тебе «направо и налево», а все должны разгрести последствия его загулов... Яблочко от яблоньки недалеко падает!

— Мам! Остановись! Может, Глеб не виноват, может это не его дети! Он мне не изменяет — я чувствую, что он меня любит!

— Ну, может и не виноват, — как-то сразу успокоилась Тамара Леонидовна, вспомнив о своем. — Вот пусть он сам и его папаша во всем этом, как всегда, и разбираются, если хотят здорового сына и внука получить! А ты не лезь!

Сжав кулаки, Тамара Леонидовна решительно направилась в свою комнату и, плотно

прикрыв дверь, долго на повышенных тонах (и даже покрикивала!) выясняла с кем-то отношения, а когда вышла глаза у нее горели, щеки пылали, губы обиженно поджимались.

— Я ему покажу, как дочь мою обижать — значит, худая, зажатая, неинтересная! Наплюй на его мнение, дочь! Ты у меня лучшая — стройная, душевная, сильная и красивая! А уж муж то тебя как любит — пылинки сдувает! — и посмотрев на дочь продолжила. — На завтра Илья тебе и Сашку оплатил билеты — пусть Саша летит с тобой и, если будет нужно, тебя подстрахует — ему я доверяю. Илья встретит тебя в аэропорту и со всем разберется! А будет фордыбачиться — скажи ему: «Ты мне должен!». И пусть попробует не исполнить хоть одно твое желание — я его в порошок сотру и к внуку близко не подпущу! Так ему и передай!

— Какая ты грозная!

— С мужиками так и надо: чем к ним лучше — тем они к тебе хуже! Поздно я это поняла, дочь, но ты это запомни: нельзя им сразу прощать их грешки — пусть помучаются, пусть пострадают, подобиваются прощения и оценят твою любовь! а не воспринимают твое прощение, как должное... С Ильей только так и надо поступать — требуй и обвиняй!

Ирина это запомнила.

Узнав, что жена собралась улететь, Глеб засобирился с ней в Москву — работа не ждет! но Ирина (в кроватке после эротического массажа-расслабончика) быстро уговорила его остаться на несколько дней (рассчитывая за это время разрулить ситуацию), ссылаясь на то, что за оставшимися «женщинами» нужен присмотр. Глеб нехотя согласился...

И Ирина улетела одна (в сопровождении Саши... с чайной ложечкой в пакетике, которой Глеб ел джем — сунула ее с сумку впопыхах и забыла о ней), с тревогой поглядывая на провожающего, держащего ее за руку, мужа — это ее он «слушался», выполнял и соблюдал, а без нее... Она стала замечать, что после тюрьмы и больницы характер у него изменился — он стал жестче, требовательнее, менее чувствительным и менее общительным с посторонними, ее же с дочкой он баловал, окружал заботой (иногда даже излишней — за пределы виллы выходить только в сопровождении мужчины и не «болтать» с местными! хотя Снежка — сероглазая блондинка (единственная среди черноволосых ребятишек) за это время стала любимицей местных мужчин, «болтая» с ними по-испански и принимая угощения и «подарочки», склоняя кудрявую головку и делая книксен) — похоже, он ревновал свою семью к любому, кто на них посмотрит, а уж тем более заговорит. Идя по улице, Глеб брал жену за руку, а Снежку на руки, не давая той возможности подойти к местным. Сначала Ирину это забавляло, а потом стало настораживать — он не просто оберегал семью, а ревновал до скрипа зубов и сжатых кулаков, как будто кто-то пытался отнять их у него. Она пообещала себе поговорить с ним об этом, если по возвращении его «ревностно-эгоистичное» отношение к семье не изменится.

35

Конечно, сам Илья Семенович в аэропорт не приехал — прислал водителя, и Ирина слегка обиделась — показывает характер! Ну, что ж — война, так война!

— Ирина Викторовна, — наученный горьким опытом, водитель-охранник сразу «доложил» о предполагаемом маршруте. — Илья Семенович на фирме Глеба Ильича вас ждет. Мы на фирму?

— Нет, — из вредности не поехала Ирина в офис мужа. — В научный центр акушерства и гинекологии надо узнать об одной пациентке.

Такой пациентки в роддоме центра не оказалось, вернее, она была, но вчера

выписалась... вернее, сбежала. Ограждая Ирину от ненужных волнений, Саша взял на себя все разговоры и выяснения, и Ирина беседовала лишь с главврачом, отказавшись посмотреть на ребенка: мамаша сбежала, ребенок остался в подвешенном состоянии, и врачи не знали, что делать.

— Лечение я оплачу! — пообещала Ирина, хотя сумма была приличная — почти миллион рублей: операция плюс выхаживание и дорогостоящие лекарства и это только на первое время. — Постараюсь найти мать и решить все вопросы. Главное, сейчас сделать тест на отцовство, от которого будет зависеть дальнейшие действия...

Получив все нужные реквизиты, Ирина поехала в особняк Левицких — где она еще может взять деньги, если не из сейфа (откуда ты берешь деньги? из тумбочки!) — налички там до фига! И часть Глеба.

— Предупредите Илью Семеновича, что мы едем к нему домой — пусть подъезжает, а я пока посплю...

Попросила Ирина Сашу и сделала вид, что задремала, не желая разговаривать со свекром по телефону, и стала обдумывать, как бы половчее и побольше выманить денег у «сторожа», надеясь, что, когда Глеб вернется она поговорит с ним и все уладит — наличку тоже надо куда-то тратить.

Расхаживая по гостиной, хозяин в нетерпении посматривал на дверь.

Когда Ирина с Сашкой вошли в дом, он взял ее под локоток и повел на второй этаж в кабинет, бросив охраннику «Останься», усадил в кресло и, встав напротив, с пафосом произнес:

— А я тебя предупреждал, чтобы ты заботилась в первую очередь о себе и сыне! Не послушалась! Получила?

— Получила, — покладисто согласилась Ирина, — но я не жалею, что помогла Дининым деткам.

— Ну, ну — посмотрим, как ты теперь будешь выкручиваться! Тебе же опять нужны деньги! И, как я понимаю, опять не для себя!

— Да! У вас же есть наличка Глеба — я хочу взять из нее миллион и оплатить операцию ребенку.

— Это деньги Глеба и дать тебе их без его разрешения я не могу!

— Я имею право на половину имущества — значит, половина этих денег мои.

— При разводе и дележе имущества! Вы разве с Глебом разводитесь?

Ирина задумалась...

«— Похоже, он очень недоволен разговором с мамой... Она вроде даже кричала на него! Вот и отыгрывается на мне!»

На его «дурацкий» вопрос она отвечать не стала.

— Я так понимаю, что вы не собираетесь помочь мне оплатить операцию ребенку.

— Нет.

— И денег не дадите?

— Нет.

— И в долг тоже не дадите?

— Нет.

— Хорошо, оплачу со счета фирмы, а потом погашу из своей зарплаты.

— Не получится — с сегодняшнего дня действительна только подпись Глеба, твоя нет.

— Ну, что ж... придется заложить свои колечки, гарнитур с брюликами...

— Не получится! Все твои драгоценности у меня в сейфе.

— Требовать у вас их возврата...

— Бесполезно! Только с разрешения Глеба!

Ирина почувствовала, что ее опять загоняют под плинтус и причем жестко и показательно, как нашкодившего котенка, тыкают моськой в наделанную лужу и шлепают по заднице — знай свое место, жэнщина! Она стала прикидывать, где она может взять такие деньги... и выходило, что НИГДЕ! Наличка — у мужа, деньги — у мужа, даже своим драгоценностям она не хозяйка — муж может потребовать отчета! На счету у нее почти — ноль! И что делать? В этом мужском мире бизнеса и денег женщина совсем бесправна и зависит от мужчины, если сама не работает... Она ведь уже думала о своем личном счете «на черный день», которым она сама будет распоряжаться по-своему усмотрению, но вот с этой болезнью мужа и беременностью обо всем забыла. Забыла и получила то, что имеет!

Она стала думать, где взять денег...

«— У мамы немного есть сбережений, зарплату попрошу перечислить и премию какую-нибудь начислить, можно продать вещи: свои и Снежкины, часы, телефон, комп... только вряд ли на нужную сумму наскребется, в конце концов, можно сдать нашу с мамой квартиру — сразу на год... а она будет жить у нас. Операцию оплатим, а дальше будем опять наскребать... Нет, так не пойдет — придется просить Глеба перевести мне деньги, не говоря об их истинном назначении... если у него они еще остались. Но так не хочется впутывать его в эту историю, пока точно не узнаю: это ребенок Глеба или нет? Если «нет» — со спокойным сердцем буду помогать, а если «да»... тогда (мама права!) пусть сам разбирается со своим ребенком, со своими любовницами... и со всеми вытекающими из его измен проблемами...»

Голова закружилась, сердце сжалось, но Ирина сумела взять себя в руки и загнать подступившие к глазам слезы обратно... только в уголках глаз появились слезинки...

Увидев ее переживания, Илья Семенович понял, что переборщил — волновать беременную нельзя, а он хотел, чтобы она просто честно призналась, что неправильно поступила, не послушав его, и попросила помочь, и чтобы между ними вновь стали прежние родственные отношения, и тогда он ей поможет! Подумаешь какой-то миллион! Он даст ей два, три, десять! Разве в деньгах дело? Нет, он хотел, чтобы она от него зависела... еще больше, чем раньше.

— В больнице лежит девочка... Не могли бы вы сдать генетический материал для установления родственных связей с ней?

— Так вот почему ты ничего Глебке не говоришь и денег у него не просишь на операцию этой девчонке — первой хочешь узнать: изменял тебе муж или нет! Что же ты мужу своему так не доверяешь?

— Похоже, даже слишком доверяла... Семейная жизнь, как минное поле — не знаешь в какое дерьмо вляпаешься со следующим шагом и когда подорвешься на mine, разрушающей твою жизнь! А Глеб... слишком красив и эгоистичен, слишком независим и избалован вашими деньгами и женским вниманием... это не способствует доверию жены. К тому же — «Яблочко от яблоньки недалеко падает!» — вспомнив слова матери, философски изрекла Ирина и поднялась с кресла. — Просто облизите ложечку, а я сама отвезу ее в больницу.

— Ложечку... — в раздумье повторил Илья Семенович, глядя на кофейную чашечку с кофейной ложечкой, стоящую на письменном столе. — Боюсь тебе это не поможет... узнать правду! Я предлагал тебе поговорить серьезно, но ты не захотела, а вот теперь пожинай

плоды своего негативного отношения ко мне. Не будет никакого результата по этому тесту...

— Почему?

— Раз ты хочешь узнать: отец Глеб или не отец — надо было у него брать генетический материал.

— Я хотела проверить сначала на родственные связи...

— Запомни, самая сомнительная родственная связь с ребенком — это отец! — Илья Семенович подошел к столу, взял кофейную ложечку, сунул себе в рот, достал из ящика файл и, вынув ложечку изо рта, сунул ее в файл. — Вот тебе еще одна семейная тайна — разгадывай!

Отдав файл Ирине, он выжидательно посмотрел на нее — надеялся, что она все-таки попросит денег... и он даст! Прочитает нотацию и даст!

Но Ирина не захотела унижаться и выпрашивать их же с Глебом деньги! Не захотела и «требовать и обвинять», а тем более угрожать — она что-нибудь придумает и найдет нужную сумму... Она развернулась и медленно пошла к выходу, придерживая рукой животик, осторожно стала спускаться по ступенькам, неся в руках файл с кофейной ложечкой.

Глядя на озабоченную «подругу», Саша сразу понял, что денег она не получила — вот тебе и богачи! У них вместо сердца что, сейф, набитый деньгами?

— Ирину, не переживай! Найдем мы деньги! — обнадежил Саша и, увидев спускающегося по лестнице хозяина особняка, уже другим тоном спросил: — Домой, Ирина Викторовна?

— Нет, в центр акушерства делать тест.

— Лучше дождись Глеба и сразу сделайте тест на отцовство!

Но Ирина даже не ответила, сунув файл с кофейной ложечкой в сумку и взяв Александра под руку — ее что-то пошатывало от усталости и переживаний, пошла к двери, но на пороге замерла... Ее осенило! Обернулась и вместо прощания спросила:

— Илья Семенович, а напомните, ка, мне сколько стоит ваша... вернее, моя яхта?

Брови мужчины сначала нахмурились, потом взлетели вверх, а потом он рассмеялся, искренне, от души.

— Твоя взяла! — вытирая глаза, от выступивших от смеха слез, произнес он, доставая из карманов по запечатанной пачке денег. — Держи свой миллиончик!

Он сунул Ирине в руки деньги и попросил:

— Только не продавай за миллион мою любимую яхточку!

Ирина кивнула, улыбнулась шутке — оказывается, шутки у него могут быть вполне нормальными, и они с водителем-телохранителем вышли из дома.

36

Как только они отъехали от особняка Левицких, Ирина сразу задумалась о словах свекра: «Запомни, самая сомнительная родственная связь с ребенком — это отец!»...

«— С чего это он выдает такие перлы? — подумала она. — Сомневается, что Глеб его сын? Да, они не похожи... совсем, но и с Инессой Глеб не похож... совсем. Странно, почему я только сейчас обратила на это внимание? Потому что он сам обратил на это мое внимание и сказал: «Вот тебе еще одна семейная тайна — разгадывай!» Попробую разгадать... Раз связь отец-сын сомнительна, хорошо бы найти другого родственника... И кто у нас родственник?... Снежка!»

— Заедем ко мне домой на минуточку, — попросила Ирина водителя, вспоминая

пшкатулочку, где лежит бирочки с ножки и ручки Снежки и ее первые волосики.

В центре гинекологии и акушерства встретили Ирину с большой озабоченностью — сердечко девочки работало на пределе и надо было срочно делать операцию. Она оплатила и операцию, и реабилитацию, и тест на родство, отдав для экспертизы часть волосиков Снежки и чайную ложечку в пакетике со слюной свекра и попросив медсестру срезать волосики у дочки Дины.

Поиски самой Дины пока не дали результатов: детективам удалось отследить ее передвижение по камерам до вокзала, она села в электричку, а дальше ее след терялся — куда и к кому она могла поехать так и не выяснили.

Зато предварительный тест ДНК Ирину шокировал: образец № 1 и № 2 — предположительно являются родственниками! Образец № 3 предположительно является родственником образцу № 1!

— Как такое может быть? — риторически вопрошала Ирина, размахивая результатами теста в коридоре центра. — Раз девочки (№ 1 — Снежка и № 2 — дочка Дины) родственницы — значит, отец — Глеб! Но тогда образец № 3 — отец Глеба, должен являться родственником обеим девочкам, а он родственник только одной! А если Илья Семенович не отец Глеба, то не должен являться родственником ни одной из девочек! Так и не найдя разумного решения, Ирина решила, что это ошибка и перестала об этом думать — дождется официального результата теста и все узнает.

Несколько дней она посвятила работе, а потом ей позвонила Лена — жена Стаса Липатова и попросила приехать, скинув адрес. И Ирина поехала.

Старая девятиэтажка в спальном районе... небольшая трешка, а Ирина помнила огромную четырехшку в новом доме — они с Глебом приезжали на новоселье к друзьям.

Они с Сашей вошли в прихожую и в прихожей сразу стало тесно.

— Не снимайте обувь... — как-то безрадостно предупредила хозяйка, не глядя на гостей. — Пойдем на кухню, Ир, посекретничаем, а вы проходите в гостиную.

Маленькая кухня, стол, накрытый клеёнкой...

Ира присела на табуретку, не ожидая ничего хорошего.

— Она вот-вот родит... — без предисловий начала Лена, и Ирина сразу поняла о ком речь. — Позвонила Стасу и предупредила, что, если я не заберу ребенка она оставит его в роддоме... И чего делать?

— Глеб отказался давать ей деньги, вот она и нашла выход, куда пристроить ненужного ребенка, — пояснила Ирина.

— Стас умоляет взять сына... Только куда? Новую квартиру пришлось продать — ипотеку я одна не потяну, съехались с родителями — друг у друга на головах сидим! Куда мне еще один ребенок?! тем более от любовницы! Смотреть на ребенка и вспоминать, что его мать виновница наших бед! А потом... я со Стасом разводиться надумала! На такое пошел...

— Если честно, от Стаса я такого не ожидала — Глеба заказать!

— Я уверена, что его эта шлюха надоумила! Ты же помнишь, как он квартире радовался, как Глеба благодарил за первый взнос! Как с этой девкой связался, его словно подменили — на меня не смотрит, орет, дети не нужны, домой по ночам не приходит... Все ждала, что одумается — двое детей все-таки, а надо было сразу разводиться!

— Чего эти шлюшки в семьи лезут! Детей сиротят! Как только совести хватает?! Выходи замуж за сверстника и помогай ему богатым стать — им же надо все и сразу! А эти

козлы бросаются на «молодое тело», не понимая, что этим телкам нужны лишь их деньги! А они семьи рушат, жен предают, детей бросают ради своей похоти...

— У тебя тоже не все хорошо?! — посочувствовала Лена. — Глебу здорово досталась.

— Да... врачи гарантий не давали, но вроде обошлось, на работу рвется.

— Ир, вы меня простите...

— Ты то здесь причем!

— Может, если бы я сразу на развод подала, то Стас бы одумался, бросил бы эту...

— Вряд ли... Мужики думают другим местом, похоть свою удовлетворяя, а в том месте мозгов нет. Прежде, чем что-то решать хорошо бы установить отцовство Стаса, а потом уже умолять тебя взять ребенка. Ты сможешь его пятнадцать лет тянуть на пособия?

— Даже не представляю себе такое!

— У Стаса есть мать и отец, пусть установят родство и забирают внука.

— Он надеется освободиться досрочно и вернуться в семью!

— В семью?.. Напакостил, свою семью разрушил, потоптался на чувствах жены и детей и вернуться в семью хочет... Неужели не понимает, что возвращаться некуда?!

— Звонит каждый день — клянется, что любит...

— А что ему остается делать — «любовь» его от него отказалась — даже его ребенок не нужен, а ты посыпочки будешь слать, ждать и все прощать! Кстати, Лен, Глеб на днях возвращается... Стаса с фирмы точно уволят. Как будет с помощью тебе, не знаю.

— Ты мне и так помогла, сейчас детей в сад, сама на работу.

— А родители твои, что говорят про ребенка?

— Категорически против! Не жизнь, а шняга — одни проблемы!

— И не говори, подруга! У меня тоже — то одно, то другое, забываю, что беременным надо отдыхать, есть и получать удовольствие от жизни.

37. Сентябрь. Шесть месяцев беременности

Глеб не выдержал и прилетел домой. Снежка с Тамарой Леонидовной и няней остались в Картахене.

Ирина встречала его в аэропорту.

Всю дорогу Глеб обнимал жену за плечи и, ощущая тепло ее тела, понимал, что еще одной разлуки так надолго он не допустит — чувствовать ее рядом с собой стало для него жизненно необходимо. Возможно, всему виной было «тюремное заключение», где от вынужденного одиночества и тоски по ней он сходил с ума, возможно, «больничная зависимость» от нее — ее присутствие рядом с ним давало ему уверенность в выздоровлении и силы для восстановления, но только свою зависимость от нее он осознал гораздо позже — в разлуке с ней... Первый день, когда она уехала он не заметил ее отсутствия и даже... чуточку... порадовался, что никто не ограничивает его сидение за компом и не заставляет отдыхать и доедать, и он полночи сидел погруженный в работу и уснул едва голова коснулась подушки, а утром с удивлением обнаружил слегка отекший сустав ноги, и Тамара Леонидовна, ужасаясь его беспечности и своей необязательности (обещала дочери присматривать за Глебом), усадила его (с ногами) на диван, подложила под «сломанную» ногу подушку и разрешила встать только после того, как отек спал, и он уже сам, не желая вновь оказаться прикованным к дивану и подушке, следил за больной ногой и стал придерживаться распорядка установленного женой: чередовал нагрузку и отдых и даже доедал без напоминаний и уговоров, хотя отдыхал по-прежнему в обнимку с компьютером. На третий день он заскучал по жене, ему слышался ее голос в другой комнате, ее шаги на

террасе, а ночью он ворочался, вздыхал и жалел, что нет под рукой снотворного... на четвертый день он стал изнывать от тоски, названивать жене и, чувствуя ее озабоченность и упадническое настроение, донимал отца расспросами о проблемах жены, очень боясь услышать об осложнениях с ребенком. Отец рассказал все, как есть, и он, промаявшись полдня в сомнениях и раскаяниях, что послушался Ирину и отпустил ее одну, на следующий день ранним утром вылетел в Москву — он глава семьи! и все проблемы должен решать сам! а не перекладывать их на плечи беременной жены!!!

Поэтому, когда из аэропорта они поехали не домой и не в офис, а в центр акушерства, Глеб не удивился.

Подойдя к боксу, Ирина развернула мужа к стеклу, ткнула пальцем в кувез с новорожденной девочкой, «обмотанной» проводками и трубочками, и, глядя на мужа, представила:

— Это дочка Дины. Возможно, это и твоя дочь тоже.

Глеб посмотрел на девочку и ничего не испытал кроме злости и раздражения — последние дни отец держал его в курсе событий и красочно описывал волнение и сомнения его жены по поводу его измены и, как результат, эти дети Дины. Он был уверен, что утверждения Дины неправда, но ребенок существовал, а значит, существовала и проблема, которую ему предстояло решить, а решать «проблемы» он не любил, стараясь не создавать их, чтобы не решать.

Наблюдая за мужем, Ирина искала в его глазах и на его лице выражение нежности, любви к этому ребенку и не находила. Радовалась она этому или нет, она еще не поняла, но она точно знала чего хотела.

— Глеб, я больше не выдержу этой пытки сомнениями... сдай, пожалуйста, тест-ДНК с этой девочкой и выясни: она твоя дочь или нет...

Сказала и вдруг поняла, что все это: «измена-не измена», происходило в далеком прошлом... в другой жизни! в их прошлой жизни! до тюрьмы, до его ранения, до его почти смерти... В заключении он о многом передумал, во многом раскаялся и попросил у нее прощения... Илья Семенович прав! Она простила его за все, чтобы он ни сделал, в чем бы ни ошибся в прошлом! Тогда, в прошлом, в отчаянии она молила о его избавлении, выздоровлении и сохранении жизни... разве можно сравнить измену и тюремное заключение?! — она молила и обещала простить ему все, только бы он освободился и вернулся к ней!.. разве можно сравнить измену и смерть?! — на коленях она вымаливала его жизнь, готовая простить ему все и отказаться от всего, только бы он жил... Она молила — ее слышали! Она простила — ей вернули его! Вернули из тюрьмы! Вернули из небытия! И она уже не может нарушить этот негласный «контракт» с тем, кто распоряжается Судьбами людей! Их любви дали еще один шанс, шанс быть вместе и стать счастливыми! И она воспользуется этим шансом! Только теперь она не допустит в свою семью тайн и лжи, разрушающих отношения!

— Ты просил меня простить тебя за все... за все, что было до твоего заключения и ранения! Я тебя простила! Поэтому, если у тебя была связь с Диной, в результате которой родилась эта девочка, просто признайся — лжи и скрываемых тайн я больше не потерплю между нами... или разберись с этим и выясни кем на самом деле является тебе эта девочка и в результате каких действий появилась она на свет.

— Не было у меня связи с Диной! Я тебе рассказал правду.

— У этой правды есть продолжение в виде этой девочки — ее мать обещала все

рассказать, когда ты убедишься, что это твоя дочь.

— Ириш, я тебе...

Ирина не дала Глебу договорить, закрыла ему рот рукой.

— Хватит клясть... Я тебя очень люблю, Глебка! И никогда с тобой не расстанусь! Если ты сам этого не захочешь... или не сделаешь что-то такое, что я не смогу простить. Но сейчас я хочу пожить несколько дней одна в нашем доме... Мне надо успокоиться и заняться своим здоровьем и нашим малышом.

— Я понимаю... ты сомневаешься, потому что я многое от тебя скрывал, — виновато опустил голову Глеб — клянись-не клянись результат на лицо — ребенок. — Но я, то, знаю, что связи не было...

— Очень хорошо! Я тебе верю! — Ирина взяла в ладони лицо мужа, приподняла, заглянула ему в глаза. — Но я не хочу больше нервничать и копаться во всей этой грязной истории! Когда правда выяснится, ты приедешь ко мне и все расскажешь.

Обняв жену, Глеб прижал ее голову к своей груди, погладил по волосам, жалея и понимая ее недовольство всей этой историей — ей пора отдохнуть: на отдыхе она была веселой, счастливой, а сейчас... круги под глазами, ушла беспечная легкость и радость. Ей надо отдохнуть, выспаться, отстраниться от волнений и заняться их сыном. Воспоминание о сыне теплом отозвалось в его сердце — нежно погладил животик жены и, прижав руку сверху, замер, прислушиваясь к толканиям ребенка — уголки губ предательски дрогнули, показывая чувства.

— Я обязательно во всем разберусь, как можно скорее... — пообещал Глеб толи жене, толи сыну. — Могу я в эти два дня заезжать к тебе на часок?

Ирина улыбнулась — он дает ей два дня на ее «капризы и сомнения».

— Ну-у, если только на часок... У тебя же будет время пообедать со мной.

— Ты сомневаешься в этом? Вы моя семья — главное в моей жизни!

— Тогда бери в руки бразды правления и покончи с тайнами и неправдами в нашей семье! Хочу любить тебя и верить тебе до самого доньшка, не сомневаясь! Хочу, чтобы мы ничего друг от друга не скрывали, потому что потом приходится дорого платить за это.

— Согласен — нам обязательно надо откровенно поговорить.

— Мне тоже надо тебе о многом рассказать.

Достав из сумочки конверт, флешку и крошечный пакетик с белоснежными волосами, Ирина отдала их Глебу.

— Вот тебе волосики Снежки и еще одна тайна твоего отца — тест на родство с девочками. Я его даже не открывала... Разбирайся со своими семейными тайнами: не удивлюсь, если твоя мама приложила руку к появлению на свет детей Дины — на твоей флешке, помимо записей с камер в особняке той ночи, запись нашего с Диной разговора — она подтверждает, что дети твои, но связи с тобой не было...

— Ириш, давай я сам разберусь, а ты не волнуйся и отдыхай. Саша тебя отвезет домой.

Решив не вмешиваться больше, Ирина поцеловала Глеба и уехала домой, а Глеб еще какое-то время стоял у бокса, смотрел на опутанную проводками девочку, ища в себе хоть какие-то чувства к этому ребенку... Искал и не находил.

Было странно — ведь он любил детей... всех и тогда... до ареста, очень трепетно относился к нерожденным детишкам — вон даже Веру уговорил оставить ребенка, пообещав выплачивать той содержание... Теперь вспоминая об этом Глебу стало не по себе — что подумала бы и как чувствовала бы себя его жена, узнав, что он содержит «любовницу с

ребенком» — именно так все выглядело со стороны! Как бы она отреагировала на это? Поверила бы она ему снова? Простила бы?

Глеб вспомнил свои одинокие, безрадостные ночи в камере, когда безысходная тоска гнодала его сердце, и запоздалое раскаяние сжимало горло костлявой рукой, и раздражающее душу осознание того, что ничего уже нельзя изменить и вернуть назад, безжалостно убивало, потому что ты одинок, всеми забыт, заперт в клетке, лишен свободы, и далеко от той, которая обнимала тебя своей нежностью, отогревала своим сердцем, защищала своей любовью от вселенского одиночества и уныния, разделяла с тобой все беды и несчастья и дарила тебе частичку своей души... И если тебе удалось выстоять, выбраться из этой безнадеги и тебя не предали, и любят, и ждут, ты вновь начинаешь жить сначала, но уже с другими ценностями, с другими понятиями, с другими чувствами... Ты снова живой и свободный, любимый и нужный: своей женщине, своим детям, своей семье...

Глеб вспомнил о своей семье... «Наша семья — это я, ты и наши дети» — так всегда говорил он жене, но он ошибся: как можно вычеркнуть из своей семьи отца? который поддерживал и вытаскивал, не считаясь с затратами и усилиями... как можно вычеркнуть из состава своей семьи тещу? которая заботится о его дочери, о его жене, да и о нем самом. А свою мать может он включить в состав своей семьи? Ответ поразил его — нет, не может! Она всегда пыталась разрушить его семью, поэтому он так сжал рамки своей семьи, боясь ее краха.

Вспомнив о матери, Глеб удивился, что за почти месяц в Испании он ни разу не звонил ей... она словно выпала из его жизни после того январского случая с его мнимой изменой — он чувствовал, что она предала его, его семью, его ребенка... И похоже, он не простил ее, узнав правду! Над этим он еще не задумывался, так больна еще была обида на нее... Возможно, она чувствовала это и ее визиты в больницу были редкими и короткими. Все, что она приносила, Ирина «незаметно» отдавала сиделке, он замечал это, но молчал — есть «еду» матери почему-то не хотелось, вспоминалось, что это именно она подлила ему в сок снотворное. А вот теперь он захотел увидеться с ней и откровенно поговорить... спустя восемь месяцев!

Оплатив и сделав необходимые анализы, Глеб поехал к матери.

38

На звонок с незнакомого номера Ирина ответила.

— Слушаю.

— Это Вера. Я знаю, что Глеб приехал, но он не хочет со мной разговаривать.

— А я здесь причем?

— Мне надо принять решение о ребенке и все будет зависеть от его обещанной помощи... Он несет ответственность за этого ребенка — он просил его сохранить и обещал помогать! Как мне с ним поговорить? Где его найти?

Столько отчаяния было в голосе Веры, что Ирина прониклась.

— В центре гинекологии и акушерства... адрес я скину...

— Разбирается с внебрачными детьми?

Ирина удивленно промолчала — подруги Веры могли видеть Дину, знать о переводе денег для ее детей...

— Я поеду на фирму и буду ждать его там, но... уделите мне немного времени — давайте встретимся в кафе напротив офиса — судьба моего мальчика зависит от вашего решения...

— Хорошо, — неожиданно для самой себя согласилась Ирина — у нее тоже сын. — Через полчаса подъеду.

Они встретились в кафе.

Вера сидела за столиком, на столе стояли стаканы с соком, тарелочки с кусочками тортика.

Ирина отметила, что выглядела девушка уже не такой наглой и самоуверенной, хотя была привлекательной, даже не смотря на беременность.

— Я нам заказала перекусить... угощайтесь, — дружелюбно предложила она.

Ирина присела, но «угощаться» не стала.

— Мне нужны деньги, чтобы снимать квартиру. С родителями я жить не могу — запилят, что родила без мужа!

— Вы уже получили все выплаты.

— Этого мало!

— Нанимайте няню и выходите на работу.

— Работу с такой зарплатой, как у Глеба, я не найду. Попросите Глеба пусть возьмет меня обратно на работу...

Ирина рассмеялась.

— Нееет! Ольга Владимировна вполне справляется со своей работой.

— Я узнала, что вы выплачиваете жене Стаса его зарплату... одной трети мне бы хватило на съем квартиры — это же его ребенок.

— Ну, во-первых, ребенок еще не родился, а во-вторых, это надо решать с юристами. Да, Лене с детьми — жене Стаса пока выплачивается его зарплата — они не виноваты, что у них такой муж и отец, а вам... Вам я помогать отказываюсь — потому, что вы пытались разрушить мою семью! Если бы вы тогда не произнесли всех этих мерзостей и не подвергли бы риску моего ребенка...

Услышав «несправедливые обвинения» и о помощи жене Стаса, Вера какое-то время жадно поела тортик.

— Значит, я стерва расчетливая, а она бедная, несчастная мамаша с двумя детьми? — хмыкнула она. — Ты либо мазохистка, либо дура, ничего не знающая о своем муже.

— Чего я не знаю о нем? — втянулась в разговор Ирина.

— Да ничего не знаешь! Как он жил до тебя, в браке с тобой... Все меня обвиняют в меркантильности — да, я хочу мужика с деньгами, чтобы обеспечивал меня, и чтобы не считать копейки от зарплаты до зарплаты! Но глядя на тебя... Лучше быть меркантильной стервой, чем беспечной, живущей в иллюзиях, дурой!

— Его жизнь до меня — меня не касается...

— А когда поженились? Ты уверена, что его жизнь изменилась?

— Конечно изменилась — в его жизни появилась я и дочь. Если ты хочешь о чем-то рассказать — говори.

— Зачем? Ты мне все равно, не поверишь — отношений у нас с твоим мужем не было, а вот... но... мне хорошо заплатили за молчание, а связываться с твоим свекром себе дороже — он никого не пожалеет, защищая свою семейку, даже не смотря на мою беременность, придушит и закопает.

— Какие страсти! — иронично ухмыльнулась Ирина — разговор все больше и больше ее заинтересовывал и волновал. — «Наговариваете вы на нашу семью, грех это!»

— А ты права — грех это! — перестав есть, Вера зло уставилась на «собеседницу». —

Грех скрывать правду — надо тебе кое-что рассказать и посмотреть, как ты будешь дальше жить с этой правдой... Хотя нет — пусть тебе твой любящий муж расскажет о своей... нет, о своем друге Стасе — почему же он так обозлился на него, что решил его грабануть и отомстить! Даже убить!

Понимая желание «соперницы» отомстить, Ирина светло улыбнулась, вспомнив о своем «всепрощении» мужа.

— Дело не в том, поверю я в твою правду или не поверю... Все что ты расскажешь, даже если это будет самая горькая, убийственная для меня правда, после которой, по твоим расчетам, я должна буду разлюбить его и развестись... не сработает! Просто это всё уже не имеет значения — я ему всё простила... Простила потому что люблю; потому что тюрьма заставила его раскаяться в совершенных проступках, и он сам просил меня простить его и не бросать... иначе без меня и нашей любви он просто не выживет в том аду; потому что потом... он умирал на операционном столе, а я молилась за его жизнь и готова была простить ему всё, отдать все богатства, пожертвовать всем, ради его спасения... даже отказаться от своего счастья с ним, если бы это потребовали... только бы ему сохранили жизнь... И то, на что ты намекаешь или расскажешь, не идет ни в какое сравнение с жизнью и смертью, на грани которых он находился по вине твоего любовника...

Вера посмотрела на Ирину, как-то, по-человечески... с завистью, сочувствием и долей восхищения.

— Ты его, и правда, любишь... похоже, он тебя тоже... — погладив свой живот, Вера как-то сникла, расслабилась и заговорила с Ириной с обреченной откровенностью, как с подругой. — Поначалу я думала, что смогу заполучить твоего мужа: соблазнить, разжечь в нем страсть, вас развести, женить на себе — соблазнить мужика ничего не стоит: редко кто отказывается от тайного секса без отношений и обязательств... особенно от минета... жены почему-то не доставляют такого удовольствия мужьям, вынуждая их получать это удовольствие на стороне, а потом сами же обижаются... но я отвлеклась... Это только по началу думала, что с ним все будет просто, пока не услышала, как он разговаривает с тобой по телефону, как волнуется за тебя беременную, пока не увидела вас вместе, с какой любовью и нежностью гладит он твой животик с ребеночком... вот тогда я поняла, что он на мне не женится — секс возможен, страсть возможна, а вот семья... он на мне не женился бы, даже если бы я родила ему сразу троих детей! Он бы их признал, содержал, навещал... но семьи у нас все равно не было бы — потому что семья у него уже есть с другой женщиной, и ваш развод ничего бы не изменил — он так и остался бы твоим мужем, любящим тебя мужчиной! Сейчас я понимаю, что не с того я начала — надо было сначала убить его любовь к тебе: подставить тебя, оговорить, подсунуть тебе любовника, заставить тебя изменить ему, и чтобы он об этом узнал — сам бы развелся, и вот тогда... Но я поспешила, понадеялась на свою сексуальность, молодость и просчиталась, хотя... Когда на следующий день он пришел на работу... я попыталась его соблазнить по полной: сняла трусы, вошла в кабинет, села на стол, раздвинула ноги... он посмотрел на мою гладко выбритую... схватил меня за волосы и вышвырнул из кабинета, пригрозив, что если я еще только подумаю о сексе с ним, он меня тут же уволит, а если попытаюсь соблазнить, вытворив что-то подобное... «отдерет, как шлюху, и задушит на этом же столе»... И я ему поверила! Посмотрела в его глаза, горящие ненавистью и презрением ко мне, и поверила — придушит без сожаления, чтобы не огорчать свою любимую женушку... Он такой же, как его отец — убьет ради сохранения семьи. Потом я узнала, что выбрала неудачное время для соблазнения — тебя в ту ночь отвезли на

сохранение в больницу, и он жутко переживал: расхаживал по кабинету, орал на всех, а глаза (в отличии от того, как он смотрел на меня) были такие несчастно-виновато-растерянные... И я больше не пыталась его соблазнять, хотя слухи распространяла — долгоиграющий роман с шефом намного престижнее, чем роман с наемным работником и к тому же женатиком с детьми. Кстати, о женатике — его жена как-то нас застучала после работы в офисе — скандалила, орала, драла меня за волосы, хлестала Стаса по лицу, тот отбивался, отталкивал ее от меня... Глеб услышал, прибежал, стал разнимать, подрался со Стасом... Я убежала, Стас за мной, а твой благоверный стал Ленку успокаивать... так успокаивал, что младший ребенок у Ленки родился не от мужа... Стас тест делал — не его! Может, твоего муженька? А ты ей денежки выплачиваешь! Деткам помогаешь! Ну, не дура ли ты?

Ирина быстро сопоставила даты — три с лишнем года назад ее увезли на сохранение в семь месяцев (она хорошо помнила этот день — Глеб задержался на работе допоздна... она волновалась, а когда он пришел домой пьяный и какой-то виновато-растерянный, почувствовала, что случилось... очень нехорошее, «не простительное» — она же чувствовала его душевное состояние... но что это было она не знала, и так испугалась случившегося, что попятилась, нестерпимая боль резанула по сердцу, она закричала от боли и стала падать... Глеб бросился к ней, подхватил на руки, отнес в комнату и вызвал «Скорую», а она все смотрела на него, молчала и мысленно молила его, чтобы он ничего не рассказывал, не признавался, не объяснял, что случилось у него этим вечером, потому что тогда ей придется волноваться и плакать, а волноваться ей категорически запрещали из-за угрозы преждевременных родов и ей надо было выбирать: ребенок или «волнение из-за мужа»... и она выбрала ребенка, оставив на его совести какой-то его «грех». После этого случая она никогда не испытывала такого пугающего ее «осознания совершенного греха»... после свадьбы чувствовала что-то подобное, но не так остро-болезненно — просто сердце сжималось от предчувствия чего-то плохого... и вот только сейчас она догадалась, что тогда происходило: он ей изменял! А в тот день он изменил ей с Верой — ей «хорошо заплатили за молчание», и она просто намекала на секс с ним...

«— Не может быть! — ужаснулась Ирина своему знанию, щеки у нее вспыхнули, но она постаралась успокоиться. — Это не обязательно были измены — я же почувствовала, что он на грани жизни и смерти! Но это было совсем другие ощущения... Не ври сама себе! Он изменил тебе с Верой, она четко дала это понять — скорее всего это был минет, а «когда на следующий день он пришел на работу», и она попыталась его соблазнить по полной гладко выбритой... он вышвырнул ее из кабинета, потому что винил себя, что я обо всем догадалась, разволновалась и меня увезли в больницу с угрозой преждевременных родов... Вот за что Глеб тогда просил прощения, вот почему обещал Вере помогать с ребенком, боясь, что она расскажет мне о сексе с ней, и вот за какое молчание заплатил ей Илья Семенович! — сознание случившегося пошатнуло ее веру, но любовь тут же попыталась смягчить «удар». — Да, изменил, но раскаялся и попросил прощения, и доказал, что любит и после этого случая тебе не изменял! Почти четыре года! И ты это знаешь! И любишь его! И простила его! И он тебя любит — ты носишь его ребенка, как доказательство вашей любви!»

— После минета не забеременеешь, — усмехнулась Ирина и, услышав саму себя, поразилась своему спокойствию и сарказму, — а тебе так хотелось залететь и навечно привязать к себе богатого мужика.

— Ты знаешь?

— Да, Глеб рассказал... и про то, что ты приглашала его стать крестным отцом,

поэтому он и гладил твой живот... Теперь это вряд ли случится — он не хочет иметь с тобой никаких дел из-за твоего вранья.

— Каждый выживает, как умеет!

— Ты что-то путаешь — «на чужом горе счастья не построишь!», особенно если горе ты причиняешь детям! Хорошо бы тебе это запомнить на будущее.

Но Вера это не желала запоминать, ее волновало совсем другое.

— А Ленку то он трахнул или нет? Она сказала, что трахнул — вот Стас и обозлился, а когда про ребенка узнал, то совсем головой поехал.

— Что же он другой тест не сделал — на отцовство Глеба?

— Зачем? Ленка же призналась!

— А Глеб отрицает...

— Вот теперь сама пусть и устанавливает отцовство и требует алименты с отца ребенка. А как же быть с моим ребенком? Одна я его не потяну.

— Сами разбирайтесь! Помогать я вам обеим не буду!

— Тогда я оставлю его в роддоме! И это будет на вашей с Глебом совести!

— В первую очередь это будет на вашей с отцом ребенка совести!

Ирина встала и, не прощаясь, вышла из кафе, а Вера так и осталась сидеть за столиком.

39

Всю дорогу в машине до дома Ирина вспоминала разговор с любовницей мужа... Что творилось в ее сердце! Боль, обида, ревность — все всколыхнулось и не давало нормально дышать.

Под влиянием эмоций она написала мужу сообщение:

«Пожалуйста, несколько дней не приезжай ко мне и не звони мне — хочу успокоиться, выспаться и подумать, как жить дальше» и отключила телефон.

Приехав в их коттедж и отпустив водителя, Ирина легла на кровать, накрылась одеялом с головой и тихонько заплакала...

Как тяжело взрослеть! Как тяжело осознавать, что плохо знаешь близких людей и своего любимого человека! Как тяжело прощать их «грехи», принимать это, продолжая их любить! Понимать, что твоя наивная, восторженная, всепоглощающая, первая любовь была слепа, не видя недостатки любимого, боготворя его и обожая, закрывая глаза на все его грешки и прегрешения... Как тяжело прощаться со своей первой любовью, но с высоты своих прожитых лет в браке (пять лет — это немалый срок!) Ирина понимала, что ее любовь к ее мужчине стала другой, хотя она по-прежнему самозабвенно любила мужа... ее любовь повзрослела, окрепла, а после рождения дочери стала спокойной, уверенной, хотя она по-прежнему ревновала его — он постоянно давал ей повод для ревности... ушла восторженная влюбленность, желание угождать и подчиняться, «заглядывать в рот» и зависеть от него... она замечает его недостатки, критикует, не соглашается, не хочет зависеть, но все равно она его любит — любит всем сердцем, всей душой, не представляя свою жизнь без него! И надо теперь как-то донести до мужа свое взросление, желание самостоятельности и независимости... донести, что его «ласковая, шаловливая кисулечка» выросла, стала «ласковой шаловливой кошечкой», требующей внимания по своему желанию и с этим желанием ему придется считаться...

«— «Я тебя очень люблю, Глеб! И никогда с тобой не расстанусь! Если ты сам этого не захочешь... или не сделаешь что-то такое, что я не смогу простить. Но сейчас я хочу пожить несколько дней одна в нашем доме... Мне надо успокоиться и заняться своим здоровьем и

нашим малышом», — вспомнила Ирина свои слова и, немного подумав, добавила: — Мне надо время, Глеб, чтобы смириться с твоими произошедшими изменениями, принять, простить, забыть... понять, что ты изменился и любить тебя, и жить с тобой дальше, и стать счастливой... вместе с тобой. «Ошибается — каждый, признает ошибки — мудрый, просит прощения — сильный, восстанавливает отношения — любящий!». Глеб, все в твоих руках — будь мудрым, сильным и любящим, и тогда наша семья станет счастливой!»

40

Вера

Оставшись сидеть в кафе после ухода жены Глеба, ковыряла ложкой кусок торта, который уже в горло не лез, и не знала, что делать...

Опять все провалилось — ни денег, ни работы!

На что рассчитывала — на треть зарплаты Стаса? Ну, месяц, два еще бы заплатили, а дальше? Стас сидит! С работы меня уволили! Жить на пособия? Смешно! До родов денег хватит, а потом? Ни квартиры, ни работы... Куда я с ребенком? Может, надо было рассказать Глебу о планах Стаса, подслушанных мной, когда он обсуждал их со своими подельниками? Он бы по-прежнему считал меня другом (поддался на мои просьбы, отнесся ко мне, как к младшей сестре, взял на работу, поверив в дружбу между мужчиной и женщиной) и помог бы деньгами на содержание ребенка!

Но этого не сделала и опять просчиталась!

Как-то с самого начала у нас с Глебом все не заладилось! Думала, что он в первый же день работы сразу на меня набросится — глазки строила, попкой виляла, кофточку расстегивала, а он не соблазнился, пришлось первой ему в штаны лезть... доставила ему удовольствие — видела, что нравится, уж я то знаю в этом толк, думала, что после минета (хотя и с жестким окончанием), трахнет меня по нормальному, и у нас все закрутится — уж я бы разыграла перед ним такую страсть, что о жене он точно забыл бы — и будет у меня и квартира своя, и шмотки, и машина... А он... на мои «прелести» не соблазнился и вышвырнул меня из кабинета, пригрозив, что уволит. Нет, работу мне терять было нельзя — кто еще меня без опыта на такую зарплату возьмет! Может, надо было просто спокойно работать, купить квартиру в ипотеку — зарплата позволяла... и двадцать лет горбатиться на нее?! Ага, щас! Когда можно получить все быстро и сразу, получая удовольствие! Тем более с таким бруталом, как Глеб: красив, элегантен, богат и харизматичен — с таким можно трахаться и не за деньги, а за удовольствие... Какие только мне мужики не попадались, когда жизнь заставила эскортницей подрабатывать, толстые, маленькие, лысые с потными руками и слюнявыми губами, а уж про их мужские «недоделки» вспоминать не хочется... а куда деваться — «нравится-не нравится, терпи моя красавица», если хочется сытой жизни, хороший телефон, брендовую одежду, потусить в элитном клубе, чтобы найти уже себе богатого папика, а лучше молодого мажора и тянуть из него денежки... на квартиру, на шмотки, на машину...

Жаль, что Глеб не повелся на секс со мной, но надежды долго не теряла и всем давала понять, что у нас любовные отношения, а в тихую закрутила с его другом Стасом, думала Глеб приревнует и начнет меня... но увидев его жену рядом с ним, поняла, что могу только повоевать за место резиновой куклы для офиса — чтобы оплачивать любовницу, надо испытывать к ней хоть какие-то чувства, кроме тупого желания потрахать, а они были пара, любящая друг друга... глаза горели, губы улыбались... можно было бы разрушить их любовь и попытаться занять место жены, но... даже не время и затраченные усилия на все это

разрушение меня остановили, а та жестокая решимость, при осознании своей измены, придушить меня во время минета своим... Сколько не скрывай, Глеб все равно узнает, что это я разрушила его семью и виновата в его расставании с женой и ребенком... И тогда, представив, что он сделает со мной, мне стало страшно... Лучше «прибраться к рукам» богатого мужчину, у которого в глазах скука и пустота... А я, дура, связалась с женатиком, да еще с детьми! Денег нет, выходные дома, постоянные звонки от жены! Сначала забавляло, как он выкручивается, а потом доставать стало — раз жене врет, отмазывается, значит, все у него не серьезно — только секс! А раз секс — плати денежки! Купил мне машинку — в кредит и выплачивал, но чем больше тратил на меня, тем больше понимала, что только зря трачу на него время — не о таком «спонсоре» я мечтала — ни в какое сравнение с Глебом, Стас не шел. Пришлось вспомнить своих бывших, богатеньких «клиентов» — вот от одного из них (любителя острых ощущений без резинки) я и залетела... хорошо, что я «веду дневник», и когда рожу смогу точно определить кто из них новоявленный папаша! Приду, попрошу сделать, по-тихому, тест на отцовство, если не захочет — пригрожу, что буду через суд устанавливать отцовство, а это огласка, разбирательства... ни один этого не захочет! Только бы отцом ребенка не оказался бы этот зек-Стас, хотя мы с ним предохранялись — боялся, что залечу. А Глеб пусть думает, что ребенок от Стаса — может, удастся с него денежек поиметь — снова надавлю на жалость, ведь он обещал... а за свои «слабости», «обещалки» и «хотелки» надо платить!

41

Не ожидая визита сына, Инесса Сергеевна расхаживала по огромной квартире в домашнем, шелковом халате, что делать раньше, при муже, себе не позволяла.

— Вразуми хоть ты его! — набросилась она на сына, лишь только тот переступил порог ее «временного пристанища». — Он все свое имущество подарил этой твоей... Трясется над ней, как над фарфоровой вазой династии Сун! Наследника ждет!

Неприятно царапнуло материнское презрительное отношение к его жене, и Глеб скривился — почему он терпит такое отношение.

— У моей жены есть имя и относись к ней с должным уважением! — сделал он замечание матери, на что та презрительно поджала губы и театрально взялась за сердце, и Глебу пришлось ее успокаивать. — Отец говорил мне об этом. Что ты так переживаешь? Это его имущество, и он вправе распоряжаться им по-своему усмотрению. А потом, я не думаю, что он подарил его Иришке навсегда — дом она собиралась ему вернуть...

— Особняк вернуть? А виллу в Испании? Хочу уехать туда из этой промозглой Москвы...

— Про виллу я ничего не слышал. Там сейчас Снежка с Тamarой Леонидовной и няней.

— Чтооо? Эта дрянь там? На нашей вилле?

— Ты о ком? — нахмурился Глеб — оскорблять свою дочь он не позволит! — Надеюсь, ты не о моей дочери? И выбирай выражения, когда говоришь о моей семье!

Но «обиженную» Инессу Сергеевну было не остановить.

— Твоя дочь еще та невоспитанная, дрянная девчонка! Вся в родственничков! Из-за нее я лишилась половины своей драгоценной коллекции! Этот варвар ее уничтожил! Разбил! В дребезги!

— Не обостряй! — прервал ее изливания «неблагодарный сын». — Свою коллекцию ты давно продала и заменила подделками.

На секунду Инесса Сергеевна замерла, а потом с возмущением повернулась к сыну.

— Откуда ты взял эту чушь?

Глядя на мать, Глеб презрительно скривился — тайны, и правда, несут только беды.

— Я сам свел тебя с коллекционером, у которого ты хотела только проконсультроваться по поводу коллекции... Потом он звонил и благодарил за удачную сделку, даже на ужин приглашал, но мы улетали в свадебное путешествие.

— Надеюсь ты отцу не сказал об этом?

— Отец не дурак, мог и сам догадаться.

— Он варвар и не разбирается в искусстве! Его привлекают более прозаичные вещи.

— Даже не хочу уточнять какие! — Глеб помолчал, в упор глядя на мать и давая понять, что начался серьезный разговор. — Динка родила! — отчеканил он, ожидая ее реакции. — Не хочешь рассказать, как получилось, что ее дети оказались моими?

— Что, удивлен? Не одна твоя женушка может родить наследника! — с пафосом вопрошала Инесса Сергеевна, сверкая торжеством и ненавистью в глазах. — Дина как-то звонила, сказала, что ты с ней все-таки переспал, она беременна двойней, денег просила, но я не дала! Это твои проблемы! Раз изменяешь жене — неси ответственность за свои похождения.

— Я с ней не спал! И жене не изменяю! — отчеканил Глеб.

— А дети тогда откуда?

— Вот я и приехал у тебя узнать — откуда?! Как же так получилось, что горничная, которую ты подложила ко мне в постель, когда я спал, залетела от меня?

— Значит, когда спал, ее оплодотворил!

— Не говори глупости! Я ведь все равно узнаю, как это произошло!

— Узнавай! Я здесь не причем! — отвернулась от сына Инесса Сергеевна и, подойдя к окну, посмотрела на Кремль. — Уеду, буду скучать по виду из окна...

— Так ты не расскажешь?

— Как твоя... отреагировала на появление у тебя детей и твою измену? Не намеревается разводиться с тобой? Я была бы рада... Надеюсь, ты не собираешься оставлять ей дом и квартиру? Их она не заслужила! Пусть едет к своей нищевродной мамаше — там им и место!

Глеба не просто покорило такое отношение матери к его жене, но добило, что эта нелюбовь распространяется и на его дочь, и нерожденного сына — его мать ненавидела всю его семью!

— За что ты ее так ненавидишь?

— Которую из двух! — презрительно сощурилась женщина, искоса глядя на сына.

— Ты и Тамару Леонидовну ненавидишь?

— Наплачешься ты со своей женой, сын! Разводись пока не поздно!

— Зачем мне разводиться? — напрягся Глеб — надо было уходить: стало ясно, что откровенничать по поводу детей Дины мать не собиралась, но он не уходил и все больше втягивался в разговор. — Я люблю жену! У меня скоро сын родится!

— А ты уверен, что он от тебя? Кое-кто ее просто обожает!

— Ты намекаешь на отца?

— А чем ты думаешь заслужила она такие подарки?! Ты последи за ними — он пылинки с нее сдувает! Наследника ждет!

— Ты это вот... сейчас серьезно?

— Да я их чуть ли не в постели застала!.. — Инесса Сергеевна отвела взгляд от сына, задумчиво уставилась в окно. — Сидит у него на коленях, кофточка расстегнута, он ее груди

целует и рукой под юбку лезет...

У Глеба потемнело в глазах от ревности!

«— Как они могли?! Два самых близких мне человека! Не об этом ли она хотела мне рассказать? Она мне измену с Динкой простила! Теперь и я должен измену ей простить с моим отцом! И начнем жизнь с чистого листа? В глаза смотрит, про любовь говорит, а сама...»

Развернувшись, Глеб выскочил из квартиры, из дома и застыл, не зная куда рвануться в начале: к отцу-соблазнительно или к коварной изменщице...

— Глеб Ильич! — из машины окрикнул Саша выскочившего из подъезда начальника. — Садитесь!

Не раздумывая, Глеб сел в машину на заднее сиденье.

— Куда, Глеб Ильич?

— Поехали... по дороге разберемся!

Машина тронулась.

Глеб откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Еще пару часов назад он ехал в этой машине из аэропорта, обнимался с женой и был счастлив...

А сейчас... сейчас в его голове билась только одна мысль:

«Как они могли меня предать?! Как она могла меня предать?! Я верил ей больше, чем себе!»

— Куда едем, Глеб Ильич?

— Домой... К Ирине... Викторшне.

Водитель немного замялся.

— Лучше ее сейчас не беспокоить... Она спать легла.

— Ты откуда знаешь? — насупился Глеб — ревность не отпускала и терзала сердце догадками. — Может, гостей ждет — вот мы и нагрянем!

— Какие гости?... Измучилась она вся за эту неделю — то одно, то другое... Еще эти тесты и операция детке — мотаемся туда-сюда в этот центр. Как она еще с ног не свалилась: худая, бледная, синяки под глазами...

— Все то ты замечаешь! А скажи, ка, мне какие отношения... нет!.. Как ты узнал, что я у матери?

— Илья Семенович не велел говорить, что у вас маячок в телефоне... но уж если я спалился... Ирина Викторовна волновалась, что вы без машины и без охраны остались в медцентре — я ей пообещал, что вас найду...

— Заботятся обо мне, значит?! Вот к нему и поедем!

Машина свернула в нужном направлении.

— Как же о вас не заботиться — вы ее муж! А Илье Семеновичу сын.

— Надолго ли...

— Что вы такое говорите, Глеб Ильич? — напрягся Саша. — Опять Ирина Викторовна из-за вас в больницу загремит, когда узнает, что у вас опять роман, как с Веркой...

— Что ты несешь? Какой роман? — нахмурился Глеб.

— Ну, вы же Верку по ресторанам водили, вещи ей в магазинах покупали — все это видели! Она на вас вешалась и всем рассказывала, что у вас отношения...

— Чушь собачья!

— Чушь не чушь, а в тот день, когда вас арестовали, Ирина Викторовна села в машину

бледная, расстроенная, за сердце держится... Я ее в больницу и повез.

— За инициативу тебе отдельное «спасибо», а нос свой в мои дела не суй! Кого хочу, того по ресторанам вожу!

Водитель-охранник надолго замолчал, а потом не выдержал.

— Увольняйте, но я скажу! Вторую такую, как Ирина Викторовна, вы не найдете! Она душа-человек! А эти ваши Верки... неужели не понимаете, что они ради ваших денег вокруг вас вертятся — хотят в постель вас затащить и семью вашу порушить!

— А есть ли она — моя семья? — горько усмехнулся Глеб. — Вот скоро и узнаем...

Он достал запечатанный конверт с ДНК-тестом на родство, открыл, прочитал и закрыл лицо руками...

42

Глеб

Выскочил из машины. Бегом в дом.

Влетел на второй этаж, дверь в кабинет рванул.

Отец сидит за столом, по телефону с кем-то разговаривает.

— Это что? — кричу. — Объясни! 99,9 %!

И со всей силы тест в стол впечатываю.

Он извинился, разговор прервал, смотрит на меня недовольно.

— Что случилось? — спрашивает. — Чего такой бешеный?

— Бешеный?! — перегнулся через стол, схватил его за грудки, на себя потянул, в глаза с ненавистью смотрю. — Не догадываешься?

— Объясни! — рычит, а сам руки мои от себя отрывает.

А я руками к горлу тянусь — придушить охота, сил нет сдержаться.

— Как ты мог?! Как вы могли меня предать?!

— Да о чем ты? — то ли не понимает, то ли делает вид, в глаза смотрит, брови хмурит, тоже едва сдерживается.

А меня от этого прямо накрывает — света белого не вижу!

— И давно ты с ней спишь? Может, с самого начала одну бабу делим?

— Да о чем ты? Какую бабу? Ты же говорил, что ты с ней не спишь!

— А дети тогда откуда, если я с ней не сплю? Может, твои?

— Я с твоей шалавой не сплю! — презрительно кривится отец.

— Не смей ее так называть! — ору на него. — Она мать моего ребенка!

— А клялся, что жене верен, а у самого дети на стороне пачками прирастают!

— Это ты ее соблазнил, кобелина!

— Совсем сдурел! Успокойся и объясни в чем дело?

— Мать вас застучала! — притянул к себе, в глаза с ненавистью смотрю. — На коленках у тебя сидела, ты ей сиськи целовал и под юбку лез! Скотина!

Не выдержал, врезал отцу по физиономии, он в кресло рухнул, глазами моргает — вспомнил, сволочь! Мало показалось, снова за грудки его схватил, но уж тут он мне врезал... слегонца. Голова мотнулась, а мозги на место не встали — убить хочется...

Отец руки мои от себя оторвал, с кресла вскочил, ноздри раздувает — злится.

— Ну, было дело! Застучала нас твоя мать! А развод все равно не дала!

— Ты на ней жениться собрался? — аж дыхание перехватило от его признания.

— Собрался! — набычился... вроде даже не отец мне — два мужика из-за одной бабы морды друг другу бьют! — Все бы матери твоей оставил — только бы к любимой женщине

отпустила!

— К любимой женщине?! — рычу и снова на него кидаюсь.

Отбил он мои руки, я на стол повалился. Он меня одной рукой за шею к столу прижал, другой руки держит.

— Успокойся! — приказывает. — Поговорим спокойно!

Отпустил меня, шагнул назад — подальше от меня. Я поднялся, смотрю на него, а у меня ненависть через край перехлестывает.

— Ненавижу тебя, сволочь! Ты мою семью разрушил!

— Ты сам свою семью разрушишь, если не перестанешь со шлюхами валандаться и на стороне детей заделывать!

— А ты у нас не на стороне, а прямо в моей постели заделываешь?!

— Что ты несешь? Пьяный что ли? — уставился на меня осуждающе. — Пойди проспись! Лучше бы за беременной женой присматривал!

— Здесь ты прав — не досмотрел! — киваю, а у самого поджилки трясутся от его ответа на мой вопрос. — Может, и дети не мои?! За это и рожу тебе хочу набить!

— Какие дети? Ты о чем? Вроде девчонка твоя...

— А пацан твой? Поэтому и трясешься над ним?

— Подожди! Пацан вроде умер...

Услышал такое, замер, как обухом по голове огрели.

— Как умер? Когда? Ты что такое говоришь? — шепчу, а у самого сердце останавливается. — Я ее два часа назад домой отправил.

— Значит, нашли мамашу-кукушку?

— Какую мамашу-кукушку? — рванулся к нему, снова за грудки хватаю. — Что с Ирккой?

— Да я, то, откуда знаю! — пятится, и жалостливо на меня смотрит.

— Ты сказал, что Сашка умер! — трясу его.

— Дурак! Я про Динкиного мальчишку говорю! Нашли Динку?

— Какую еще Динку? Я тебя про Иришку спрашиваю! Что с ней? Что с Сашкой?

Спрашиваю, а у самого голос ломается.

— Она же тебя поехала встречать в аэропорт!

Отец оторвал мои руки от себя, в кресло свое толкнул. Я в кресло упал, лицо руками закрыл — трясет всего...

— Встретила! Лучше бы я сюда не возвращался!

— Не мели чепухи! — отец руки мои от лица отрывает в глаза заглядывает. — Здесь твоя семья!

— Которую ты разрушил! — взглянул на предателя и опять накрыло — вскочил и врезал ему в челюсть, он на стол рухнул, я сверху навалился, за горло схватил... — С моей женой спишь — думаешь я это терпеть буду! Разведусь, к чертовой матери, а тебя точно убью!

Отец подо мной лежит, руки от горла отрывает.

— Пусти, дурак! — хрипит. — Я сплю с твоей женой?! Умом тронулся? Я ее пальцем не тронул! Откуда ты это взял?

Его слова, как водой окатили, замер, осознавая услышанное — всегда ему верил. Он меня с себя толкнул, встал напротив меня.

— Ты сам признался, что мать вас застучала! — кулаки сжал, шагнул к отцу.

Тот попятился.

— Успокойся, бешеный! Причем тут твоя жена?! С секретаршей она меня застукала! С секретаршей! Двадцать пять лет назад! Как тебе только в голову такое пришло, что я с твоей Ирккой?..

Смотрю на него, не понимаю — отмазывается или что?

— Так вы... — язык не поворачивается такое произнести.

— С чего тебя так переклинило, сын? Чуть не придушил... Как ты мог о нас такое подумать?! Подозреваю, что все это без мамы твоей не обошлось — тут видна опытная рука! Столько лет прошло, а она все еще помнит... Ладно мне не веришь, а жене то своей... Жене тоже не доверяешь? Ну, ты дурак, Глеб! Хорошо к Иришке не поехал разбираться! Напугал бы ее беременную...

— Но как же... — поднял с пола упавший тест, придвинул к отцу. — Вот это что?

Тот взял в руки тест, внимательно рассмотрел, покачал головой.

43

Вертя в руках бумажку, Илья Семенович стоял у стола, не решаясь начинать непростой разговор с сыном, но потом махнул рукой — будь что будет, пора кончать со своей этой неправдой!

— Тест на родство... А я предупреждал ее, что ничего не выйдет из этой затеи... — мужчина посмотрел на сына, вспомнил, как он его душил, глаза теплели. — Дурак ты, Глеб! Тест на родство — я сто процентный родственник Снежки! Родственник, а не отец! Как ты мог о жене такое подумать?! Иришка тебя волновать не хотела — мол не окреп после больницы, зачем ему лишние переживания и заморочки, сама разберусь: сделаю тест на родство, а не на отцовство — если девочка окажется моей родственницей, значит, ты ее отец. Я говорил ей, что плохая это затея, но не думал, что она еще и Снежку к тесту присобачит!

— И что получилось? — Глеб стоял у стола растерянный — точно «бешеный»: чуть отца не придушил! — Объясни, как такое может быть? Девочки родственницы — значит, я им обоим отец! Тогда почему ты родственник только одной девочке?

— Давай, уточним, сын — я родственник Снежки!

— Ну да, потому что, ты мой отец. Тогда почему ты не родственник дочке Дины? Выходит, она не моя дочь, но родственница Снежки? Чертовщина какая-то! Где ошибка?

Илья Степанович вздохнул — тяжело признаваться в совершенных ошибках и неблагоприятных поступках.

— А нет никакой ошибки, Глеб — все в этом тесте правильно... Давал я слово твоей матери, что никогда не скажу тебе это... но поскольку до разгадки один шаг... Посмотри на этот тест со стороны, отстраненно: две девочки родственницы — у них один отец, но разные матери, дед родственник только одной девочки, значит, он родственник, не отца девочек, а...

— Ты не родственник второй девочке потому, что... дед только Снежки. Но если я отец обоим девочкам, то... ты мне не родственник! Как такое может быть? Ты мне что... не отец? Ты отец Иришки? Это что шутка?

— Вот ты и догадался.

— Но как так? Ты мой отец! Сколько я себя помню, ты всегда был со мной... в начальных классах часто ездил в командировки...

— Да... почти, — Илья Семенович не хотел уточнять, но решил сказать всю правду. — Я уходил от вас.

— Уходил? — удивился Глеб. — К любимой женщине... и к Иришке.

Отец Глеба молча покивал головой.

— Мать развод так и не дала?

— Нет.

— Но развод — это же просто: подал заявление и разведут без согласия второй стороны...

Откровений Илья Семенович не люби, а тут...

— Твоей матери было шестнадцать, мне восемнадцать, когда она забеременела... от другого. Я был влюблен в нее и предложил пожениться и признать ее ребенка, как своего, она согласилась, но взяла с меня клятву, что я никогда с ней не разведусь, и что мы вместе тебя вырастим...

— И ты поклялся.

— Ну, да.

— Меня растил, а дочку свою бросил... — с сожалением сделал вывод Глеб.

— Да.

— И фотки ты делал только ее...

— Ну, да... а ты случайно увидел и влюбился в нее.

— В нее нельзя было не влюбиться...

— Это точно! Она особенная...

— Так Тамара Леонидовна... та секретарша, — догадался Глеб и пожалел их всех. — Вот это поворот.

— Да... — кивнул Илья Семенович и продолжил: — Я в нее сразу влюбился, как мальчишка, а она от меня целый год бегала — пока я к ней не пришел с чемоданом. Приняла, вместе зажили, потом Иришка родилась... Мать твоя тут взбеленилась, о клятве напомнила... Я в семью вернулся, но к ним почти каждый день приезжал... на нервах пить начал, не помню как вышло, но Инесса забеременела, пошла к Тамаре скандалить, ребенка потеряла, потом опять забеременела... таблеток наглоталась, ребенка опять потеряла... Тамара сказала «уходи», и я ушел... бросил пить, занялся бизнесом, деньги есть, а счастья нет... но за Иришкой следил, деньгами понемногу помогал — Тамара брала только алименты с зарплаты, учебу Иришке оплатил, поездки всякие... мог бы миллионами их завалить — Томка не взяла, сказала «я любовь и дочь за деньги не продаю»...

— И Иришка такая же... — от воспоминания о жене на душе Глеба потеплело, — гордая и светлая. Как я мог о ней такое подумать: она мне изменяет!

— Но ты то ей изменяешь!

— Нет! — Глеб упрямо мотнул головой. — Теперь знаю... как это... больно и обидно, когда тебя предают... и меняют на другого.

— А прощать измены какого?! Прощать и любить...

— Тяжело... почти невозможно. Я бы, наверно, не простил.

— Вот сначала и подумай, как твои блядки и терки со шлюхами на твоей семье отразятся, а потом уж изменяй!

— Я жене не изменяю!

— Тогда откуда эта девчонка взялась?

— Не знаю, но мать тут явно замешана — уж очень радуется, что изменил Иришке и ребенка на стороне «прижил». А мать так и не отпускает тебя?

— Нет. Мстит, что другую тогда полюбил... И что ты в мою дочку влюбился.

— Поэтому и ненавидит мою жену и семью мою рушит...

— Это она тебе наговорила про нас с Иришкой?

— В общем, да... Про сына от тебя намекнула.

— Вот стерва! Всю жизнь на моей шее сидит и кровь пьет! Теперь за тебя взялась...

Чего ты к ней поперся?

— Узнать хотел, как так получилось, что дети у Дины мои?

— Надо Динку искать... и через суд устанавливать отцовство, — посоветовал отец Глеба, но совет тому не понравился.

Тренькнул телефон, Глеб прочитал сообщение и замер.

— Ничего я не хочу устанавливать! — произнес он четко и холодно — вопрос решен и обсуждению не подлежит. — Не нужен мне этот ребенок!

— В смысле «не нужен»? — «учитель» удивленно вскинул бровь. — Не будешь его забирать из больницы?

— Не буду! — закрыв вопрос с ребенком, Глеб зашагал по кабинету. — У меня проблема посерьезнее... Иришка от меня уехала...

— Как это уехала?

— Сказала, что любит, но хочет пожить отдельно. А сейчас сообщение прислала... чтобы не приезжал и не звонил.

— И ты отпустил? Она же без тебя и дня прожить не может — жила с тобой в больнице беременной! — Илья Семенович замолчал, осуждающе качнул головой. — Поняла, что трахнулся с Динкой, ребенок твой и опять ревнует... Теперь узнал, как это ревновать любимого?!

— Да не изменял я жене! — Глеб остановился, посмотрел на отца, ожидая совета. — Просила узнать правду, а сама влезать во все это дерьмо не хочет... чтобы я сам разгребал. А это — дерьмо! Подстава чистой воды! И чего делать?

— Идти у нее на поводу и одну оставлять нельзя — опасно для ребенка! Но похоже, она на тебя здорово обиделась... ребенок то твой — значит, изменил! или докажи, что не изменял!

— Да я уже сам начал сомневаться... может, во сне трахнулись...

— Про камеры не забыл? Не шевелясь и беззвучно... Нет, в ту ночь секса не было! Может, вечером, где ее зажал...

— Нет!

— Нет, так нет... А может после моего... — нервно передернув плечами, Илья Семенович сменил тему разговора. — Что с женой будешь делать? Она очень изменилась после твоего ареста... Ты еще этого не почувствовал, а я столкнулся — стала упрямая, самостоятельная, решительная, своевольная...

— Вся в папашу! Неудивительно...

— В меня? Ну да, наверно. Похоже, тебе придется завоевывать ее по новой и немедля, а то почувствует свободу, ударится в феминизм и самостоятельность, не загонишь в домашние рамки — придется фирму дарить или салоны какие-нибудь — будет бизнес-леди! — как...

— Неее, насмотрелся я на этих «леди», — презрительно скривился Глеб, — в голове калькулятор, в глазах цифры. Я такую жену не хочу!

— Но у тебя все к этому и идет... Езжай к жене, уговаривай, умасливай, но, чтобы спали вместе — пусть в разных комнатах, пусть на разных этажах, хоть в машине ночуй, но, чтобы ночью была под твоим присмотром! Около семи месяцев — родить может в любую минуту с

такой нервотрепкой — доехать из Москвы не успеешь, и «Скорая» будет пилить туда-сюда больше трех часов — вторые роды — родит в машине! Кому это надо!

— Понимаю, но настаивать не буду! — холодно уточнил Глеб.

— Вот только обиды с твоей стороны не хватает! Ты, Глеб, норы свой укороти и спрячь! Всю ее беременность ты пропустил: то работа, то тюрьма, то больница, то реабилитация твоя — она о себе со всеми твоими стрессами забыла! Не капризничала, ничего не просила, только о тебе и думала, а в эти последние месяцы ты должен о ней заботиться: цветы, конфеты, подарочки! — все ее желания исполнять: соленые огурцы с вареньем — пожалуйста, селедка с медом — извольте, мел школьный на завтрак — милости прошу! И все с радостью, чтобы настроение ей не портить! И капризы ее терпи, как она твои терпела! И с работой решай — целый день там не торчи, из дома работай.

— Может, помощницу ей нанять или Тамару Леонидовну вызвать? — предложил Глеб.

— Тамара через неделю вернется... — слегка смутился Илья Семенович — про их давние любовные отношения, вновь расцветшие под жарким испанским солнышком, никому говорить не хотелось. — Я их со Снежкой привезу, а ты эту неделю от жены не отходи! Гнать будет — не слушай! Здоровье сына и ее дороже всего! И с ребенком разберись... Не дело от своего ребенка отказываться! Я бы никогда от своего не отказался...

— Но я ее не хотел!

— Дети не всегда появляются по нашему желанию, скорее даже наоборот! Ты же любишь детей! Откуда такое неприятие?

— Не знаю... Может, уже не люблю! Смотрю на нее и ничего кроме досады и злости на ее мать не испытываю.

— С Иришкой честно поговори — такие вопросы вдвоем надо обсуждать.

— Ты прав, отец — лишний повод для встречи. Через неделю тест будет готов — мне бы за это время Динку найти и все выяснить про ее беременность.

— Даром времени не теряй — сам ищи, сыщиков найми. Если ты утверждаешь, что не спал с горничной, то как вышло, что они твои? А что врачи говорят? Как прошла операция? Какие прогнозы?

Глеб пожал плечами — слушал в пол уха, его больше волновал тест и отъезд жены.

— Операцию сделали, недели две наблюдать будут...

— А дальше?

— Дальше... Найду мать девочки — ее ребенок, вот пусть и забирает! выясню ее условия... А как ты себе представляешь это «дальше»? Забрать ребенка к себе в семью и растить вместе с Сашкой и Снежкой? Иришке на шею посадить непонятно откуда взявшегося ребенка? Или снять квартиру, нанять няню... или двух и бросить их там? Приезжать на пять минут... Ну, не испытываю я к этому ребенку ничего! Пустота! Да и не похожа она на Снежку. Может, я после тюрьмы тоже изменился, как Иришка — столько мы с ней пережили...

— Все пережили, но особенно тебе досталось... В следующий раз думай с кем связываешься! А начальником службы безопасности Сашка поставь — попробуй — парень он надежный, институт окончил... сосед Иришки по лестничной площадке — знал, что я ее отец (мать ему сразу рассказала, как на работу ко мне устроился), но ни мне, ни Иришке, ни тебе ничего не сказал.

— Подумаю... — вздохнул Глеб. — А с твоим секретом, что будем делать?

— Иришка на меня обижается! Я с ней сколько раз хотел серьезно поговорить — не

хочет!

— Давай, сделаем тест до кучи — твой и ее — пусть увидит результат, и сама все поймет.

Илья Семенович задумался.

— Ну, давай... Опять ложку облизывать? Все ложки у меня перетаскаете!

— Не ворчи! За то сколько радости у всех будет! А ложку твою отдали, как и волосики девчонок — у Иришки в сумочке.

— Вот тебе еще повод заехать к жене — за моей ложкой! Пока нас нет, тест сделают... Пусть она немного свыкнется с этой новостью.

— Как же мне тогда тебя называть? — озабоченно поинтересовался Глеб.

— Не дури, Глебка! — Илья Семенович шагнул к сыну, обнял за плечи. — Ты всегда был и останешься моим сыном!

— А кто мой родной отец?

— Это секрет твоей матери... Пусть сама расскажет, а если нет, к ее матери — к своей бабушке поезжай, порасспрашивай.

44

Столько всего случилось за несколько часов, что у Глеба почва ушла из-под ног — почти тридцать лет у него была крепкая семья, любящие родители, пусть какой-никакой, но тыл! А оказалось... семьи нет, родители ненавидят друг друга, да еще отец — не отец! А кто настоящий отец неизвестно...

Сидя в машине на заднем сиденье, Глеб задумчиво смотрел в окно: четыре часа назад в этой машине он был счастлив, два часа назад — взбешен, сейчас — растерян... Не жизнь, а «крутые горки»! Как жена выдерживает такой ритм — радуется, ревнует, огорчается... Он хотел поехать на работу, но решил, хоть и просила не приезжать, сначала заехать на обед к жене.

Сентябрь, накрапывал дождик, но родной дом все равно радовал уже одним своим существованием.

Войдя в дом, Глеб услышал разговор мужчины и женщины и напрягся — не ожидал гостей у жены! не снимая обувь, быстро вошел в гостиную и замер...

В камине горел огонь, уютно потрескивали дрова, в телевизоре шел какой-то «мыльный» сериал, а на разложенном диване, накрывшись пледом мирно спала его жена. Спала, под эмоциональные разборки героев, под жаркие всполохи огня, спала, не смотря на все произошедшие с ним события... И спокойный сон его беременной жены стал для Глеба самым важным, самым умиротворяющим для него — ведь вместе с ней спал и его сын, который скоро родится и за которого он будет нести ответственность — так же, как и его отец, фамилию которого он носит! И другой отец ему совсем не нужен!

Раздевшись, Глеб поставил в вазу букет, водрузил его на кухонный стол, пообедал, оставив на столе в контейнере обед для жены, и прилег на полчаса рядом с женой на диван, укрывшись ее пледом...

Здесь был его дом, его семья, его рай, и он хорошо понимал это, пройдя все жизненные испытания, и терять его он не собирался... Именно о таком спокойном, семейном рае он мечтал долгими, тюремными, беспросветными ночами! Лежать, обнимая свою любимую, смотреть на играющих на ковре детей и сознавать — вот оно счастье!

— Я скучала по тебе, — сонно прошептала Ирина, прижимаясь к мужу и обнимая его.

— Прости, что задержался, решал важные вопросы. Спи, моя родная, вечером я приеду,

и мы с тобой поужинаем... и даже не надейся, что я буду ночевать где-то отдельно от тебя! Ты моя...

Согласно покивав и пробубнив в ответ «А ты мой», Ирина уснула, а Глеб, полежав еще немного, осторожно встал и вышел из дома.

Остальные полдня он плодотворно работал на благо своей компании, изредка поглядывая на флешку с записями и удивляясь, как мог усомниться в порядочности и верности своей жены.

Всю обратную дорогу он просматривал записи, но не нашел ничего подозрительного и полностью уверовал, что ночью близости с горничной не было! И немного успокоился — хоть одно радостное известие. Прослушал разговор Дины с женой (обратив внимание, как Ирина слезно умоляла ее сказать правду) и пожалел жену...

«— Бедная моя девочка... так ревнует и переживает! Я от одного подозрения чуть отца не придушил, а перед ней не просто факт измены, а еще и ребенок — двое! Тут любая разобидится... даже видеть меня не хочет! Но я не могу тебя оставить одну, дорогая, придется тебе потерпеть мое присутствие в доме»

За полчаса до приезда домой он позвонил жене и предупредил, что подъезжает и везет ужин, чтобы она не заморачивалась с готовкой.

— Спасибо за цветы! — нежно проворковала Ирина, и Глеб почувствовал, что внутри у него все заволновалось, как при первом свидании.

Он вез ей не только ужин, но и кипу журналов по ландшафтному дизайну — их участок напоминал голое футбольное поле, а она так радовалась цветам на вилле.

Но следующие слова Глеба напрягли.

— Ты же прочитал мое сообщение... Прости, Глеб, но я хочу пожить одна...

На что озадаченный муж попытался надавить.

— Дорогая, в твоем положении оставаться одной очень... неправильно.

— Ты думаешь в моем присутствии я буду нервничать меньше?

Глеб задумался — раз она обиделась, будет дуться, молчать нервничать, а нервничать ей нельзя.

— Обещаю, что после ужина, ты меня не увидишь — будешь одна, я просто буду рядом. На ужин я везу твои любимые куриные тефтельки...

— Соблазнитель! — сдалась Ирина. — Хорошо, мы поужинаем вместе и обговорим условия моего одиночества.

— Согласен... только не пугайся моего вида — лицо чуть-чуть подпорчено.

— Что случилось? Ты подрался? — тут же заволновалась жена.

— С отцом выясняли отношения... дома расскажу.

— Приезжай скорее!

Войдя в дом, Глеб увидел встревоженную жену и улыбнулся — она его любит и переживает за него.

— Все в порядке! Не волнуйся.

— Я же говорила, что твое присутствие — сплошное волнение! — рассматривая его «боевые раны», Ирина недовольно покачала головой. — Ты, как мальчишка, Глеб! Ну разве так можно: губы разбиты, синяк на скуле, костяшки сбиты! Ужас! Как ты на работу завтра пойдешь?!

— Отцу больше досталось.

— Не знаю, что у вас произошло, но мне его не жалко!

— Что так, кровожадная моя?

— Он меня оскорбил: сказал, что я худая, неприспособленная, никому не нужная растратчица семейных денег.

— А ты растрачивала?

— Ну-у да... — кивнула головой Ирина, — на операцию дочери Дины.

— Этой девочке... — Глеб сник. — Ты из-за этого расстроилась и не хочешь меня видеть?

— Давай поужинаем, а потом поговорим...

За ужином Глеб (в домашней одежде — мягких брюках и футболке) непринужденно рассказывал о проведенном без нее времени на вилле, о строгости Тамары Леонидовны и о выученных Снежкой испанских словах — она уже во всю щебетала с местными жителями, спрашивая о здоровье и благодаря за угощения — как не угостить такое белокурое чудо! Тут Ирина внимательно посмотрела на мужа — ни тени ревности — значит, запретил няне и Тамаре Леонидовне выходить с виллы — вот и спокоен. Она слушала, слегка улыбалась и ждала окончания ужина. Она понимала его заботу и в тоже время ее раздражало нежелание делать так, как она хочет, но и его отъезд она восприняла бы двояко: с одной стороны — порадовалась бы, что он исполнил ее пожелание, а с другой стороны — обиделась бы, что он оставил ее одну. Вот такая она «двоякая»... Ждала и гадала: уедет или не уедет? Она хотела пожить одна, но, как только он вошел, поняла, что жить без него не хочет... тревожные мысли о нем не дадут ей желаемого покоя. И тогда она решила — пусть будет у нее на глазах, заботится о ней, но спать они будут в разных комнатах, а еще лучше на разных этажах, пока... пока они не поговорят откровенно, и он не расскажет ей правду о своих...

— Ты не волнуйся, сонечка, — заканчивая ужин и складывая тарелки в посудомойку, успокоил жену Глеб, — я не буду тебе мешать отдыхать и не потревожу тебя. Устроюсь в кабинете на диване и поработаю... Хочешь пригласим в дом помощницу, чтобы не оставаться днем одной?

— Которая будет, целый день меня донимать?! — поднимаясь из-за стола и переходя в гостиную, возразила Ирина.

Они сели на разобранный диван с разных сторон, Глеб попытался ее успокоить... прилечь, устроиться поудобнее, обнять.

— Тогда придется терпеть мое присутствие — буду приезжать домой на обед, а остальное время до вечера ты будешь одна! Никаких волнующих разговоров и обсуждений.

— Не получится... Нам надо откровенно поговорить, чтобы прояснить ситуацию...

— Если ты про Дину, то я с ней не спал, — напрягся Глеб, настроение сразу поползло вниз. — Получу ответ на тест и поговорим.

— Я про Лену — жену Стаса и про Веру... Хочу знать, что у тебя с ней произошло три с половиной года назад в тот день, когда ты пришел домой поздно, пьяный, и меня увезли в роддом...

45

Глеб встал с дивана и, молча, заходил по гостиной — такого разбирательства он не ожидал.

— Вряд ли ты забыл, что тогда произошло... — тихо произнесла Ирина, опуская глаза в пол, чтобы не смотреть на виновато-растерянного мужа.

Остановившись напротив поникшей жены, Глеб не знал на что решиться: с одной стороны волновать ее было нельзя, а с другой стороны откровенно поговорить надо было

уже давно... Он встал перед женой на колени, обнял ее ноги и признался:

— Прости, родная, я тебе изменил с ней... Надо было сразу поговорить об этом, признаться, попросить прощения... но ты была беременна, и я видел, как ты испугалась этого разговора и моего признания... я испугался... испугался за тебя, за ребенка... и за себя... что ты меня не простишь и уйдешь от меня со Снежкой... и у меня не будет вас. Прости. После этого случая... я тебе ни разу не изменил.

Глеб ткнулся лицом ей в ноги, ожидая, что она хоть как-то отреагирует на его признание, но она сидела как замороженная.

— Почему? — тихо «заморожено» спросила она. — Ты меня не любил?

— Любил... — не дождавшись прощения, Глеб поднялся и вновь заходил по гостиной. — Ты хочешь узнать почему... так случилось?

Она кивнула головой и жестко уточнила:

— Почему ты мне изменял?

Ее слова неприятно корябнули по сердцу — она делала больно себе, ему и множественное число — она знала, что он ей изменял...

— Хорошо, я скажу правду, — Глеб обеспокоенно посмотрел на жену — она на него не смотрела, сидела уставившись в пол и не шевелилась. — Только, пожалуйста, помни, что я тебя люблю... и жить без тебя не могу... и что я тебе больше никогда не изменял.

— И я тебя люблю... и я без тебя жить не могу... и я знаю, что ты мне больше не изменял — сердце у меня больше так не болело, как в тот раз...

— И еще... секс для мужчин и отношения — разные вещи: секс — физиологический сброс напряжения, а отношения — это чувства... если это совпадает — это любовь.

— Для женщин секс — это отношения.

— Да, из-за этого непонимания между мужчинами и женщинами возникает много проблем...

— Нет, — не согласилась Ирина. — Просто тогда не надо жениться и клясться в верности — женщина сама решит нужны ли ей отношения с таким непостоянным мужчиной.

— Может, ты и права... — нехотя согласился Глеб.

Ирина замерла и настороженно посмотрела на мужа.

— Ты хочешь сказать, что... нам не надо было жениться?

— Возможно, не надо было... надо было пожить для себя, а не заводить ребенка.

— Как? Не надо было рожать Снежку?

— Успокойся, пожалуйста! Я говорю о том, что ребенка мы родили слишком рано — надо было лучше предохраняться, — Глеб пошел на кухню и вернулся с таблеткой и стаканом воды. — Выпей!

Ирина послушно выпила успокоительное.

— Если ты будешь так реагировать на мои слова, нам придется отложить разговор до твоих родов.

— Хорошо, я постараюсь держать себя в руках. Так ты считаешь, что не надо было рожать ребенка так скоро?

— Да... Я рад, очень рад, что у нас дочка! И что сынок будет рад! Но ты хотела честности и откровенности в наших отношениях... Да, я думаю, что сначала надо было наладить нашу сексуальную жизнь, а потом уже заводить детей!

— Но ты сам... спешил пожениться.

— Нет... — Глеб остановился и посмотрел на жену — зачем она захотела все разворошить? — меня торопил отец — «поженитесь, будет у вас семья, родятся дети — дам денег на свое дело!».

— Ты женился на мне из-за... денег на фирму?

— Ир, не выдумывай! Я женился, потому что влюбился в тебя!

— И я в тебя...

— Когда мы познакомились — тебе девятнадцать, мне двадцать четыре... до тебя у меня была бурная сексуальная жизнь, а тут облом... после того, как ты мне отдалась, сексуальная жизнь появилась... но мало и не регулярно — раньше я трахался два-три раза в день, а с тобой два-три раза в неделю... Чувствуешь разницу?

— Ты не говорил, что не доволен...

— Во-первых, ты не спрашивала, во-вторых... прости, Ириш, но ты была девственницей... и ни хрена не умела!

— Я не знала, что тебе со мной плохо... — Ирина закрыла лицо руками.

Глеб подошел сел рядом, прижал к себе. Разговор постепенно стал откровенно-задушевным для обоих: всплывали неразрешимые проблемы, сожаления и непонимание друг друга — она корила себя за невнимание к нему, он ругал себя за эгоизм и отсутствие ответственности, понимания и жалости к ней...

— Дурочка! Мне с тобой было хорошо! Просто мало!

— Почему ты откровенно не поговорил, не настоял?

— Ты вспомни, как ты училась — то курсовые, то сессии, то экзамены.

— Помню, я засыпала на ходу...

— А потом ты забеременела и решила рожать, даже не спросив моего согласия.

— Ты не был против! — напомнила Ирина.

— Не против... А мое мнение ты спросила? — хмыкнул Глеб. — Ты тогда сказала, что лучше разведешься со мной, чем сделаешь аборт — и я, конечно, согласился на ребенка — я тебя любил и о разводе не могло быть и речи. А потом начался... в общем, секса не стало совсем.

— Да-а... меня тошнило три месяца, потом я ползала без сил, как сонная муха, таскаясь на лекции и пытаясь что-то сделать по дому и что-то приготовить...

— Ты не успевала ни то, ни другое, ни третье — Тамара Леонидовна нам готовила, приходящая домработница убирала, а после института ты падала на кровать и засыпала еще в полете. Какой уж тут секс.

— Да-а, признаю, все так и было... первая беременность давалась мне не легко.

Воспоминания объединила их, напомнили, что они близкие люди и уже долгое время вместе.

— Я это видел и жалел тебя... Я терпел сколько мог, но иногда срывался... редко. Прости! Сейчас я понимаю, что поступал, как сволочь — жена мучается, вынашивает моего ребенка, а я... свои удовольствия справляю... Прости меня! Я был эгоистом и сволочью! Но тогда я считал, что одноразовый секс — это не измена! Это просто — физиологический сброс напряжения — рукой же я разряжаюсь, а с женщиной приятней — адреналин, гормоны, к тому же с резинкой... Оправдывал свою похоть, ну не готов был я нести ответственность за тебя, за ребенка — я со своими то сексуальными потребностями не справлялся... Мне не хватало секса! Катастрофически не хватало! Но я ни разу не завел отношений на стороне: не поцеловал другую женщину, ни ласкал, ни называл ласковыми

именами, даже не старался доставить ей удовольствий — это был просто секс — только для меня — тупой, жесткий разряжающий секс... одноразовый с резинкой.

— Почему я не замечала твоего состояния?

— Ты со своим состоянием едва справлялась.

— Все равно, ты должен был мне сказать... Мы бы что-нибудь придумали бы.

— Ни хрена бы мы не придумали... ты была неопытной, замученной девчонкой, я — сексуально-озабоченной эгоистичной сволочью... Прости, но нам рано было жениться и заводить детей — надо было пожить вместе, для себя, года три, натрахаться всласть, потом пожениться, а еще через пару лет детей уже заводить — тебе в двадцать пять, мне — в тридцать! Тогда все было бы по-другому — мы бы повзрослели, у нас была бы нормальная сексуальная жизнь: я бы тебя всему научил и остепенился, и любовь бы наша окрепла! Я так считаю! А так видишь, что получилось... Мы сами тогда были еще «дети», а у нас уже ребенок появился, — Глеб повздыхал, погладил жену по спинке, успокаивая, поцеловал в волосы, готовясь к самому неприятному рассказу. — В тот день... когда тебя увезли... мы подписали контракт, выпили, а когда все разъехались, она ко мне и подкатила, сначала я ее послал — отец учил: на работе и дома никаких перепихов, но против минета не устоял... Прости! Потом долго не хотел домой идти, пил... впервые совесть проснулась, чувствовал себя предателем, и жутко боялся, что ты все узнаешь про это, не простишь и уйдешь... Ир, я тебя тогда тоже любил! Честно, любил... только не так как сейчас... если бы не простила и ушла, то страдал бы, ревновал, прощенье вымаливал... Это я сейчас тебя никуда не отпущу, потому что жить без тебя не смогу — лучше сразу... а тогда... вернулся домой, посмотрел в твои глаза... меня, как током шарахнуло — сразу протрезвел и понял, что все про меня знаешь и больше не простишь, уйдешь из моей жизни со своей любовью ко мне и с моим ребенком и останусь я один со своим дрёбанным, одноразовым сексом... завыл бы от страха и тоски по тебе, захотелось броситься тебе в ноги и прощения просить, а ты так безысходно плакать и кричать начала, словно жуткую весть получала, падать... подхватил тебя, «Скорую» вызвал, пока ехали, как я только себя не материл, каких клятв не давал — боялся что с тобой или с дочкой что случится, не простил бы себе никогда... Знаешь, я за эту ночь лет на десять сразу постарел: было двадцать семь — стало под сорок... Потом, когда узнал, что с вами все в порядке, понемногу отходить стал. Мне ведь никто кроме тебя не нужен был! И подумал, чего я на сторону гляжу, когда любимая женщина рядом — в мансарде ремонт затеял — спальню для занятий любовью с тобой готовить начал... Прости за подробности — куклу себе резиновую купил — с ней и разряжался до твоих родов.

— А потом в первый же день после выписки нанял няню Снежке, а меня в мансарду потащил и на меня там набросился... «Расслабь горлышко, любимая... И губками плотнее обхватывай...»

— А ты как хотела! Столько терпел... ждал и мечтал, когда мы с тобой уже настоящими любовниками станем — чтобы секса было сколько пожелаем и никаких запретов и ограничений.

— Да, мы стали настоящими любовниками... вернее, в нашей комнатке мы любовники и занимаемся сексом — ты страстен и неутомим, и мне не надо никого другого!

— А в спальне мы любящие супруги и занимаемся любовью...

— Просто в спальне нельзя шуметь и кричать, а в мансарде хорошая звукоизоляция — ты все предусмотрел.

— Я старался.

Ирина обняла мужа, подставила губы для поцелуя.

— Я тебя очень люблю и понимаю, что за отношения всегда отвечают двое, но... сегодня я хочу поспать одна. Хочу подумать.

Поцеловав жену, Глеб кивнул.

— Я понимаю. Не буду тебе ничего больше рассказывать, но ни с Диной, ни с Леной у меня ничего не было. Ни с кем не было — ты меня зря ревнуешь!

— А Лена сказала Стасу, что было — и ребенок у нее не от мужа — они думают, что от тебя!

— Ни хрена себе! Вот, значит, в чем он меня обвинял, а я все никак понять не мог... Она попыталась меня соблазнить, но я не поддался.

— Ты хочешь за это медаль?

— Я хочу страстный секс в нашей комнатке в мансарде!

— Сегодня тебе придется развлекаться со своей резиновой подружкой!

— Я ее давно выбросил!

— Ничем не могу вам помочь! Спокойной ночи...

И чмокнув мужа в щечку, Ирина ушла в спальню...

46

Глеб

Иришка ушла, лег на диван, руки за голову заложил, прикрыл глаза и начал вспоминать...

Первый и последний загул...

Зачем пошел налево? Ведь только женился... Алка, сука, увидев нашу роскошную свадьбу, решила меня соблазнить и вернуть... Нет, надо раньше... С Алкой мы трахались почти год — секс был классный, но отношения (трахаться трахались, а вместе не спали — у нее работа, у меня работа, да и спать в одной кровати считал очень личным) не перерастали во что-то серьезное: подарочки, рестораны, бары, клубы за все платил, но не содержал. Алка предложила жить вместе, потом со временем пожениться, я задумался: девка красивая, секс классный, но отец отговорил: «Жить надо с той, с которой хорошо жить, а с той, без которой ты жить не можешь! Согласится она жить с тобой на твою зарплату?» и перестал давать мне денег. Зарплаты даже на мои расходы не хватало — клубы, рестораны, подарки закончились, через два месяца ни о каком сексе речь уже не шла, тем более о «жить вместе»... Алка разорвала со мной отношения, прокричав в след, что ей предложили выбор: стать совладелицей свадебного салона или остаться с ним — она выбрала салон и что без денег папаши я никому не сдался — дур таких не осталась любить нищеврода! к тому же я кобель, озабоченный эгоист и жадная сволочь. Меня это здорово задело: выбрала деньги, а не меня — ножом по сердцу полоснула!

— Меня что, правда, полюбить нельзя без твоих денег? — спрашиваю у отца, а сам начинаю понимать, что Алка права — я и кобель, и сволочь эгоистичная, только себя люблю и для себя стараюсь. — Может, мне жениться, чтобы всем доказать, что влюбился и меня полюбили...

— На зло бабке уши отморожу? Как потом с нелюбимой женой жить будешь? — засмеялся отец. — погоди, сын, придет твое время — женишься по любви, и все тебе завидовать станут — так тебя жена любить будет.

— Где такую найдешь, чтобы нищеврода полюбила и замуж за него пошла — я без твоих денег и, правда, ноль!

— Погоди немного, все у тебя будет: и бизнес, и любящая жена, и детки...

Перед 8 Марта зашел в кабинет, отец стоит у стола, в телефоне что-то смотрит, подошел, через плечо заглянул и замер — девчонка, как девчонка, а глаза чистые, наивные — смотрит, как будто прямо в душу заглядывает и улыбается радостно, как любимому... аж дух перехватило.

— Это кто такая? — шепчу.

Отец вздрогнул, телефон убрал, повернулся, нахмурился.

— Возьми деньги в столе и вали! Эта девчонка не для тебя! Тебе нужны постарше, посерьезнее, с жизненным, сексуальным опытом... грудастые и без предрассудков. А эта... пусть растет, подальше от тебя.

— Почему? Я тоже хочу чистую и неопытную, чтобы любила меня без памяти...

— А дальше? Ну, влюбится она в тебя, голову от любви потеряет, отдастся тебе охламону, а ты ее на следующий день бросишь — к своим опытным поскачешь, а девчонке сердце разобьешь и веры в людей лишишь. Нет, не отдам я тебе ее на растерзание — похоти твоей на забаву. Бери деньги и забудь о ней!

— Я что влюбиться не могу?

— Нет! Как там в кино говорили: «У тебя не сердце, а насос для перекачивания крови!» Ты любишь только себя! Глеб, я тебя, как сына, прошу — оставь девочку в покое! Рано ей еще в такого незрелого, безответственного мужика влюбляться!

— Значит, так ты обо мне думаешь?! Незрелый, безответственный эгоист! Поэтому и денег мне на бизнес не даешь?

— Дам я тебе денег и машину новую куплю — только отстань от девчонки!

А меня, как переклинило — ни денег, ни машины не надо — хочу, чтобы она в моих объятиях лежала, отдавалась мне, и шептала, что любит! Никто мне такого не шептал, а она будет... не из-за денег меня полюбит, отдастся мне, и сердце мое раненое залечит своей любовью!

Вот как я подумал, увидев впервые Иришку!

А на деле вышло все по-другому...

Целый месяц отца упрашивал сказать кто такая — не сдал. Потом случайно в его столе в офисе нашел фотку с номером телефона на обратной стороне, узнал кому принадлежит телефон, нашел адрес... с утра сел на против подъезда, выходит: куртка, кроссовки, хвост на макушке — даже не узнал поначалу — обыкновенная девчонка-студентка, шла, шла вдруг у газона присела, засмеялась, вскочила и побежала к метро... подошел к газону, посмотрел — цветочки желтенькие малюсенькие... и тут дошло — первые цветочки! она увидела и обрадовалась. На следующий день подкатил на «Мерсе», дверь открыл пассажирскую, кричу:

— Привет, красотка! Запрыгивай!

Все «запрыгивали», а эта... с таким презрением посмотрела, будто я на телеге подъехал, и дальше пошла. Неделю ее караулил, пытаюсь подвезти — так и не села в машину. Пришлось следующую неделю до метро ее пешком провожать — хожу за ней и не знаю, как познакомиться, как пацан робею под ее презрительным взглядом — на снимке она совсем другая и перед цветочками другая, а со мной... Что со мной не так? Целую неделю напрасно ждал, а потом понял, что она к метро ходит другой дорогой и стал встречать ее у подъезда. После месяца безрезультатных провожаний, она сама подошла.

— Вы за мной не ходите, — тихо так, вежливо попросила. — У меня времени на несерьезные отношения нет!

— А на серьезные? — спрашиваю.

— Ну, вы же на мне не женитесь!

— Женюсь.

Она помолчала.

— Вы разве меня любите?

— Люблю! — что еще мог сказать. — Как увидел, так и влюбился.

— Вы меня обманываете! — улыбается. — Вы интересный, самостоятельный, деловой

— вам в жены нужна красивая, независимая, богатая, а я другая — я вам в жены не подхожу.

Что мне оставалось делать?..

— Почему вы думаете, что я деловой и состоятельный — я простой водитель. «Мерс» не мой.

И тогда она на меня посмотрела, как на снимке — светло, радостно и улыбнулась... Еще месяц я за ней ходил: скромные цветочки дарил, в кафешки, в кино водил, потом поцеловались — так неумело и трогательно, что меня не страстью, а нежностью прошибло, захотелось ее на руки взять и нести, а еще через два месяца в любви признался и замуж позвал, отдалась мне до свадьбы... после нашего первого поцелуя я в ее любви просто купался — своей любовью она мои сердечные раны залечила...

Отец по заграницам мотался — контракты подписывал, вернулся и узнал про нас — никогда он на меня так не орал, как в тот раз, по роже нахлестал и заставил жениться... я и сам хотел жениться — влюбился (чего от себя и не ожидал), но попозже — хотел годок вместе пожить, а потом окольцеваться, но отец не разрешил.

— Я тебя просил ее не трогать! Не послушался — теперь женись! С порядочными девочками так не поступают! Признавайся ей в своем вранье — плохо, что ты вашу жизнь с обмана начал, и женись! Обидишь ее или огорчишь — пожалеешь!

Сгреб меня в охапку и поехали с невестой знакомиться.

Денег на свадьбу отвалил немерено — я настоял, чтобы платье в Алкином салоне купили — самое дорогое!..

Вроде, женился по любви — жена глаз с меня влюбленных не сводит, а я как вспомню Алкино предательство, со дна души такая муть поднимается — ведь не любил я ее, а предательство забыть не могу! Перед самым отъездом в свадебное путешествие она мне позвонила, пригласила поговорить, я пошел, а сам уже на взводе... Она меня встретила, поздравила, шампанское налила, а у самой глазки бегают — точно что-то задумала... в салоне никого — мы вдвоем... и камеры, обниматься полезла, целоваться... в кабинет меня потащила на диванчик... под камеры, шепчет: «Соскучилась»... мимо подсобки по коридору проходим, я дверь рванул, ее в подсобку толкнул, задрал подол и отжарил так, что она от боли визжала, а потом достал сто долларов, скомкал и вместе с использованным презиком ей в рот запихнул... бросил через плечо: «За секс уплачено» и ушел из салона... на душе полегчало, и я об Алке и ее предательстве тут же забыл — о том, что изменил жене совсем не подумал — одноразовый секс не измена... так я считал, а на следующий день мы с Иришкой улетели в свадебное путешествие — две недели вдвоем на островах...

Теперь я понимаю, почему отец так трепетно к Иришке относился — жениться заставил, измены мои прикрывал, чтобы ее не огорчать, защищал меня перед ней и заботился о ней, как настоящий отец...

А последний загул...

Только Верку к себе на место Ольги взял, а тут контракт выгодный, выпили

расслабились, все разъехались, а я на диване придремал... проснулся от того, что меня кто-то целует... с языком, Верка сидит на мне верхом, кофта расстегнута, сиськи наружу, трется об меня, я сначала завелся, но отец учил: «на работе и в доме никаких перепихов — все об этом будут знать», и я Верку с себя столкнул, сел на диване, но она не отстала, на колени передо мной встала, рот открыла, языком губы облизнула, ремень расстегнула, молнию, брюки с трусами стащила... начала минет делать... давно у меня такого не было, сижу млею от удовольствия... но в конце что-то на меня нашло — такая злость появилась, придушить ее захотелось... схватил за затылок, прижал, не даю двигаться, а сам поддаю в глотку, она толкается, хрипит, а я смотрю в ее перепуганные глаза, держу и кончаю... двойное удовольствие получаю: от секса и от ее наказания за непозволительный секс со мной... отпустил, она бледная, хрипит, слезы из глаз, слюни изо рта... отползла подальше, смотрит на меня со страхом. Встал, брюки натянул, достал пятитысячную, смял, Верке в лицо швырнул.

— За одноразовый секс и за моральный испуг... Вон пошла!

Ее как ветром сдуло.

Остался один в кабинете, на душе кошки скребут, все удовольствие от секса ушло — мерзота и погань осталась, совесть в душе лютует, и тоска сердце изнутри гложет... достал бутылку вискаря, начал пить, а не чувствую, что пью, и не помогает забыться...

— Сволочь ты, Глеб! — ору на себя. — Тебе бы так хоть раз жена изменила! Как бы ты себя чувствовал? Или один раз не пи*ораст? Как бы ты с ней в кровать ложился, если бы знал, что ее другой мужик до тебя драл? Сволочь ты! Жена ребенка вашего носит, а ты...

Поехал домой и всю дорогу, себе оправдания придумывал, не придумал, а дома... посмотрел в ее испуганные глаза и понял, что она все знает о моей измене, плачет, кричит, пятиться от меня, будто я не просто ее по сердцу ножом полоснул, а нож этот ей прямо в сердце всадил... по самую рукоятку... падать от боли начала, подхватил на руки, положил на диван, руки трясутся, «Скорую» вызвал, а она смотрит на меня с презрением и болью, молчит, ни капли любви в ее взгляде, как я привык видеть... Что же я творю? Ведь не простит! Уйдет! Что я тогда без ее любви делать буду со своим одноразовым сексом? Многоразовый заводить? Но никто мне кроме жены не нужен! Только ее хочу! Только ее люблю! Только с ней хочу в обнимочку засыпать! Осознал это, только когда представил, что потерял ее... Пока вез ее в больницу в чем только не клялся, в чем только не обвинял себя, какие только обещания не давал! А она смотрит и молчит... ни слова не сказала... пока ехали и в палате... я ее за руку держу, а она не шевелится, смотрит в глаза, не отрываясь... я под этим взглядом Алку вспомнил: она меня только ранила своим предательством, а я свою жену своей изменой почти убил...

Вошел в палату отец, под руку меня со стула поднял, в коридор вывел, к стенке прижал, за горло схватил...

— Ты что натворил, сученок? Опять по бабам таскаешься?! Я тебя просил Ирку не трогать! Ты клялся, что ее любишь и не обидишь! Я тебе поверил, разрешил вам пожениться, а ты все не нагуляешься! Больше я тебя прикрывать не буду — не угомонишься, разведу вас к чертовой матери! Сам буду их обеспечивать и близко тебя к ним не подпущу! Не ценишь свою семью — мотай за границу, живи там, а Ирке скажу, что ты на машине разбился! Поплачет-поплачет, другого полюбит, который будет ценить ее любовь! Дурак ты, Глеб! Любовь вашу на одноразовый секс размениваешь! Кто на этот раз?

— Верка...

— Сволочь ты! Нашел с кем пакостить — шлюху не мог вызвать — эта в тебя теперь мертвой хваткой вцепится! Откажешься ее содержать — Ирке обязательно доложит! Слишком дорого мне твои блядки обходятся! Последний раз тебе помогаю — только потому, что Ирка ребенка ждет и волноваться ей нельзя! И не вздумай жене признаваться в своих загулах! Если с ними что случится — не прощу! Лучше сразу в монастырь уходи грехи замаливать, а то сам тебя за Можай загоню, вместе с твоей мамашей...

Оставил меня отец, пошел в палату, у кровати присел, стал Иришку расспрашивать, успокаивать. А меня ноги не держат — так переживаю за них, опустил по стеночке, сижу на корточках, руками лицо тру... сил нет подняться — чувствую себя стариком столетним... А потом решил, что всё! С прежней жизнью покончено! Если простит — ни разу не изменю! — буду налаживать наши отношения — ведь мы любим друг друга! Решил и пошел к жене в палату, она на меня смотрит с надеждой и ожиданием, как приговоренная к смерти, подошел, взял ее руку, поцеловал, шепчу:

— Прости меня, родная... Я тебя люблю!

Она ресничками одобряюще взмахнула и улыбнулась...

47

Вспоминая первый и последний свой загул, про отца вспомнил, про свое желание их помирить и про обещанный тест с Иришкой. Воровать утром ложку со слюной не хотелось — задолбался с этими тайнами разбираться!

Встал пошел к жене в спальню, постучал, вошел, она голову от подушки оторвала...

— Что, без меня спать не можешь?

— Да нет... — вздохнул, — об отце надо поговорить.

— Я на него сержусь!

— Вот, как раз об этом, и поговорим... Ты не устала?

— Не устала... только ты ложись.

— Голеньким в кроватку?

— Одетым на одеялко!

Повздохнул, лег рядом одетым на подушку и попросил:

— Можно я разделюсь и лягу под одеялко — приставать не буду.

— Ладно... но не приставать — я на тебя тоже сержусь!

— Сердитая ты моя! — быстро разделся, лег в кровать, накрылся — благодать... еще бы жена обняла и совсем хорошо было бы. — Давай начну с начала, как я расстался с бывшей, с которой хотели жить вместе...

Рассказал все про Алку, не упоминая о «первом загуле», что чувствовал после ее предательства, как отец меня подбадривал, успокаивал; про то как увидел ее фотку, просьбы отца тебя не трогать, мои поиски ее и свое вранье; про недовольство отца и его настояние женить их; про его помощь ему во всем; про поездку к матери рассказал и о своей беспочвенной ревности, когда прочитал «непонятный» тест отца и девочек — подумал... черте что подумал и поехал к отцу разбираться...

— Это что... ты подрался с отцом, приревновал меня? — искренне удивилась жена, потом даже обиделась. — Ты подумал, что я тебе изменяю?

— Ну-у... в общем да. Прости! — признался, что ревную ее. — Мать еще наговорила про вас, и тест показал, что он родной только Снежки...

— С тестом я тоже ничего не поняла.

— Вот мы и хотим с отцом сдать всем нам — нашей семье материал и проверить кто

кому и кем приходится — может, сразу и найдем ошибки в тесте! Ты как, не против?

— Ложечку облизать? — усмехнулась. — Не против.

Помолчал, представил, как с женой обниматься будем, а потом...

— Ириш, а когда ты меня уже совсем простишь, и мы с тобой мириться начнем...

Только учти, конфетка, до тридцать второй недели, когда еще можно заниматься осторожным сексом, осталась совсем мало времени, потом нам придется искать «альтернативные варианты»!

— Я подумаю...

— Скоро вернется Снежка с Тamarой Леонидовной и няней, и тебе станет повеселее.

— Это хорошо! Я соскучилась. А на счет «простить»... я тебя уже простила — еще тогда в больнице, когда ты попросил тебя простить тебя... «Прости меня, родная... Я тебя люблю!». Простила... хотя это очень больно и обидно — знать и прощать, и с этого времени стала ревновать тебя, поняв, что ты мне изменил, и это может повториться...

— Я тебе больше не изменял!

— Да... Но надо было об этом откровенно поговорить, успокоить меня, убедить. Я увидела, что ты изменился — сменил свой пижонистый двухместный «Мерс» на джип, но не сказал об этом ни слова...

— Понятно, почему ты меня ревнуешь... Больше не ревнуй!

— Я постараюсь... Но ты тогда тоже не ревнуй, а то такого натворишь!

— Я тоже постараюсь... хотя с большим трудом. Раньше бы была наивная, симпатичная девчонка, а теперь стала красивой женщиной! За тобой нужен глаз да глаз, а то умыкнут!

— Не знала... Спасибо... А теперь спать.

— А поцелуй на ночь?

Жена нежно поцеловала меня в губы, но от моего страстного поцелуя отстранилась...

48

— Ириш, про ложечку не забудь! — напомнил Глеб после совместного завтрака. — При мне оближи, чтобы я видел.

— Ты мне не доверяешь? — удивилась Ирина.

— Поверь, это очень серьезно! Когда придут результаты, ты очень удивишься...

— Опять тайны!

— Нет, разгадка!

Ирина на глазах мужа взяла в рот ложечку, вынула, положила в пакетик и отдала мужу.

Взяв «образец № 5» и поцеловав жену в щечку — показал, что и он «обиделся» на нее за то, что она ночью ушла спать на диван в гостиную, Глеб поехал в центр акушерства, чтобы заказать еще тесты: на семейное родство и на отцовство — только теперь своего отца и своей жены! Как он будет называть своего отца, если тест подтвердится?

Отдавая образцы для теста, Глеб замешкался...

— Ваш паспорт! — напомнила медсестра.

Глеб замер... Где и когда ему вот так же говорили: «Ваш паспорт»? Когда-то совсем недавно... или давно... Он протянул свой паспорт, и все оформил, и все оплатил, но эта мысль о паспорте, как заноза, засела у него в мозгу и не давала сосредоточиться. На обед домой он не поехал, но освободился пораньше и привез букет роз и ужин из ресторана.

— Ты мне не дашь пожить одной? — насторожилась Ирина.

— Даже не мечтай! Ты взрослая женщина и должна понимать, что здоровье и безопасность ребенка на первом месте, — не поддался Глеб, — а потом уже твои обиды и

капризы.

— А как на счет...

— Спать вместе? — продолжил Глеб и улыбнулся: — Я подожду, когда ты позовешь меня в нашу спальню...

Ирина кивнула и уткнулась в тарелку.

— Пойдем погуляем по участку, — неожиданно предложил Глеб после раннего ужина. — У меня появилась одна превосходная идея.

Одевшись потеплее, они вышли на улицу, прогулялись по неухоженному участку, осмотрели детскую площадку, посидели и покачались на садовых качелях, и, вернувшись домой, Глеб вручил жене кипу журналов. Ирина была в восторге.

— Глебка, ты молодец! Я давно хотела заняться дизайном участка!

— Вот и занимайся, — он довольно улыбнулся, глядя как жена устраивается на диване с журналами и с интересом начинает их перелистывать, забывая о своем желании пожить в одиночестве в далеке от него — он будет каждый день устраивать ей маленькие, приятные сюрпризы, и она просто не сможет обходиться без него! — Я перевел деньги на общий счет — так что, трать!

Ирина подняла голову и внимательно посмотрела на мужа.

— Я опять буду зависеть от тебя в денежных вопросах?

— Мне бы этого хотелось!.. — ответил Глеб и понял, что отец прав — она изменилась. — Но учитывая минувшие события... на крайний случай — код наших сейфов в доме и в квартире месяц и год нашей встречи — можешь пользоваться наличкой.

— Спасибо... за доверие. А как насчет моей работы?

— Ну-у... давай поговорим об этом после рождения сына.

Ирина кивнула и углубилась в чтение, а Глеб отправился в кабинет устроился на диване (с ногами), включил комп и снова стал внимательно просматривать записи с камер наблюдения в особняке в ту январскую ночь, чуть не закончившуюся для него, да и для нее, трагедией...

Теперь он внимательно просматривал все записи, а не только из комнаты прислуги, когда он спал, а его снимали на телефон в разных эротических позах, рассчитывая потом отослать снимки его жене и разрушить их брак. Он опять не нашел ничего подозрительного, кроме минутной записи из столовой... Инесса Сергеевна подошла к стулу, на спинке которого висел пиджак сына, произвела какие-то манипуляции, скрытые от камеры наблюдения ее фигурой, что-то положила в карман домашнего платья и вышла из столовой.

Глеб откинулся на подушку и, прикрыв глаза, задумался...

«— Что она могла делать около моего пиджака? В пиджаке был телефон, портмоне, кошелек... Что еще? Стоп! После разбирательства отец повез меня домой на его машине. Водитель-охранник отца ехал за нами... Два дня мы отдыхали с женой, отправив Снежку к бабушке (вернее, занимались любовью днем и ночью, помню, как я с энтузиазмом замаливал неслучившийся грех, радуясь, что избежал пьяного вождения), а потом на работе обнаружил пропажу паспорта... Паспорт пропал! Попросил поискать паспорт жену в доме, а потом позвонил матери — паспорт оказался у нее — лежал в кабинете отца на письменном столе... Как он там оказался? Она надеялась, что я сам приеду за ним, и мы поговорим, но я послал за паспортом водителя... И что это дает? Мой паспорт находился несколько дней у матери...»

«— Ваш паспорт!»

Он вспомнил, где и кто ему так говорил! Глеб вскочил с дивана, бросился к телефону, стал искать нужный номер.

— Это Глеб Левицкий. Хотелось бы уточнить кое-что о криохраниении моего биологического материала...

— Глеб Левицкий... — повторила медсестра криоцентра. — Вы забрали биоматериал, расторгли договор и забрали.

— А когда я расторг договор и забрал биоматериал? — очень удивленно переспросил Глеб.

— Седьмого января этого года. И оплатили перевозку в медцентр для ЭКО.

— Вот это я дал... А в какой центр?

Медсестра продиктовала адрес доставки.

Глеб записал и задумался, вспоминая...

«— Отец улетал пятого января, меня «усыпили и спать уложили» в ночь в пятого на шестое, шестого я проснулся, понял, что изменил, напился в машине, вернулся отец и начал разбираться... Шестого я трезвел, седьмого и восьмого замаливал «не случившийся загул», девятого поехал на работу, а десятого обнаружил отсутствие паспорта. Значит, с вечера пятого и по вечер десятого паспорт был в доме... в руках матери! Конечно, я поеду в этот медцентр и узнаю, когда и кому проводили ЭКО с моим биоматериалом, но и дураку понятно кому — Дине, и кто — моя собственная мать за эту аферу платила. Чего она добивалась? Не получилось естественным путем оплодотвориться решили искусственным забеременеть! И это моя собственная мать! За что она так со мной? Сознать, что ты изменил, чувствовать себя предателем и вруном, а потом мучиться ответственностью за нежелательную беременность случайной партнерши... За что она меня хотела обречь на такие «муки»? Хотя... почему меня?! Я в этой игре всего лишь — слабое звено! Это все разыграно было для того, чтобы нас с Иришкой развести! И фотки, и ночной перепих, и последующая за перепихом беременность... Все для того, чтобы нас развести и убрать Иришку от меня! Она знала! Знала, кто Иришка такая! И мстила отцу и моей жене! Нет, не так — мстила своему мужу и его дочери! Пи*дец, как все запуталось! Отец умолял меня не трогать Иришку — не хотел, чтобы его дочь в нашу семью впутывалась, а я не послушал... Но тогда бы я не нашел свою любовь! Нет, не так — тогда бы мы оба не нашли нашу любовь!»

Глеб поспешил в гостиную. Ирина увлеченно просматривала журналы.

— Ириш, я разгадал тайну и заслуживаю... поощрения!

— Как собачка — вкусняшку из пакетика? — иронично поинтересовалась жена, не отрываясь от журнала.

— Ну-у, почему, как собачка?

— Потому что за раскрытия тайны надо требовать медаль или денежное вознаграждение!

— А если мне медаль и деньги на хрен не нужны? Мне нужен секс с тобой!

— Вот и требуй секс в награду!

— Требую секс!

— Я подумаю.

Ирина засмеялась и посмотрела на мужа счастливыми глазами — наконец-то он становится прежнем: заботливым и в то же время эгоистичным, серьезным и в то же время ироничным, жестким и страстным... она безумно соскучилась по бурному, многообразному

сексу с ним, по его ласкам и новым экспериментам с позами и получением удовольствий...

«— Еще три месяца и недели две на восстановление... Ужас, как долго! Но подожди, любимый экспериментатор, я тоже обязательно что-нибудь придумаю... чтобы «наказать» тебя, не лишая себя удовольствий от секса с тобой»

— Рассказывай свою раскрытую тайну, — откладывая раскрытый журнал в сторону, Ирина прилегла на диване и похлопала по местечку рядом.

— Сначала секс! — подходя к дивану и жадно поглядывая на жену, выдвинул требование «хранитель тайны».

— Ага, нашел дурака! Вдруг это никакая ни тайна, и никакая не разгадка!

— Ты меня не обманешь?

— Ну-у, не знаю... я же на тебя как бы сержусь!

— Вот! Давай разберемся из-за чего ты на меня сердишься — из-за ребенка Дины! Я тебе сказал правду — я с ней не трахался!

— А откуда же тогда дети?

— Из пробирки!

— Я уже думала об этом — не получается... Ты знаешь, сколько стоит экстракорпоральное оплодотворение — тысяч сто, а то и больше! Всякие исследования, гормоны, яйцеклетки, сперматозоиды, заборы и подсадки! Ужас! К тому же, обязательно наличие обоих супругов: забор яйцеклеток, сдача спермы — вряд ли бы ты забыл эту процедуру.

— Я и не знал о ней — без меня, меня женили! Причем развели, как лоха! И кто бы ты думала? Моя собственная мать!

— Ты хочешь сказать...

— Да! Не получилось подложить под меня Динку, украла мою сперму!

— И как же она умудрилась это сделать? — хмыкнула Ирина.

— Запросто! — рассказывать о проступке матери Глебу не хотелось, но восстановить мир в семье было просто необходимо, и это перевешивало всё остальное. — Украла мой паспорт и выкрала мой биоматериал из «морозильного» центра.

— Ты замораживал...

— Ну да! Сперму, волосы, частички кожи и слюну.

— Забавно! И зачем?

— Это целая история... — Глеб лег на диван, похлопал рукой по местечку рядом с собой и выразительно кивнул, приглашая жену занять место рядом. Ирина повздохала, но «любопытство сгубило кошку» — услышать историю и узнать раскрытие тайны... она придвинулась к мужу, он взял ее руку, обнял себя... Ирина вздохнула, но руку не убрала, и Глеб продолжил: — Лет десять назад на отца наехали бандиты, начались разборки — его пырнули шилом, прямо в печень, если бы не опытный хирург, то он точно не выжил бы, очень коварный удар, а до этого случая он заморозил свой биоматериал — сто раз меня предупредил: если объявятся претенденты на его наследство, чтобы я делал экспертизы не с собой, а с его биоматериалом. Тогда я не понимал почему он так настаивал, а теперь... — Глеб замолчал — чуть не проговорился! — Он говорит...

— Что отец самое сомнительное родство! — перебила Ирина.

— Вот-вот — самое сомнительное! Поэтому и сдал свой материал — для сохранения и экспертиз!

— Ну, а ты то тут причем?

— Так я тоже сдал!

— Детский сад — старшая группа! Тебе то это зачем?

— Вдруг дети на стороне — я же без разбора трах... Прости... вел бурную сексуальную жизнь до женитьбы.

Ирина хотела уколоть и сказать: «И после женитьбы тоже!», но промолчала и только вздохнула. Глеб оценил ее такт и поцеловал в волосы.

— Я только что звонил в центр — мой материал взяли на ЭКО!

— Как это? Без твоего ведома? Или ты сам отдал?

— Если бы сам, то не переживал бы из-за сомнений... Ну, ты понимаешь.

— Понимаю... Лишиться секса до выяснения всех обстоятельств беременности Дины — это для тебя трагедия!

— Ты меня и так на целую неделю бросила одного... без секса! Не честно наказывать меня за то, что я не совершал.

— Согласна, не честно! — поднявшись с дивана, Ирина направилась на кухню. — Идем пить чай.

Глеб недовольно поднялся — секс откладывался, и пошел следом.

После чая он засел за комп — хотел узнать побольше о медцентре, в котором делали ЭКО Дине...

— Милый, ты идешь спать? — раздался из-за двери игривый голос Ирины.

— Спать? — переспросил Глеб, чувствуя, как учащенно забилося сердце от приглашения к сексу, кровь быстрее побежала по венам, и в штанах становится тесно от просыпающегося вулкана чувств. — Иду, моя «конфетка»!

Глеб встал с дивана и быстро пошел на зов жены. Она взяла его за руку и повела на второй этаж в спальню.

— Ты же любишь сюрпризы? — интригующе спросила она. — Сегодня тебя ждет приятный сюрприз.

— Приятный для кого? — насторожился «одариваемый сюрпризом».

— Скорее для меня, — честно призналась «коварная соблазнительница», — но ты же не против?

— Да нет, не против — я готов доставлять тебе удовольствие!

— Вот и хорошо! Как ты любишь говорить, когда я доставляю тебе удовольствие: «Расслабь горлышко... и поработай ротиком». Сегодня твоя очередь доставить мне удовольствие — ты скажешь: «Раздвинь ножки... я поработаю язычком».

— Это что значит? — останавливаясь на ступеньках, заволновался заинтригованный Глеб.

— Пойдем, пойдем, — тянула его за руку улыбающаяся Ирина. — Я тебе все покажу и всему научу...

— Но я, то, получу свою долю удовольствия?

— Не знаю, как ты, — засмеялась «коварная соблазнительница», — а я от твоего язычка точно получу...

49

В эту ночь они спали вместе, в обнимочку.

Сначала он ей доставил удовольствие, потом она ему, а потом они получили удовольствие от близости вместе... и помирились окончательно.

Глеб думал, что их жизнь вошла в привычную колею, хоть он и чувствовал, что жена

изменилась, но думал, что все останется по-прежнему: она подчинялась ему, доставляла удовольствие, «без сопротивления» легла рядом, обняла и даже «поцеловала сердечко», как раньше... Это его успокоило, расслабило. Он осознавал, что и он изменился, даже отношение к жене изменилось — добавилась благодарственная нежность за всю ее заботу о нем в больнице, и за поддержку в тюрьме, и за ее всепрощающую любовь к нему — он даже пообещал себе, что постарается не задерживаться на работе и все выходные проводить с семьей — теперь у его будет двое детей — вот как он озадачился семейной жизнью.

Ирина же думала о том, как поступит Глеб в сложившейся ситуации: Дина сбежала, ребенку сделали операцию, предстоит реабилитация, а ни мамы, ни папы рядом нет... ребенок чувствует, что его все бросили. И что делать? Конечно, Глеб не оставит своего ребенка!.. Тут Ирина задумалась — показывая ему девочку, она не увидела на лице мужа даже ни капли заинтересованности... не то, что нежности и жалости, Верин живот он гладил с нежностью... к этой же девочке он не испытывает отцовских чувств. И что теперь будет? Строить догадки ей не хотелось — пусть сам решает эти проблемы — с Диной, со своей матерью — она все это затеяла, пусть и расхлебывает... Она стала думать о своем сыночке, о дочке, о работе — на работу она, наверно, выйдет не скоро — когда еще Сашуле исполнится один год! Нет, Ирина решила выйти на работу гораздо раньше — пусть на полдня, пусть на пару часов, но она будет работать — не из-за денег, а из-за того, чтобы не выпадать из рабочей жизни мужа — если бы она больше интересовалась его работой, то не допустила бы появление Веры в его жизни... Вот что получилось, пока она занималась домом и ребенком! Второй раз она такой ошибки не совершит! У нее теперь двое детей, и она несет ответственность за них и за сохранения своей семьи, а для этого надо уделять больше времени мужу, чтобы он не чувствовал себя обделенным ее вниманием — мужчины эгоисты и любят, когда их «облизывают» — в прямом и переносном смысле...

Они провели вместе замечательные выходные, пригласив в гости соседей и нажарив целую гору шашлыка и крылышек, обсудили дизайнерские задумки Ирины по участку, новые контракты на фирме Глеба, заказали из питомника плодовые деревья, ягодные кустарники и розы — много кустов роз разных цветов, занимались любовью и наслаждались обществом друг друга.

Следующую «рабочую неделю» Ирина посвятила работам на участке: рабочие копали ямы, высаживали деревья и кустарники, мостили стоянку для машин у ворот, выкладывали плиткой дорожки, высаживали розовые кусты, разбивали клумбы...

В выходные все было готово, и гуляя по обновленному участку они радовались переменам.

— Хорошо, что мы успели все до приезда Снежки, а то она бы перевозилась в земле, как поросенок или свалилась бы в какую-нибудь яму!

— Согласен! Она у нас егоза. Как там Сашка! Толкается?

— Еще как! Через две недели семь месяцев... Надо ко врачу, анализы сдавать...

— Хочешь переехать в квартиру?

— Не знаю... Тебе в квартире лучше?

— До работы ближе, но здесь воздух...

— И «тайная комнатка»! В квартире «не разгуляешься»!

— И это тоже, но пора перебираться в город — там роддом под боком, а отсюда два часа пилить... Еще две недельки и переезжаем — будем выбираться только на выходные.

— Как скажешь... Вечером встречаем Снежку, няню и маму.

— И моего отца с телохранителем... Придется ехать на двух машинах... если ты тоже поедешь.

— Поеду! Соскучилась по ней ужасно...

— Ладно, созвонюсь с Сашей — у них вроде с Жанной роман — вот пусть тоже едет встречать...

— Я рада за них.

— Отец предлагает взять его на место Стаса — начальником службы безопасности. Приедет — обсудим.

Через четыре часа, не получив от отца подтверждение о вылете, Глеб заволновался. Стал названивать не только отцу, но и Тамаре Леонидовне и Жанне — никто из них на его звонки не ответил...

— Ирочка, ты только не волнуйся, но в аэропорт мы не поедem... они вроде передумали сегодня лететь.

— Как это? — насторожилась Ирина. — Когда шли на причал, мама позвонила, мы поговорили с ней и со Снежкой...

— Я не могу дозвониться отцу... никому из них не могу дозвониться. Билеты они не выкупили — значит, сегодня не прилетят.

— Это что значит, Глеб? — испуганными глазами Ирина смотрела на мужа. — На яхту они сели, а в Валенсию не приплыли...

— Стоп, стоп! Ничего с ними не случилось — никаких волнений! С ними отец, телохранитель и вся команда яхты! Может, попали в небольшой шторм и не могут причалить... Ничего страшного! Это тебе не катерок, а непотопляемая яхта! Слышишь, меня?

Но Ирина не слышала — она смотрела на мужа и из ее застывших глаз катились слезы...

— Нет, нет, Ириш! С ними все в порядке! Ну, хочешь я слетаю, и все разрулю?!

— Хочу! И я с тобой!

— Нет, родная моя, тебе уже нельзя летать! В самолет тебя не посадят!

— Может, тогда на машине?

— Не выдумывай — три дня пилить без остановок, с остановками все четыре! А я за четыре часа буду на месте.

— Да, правильно — четыре часа! И мы все узнаем...

— Вызову такси и поеду в аэропорт...

— Я с тобой! Провожу тебя — может, пока доедем связь наладится.

— Тогда звоню Сашке — приедет, отвезет нас в аэропорт, потом тебя домой и побудет с тобой до моего возвращения.

Ирина согласно покивала головой и пошла одеваться.

Встревоженно глядя ей в след, Глеб позвонил водителю-охраннику.

— Саш, ты далеко?

— Подъезжаю... Жанке не могу дозвониться... и Илье Семеновичу! Что за на хрен?!

— На яхту они сели, а в Валенсию не приплыли...

— Я ща позвоню хозяину магазинчика, откуда нам продукты привозили... он знает, что на море происходит.

— Давай, я собираться! Слетаю и сам все узнаю.

Когда Саша подъехал, Ирина и Глеб уже ждали его у ворот и быстро сели в машину.

— Все узнал, не волнуйтесь, там штормит... немного, но яхты к причалу не подходят,

болтаются на рейде... недалеко от берега.

— А почему связи нет? — шепотом спросила Ирина — сил не было разговаривать.

— Потому что в шторм связь не работает, — как ребенку, пояснил Глеб, обнимая жену за плечи — специально сел с ней на заднее сиденье, чтобы контролировать ее эмоции. — Они тоже — болтаются на рейде в Валенсии и не могут зайти в порт.

— Чтобы не разбить яхту о причал, — попытался внести свою лепту успокоения Саша.

— Разбить? — ужаснулась Ирина.

— Не, не — повредить... немного.

— Луше молчи! — рыкнул Глеб. — Такие правила — до окончания шторма все яхты к причалам не подходят, чтобы не повредиться.

— А если очень надо?

— Нельзя! И связи нет, потому что шторм — только экстренная связь.

— А по экстренной связи с ними связаться нельзя?

— Вот я прилечу на место и свяжусь, тебе сразу же перезвоню. Договорились? И ты волноваться не будешь!

Ирина кивнула.

50

Зазвонил телефон и Глеб, не глядя, тут же ответил.

— Да, отец!

— Вот как раз о нем я и хотела поговорить — мне нужны деньги, а он не отвечает.

— Они в море...

— Утонули? Вот это новость! Мы с тобой единственные наследники!

— Заткнись! — рявкнул Глеб, видя, как жена бледнеет прямо на глазах. — Никто не утонул!

— Жаль, а то бы все разрешилось к моей выгоде — теперь придется просить у него денег. А ты мне денег дать не можешь? Мне нужна большая сумма.

— Я не могу! Я улетаю в Валенсию!

— Зачем?

— Узнать, что там случилось и помочь, если надо.

— И твоя... тоже летит?

— Нет, ей нельзя летать, она остается в коттедже.

— Понятно... Одна?

— Ты хочешь приехать и побыть с ней эту ночь?

— Нет, у меня своих дел полно.

— Тогда пока, подъезжаем к аэропорту.

— А как же мои деньги?

— У тебя есть муж — вот с ним и решай!

Глеб отключился и поцеловал жену в волосы — как оставить ее одну в таком состоянии?! Оставив машину на стоянке, они шли к зданию аэропорта, чем ближе они подходили, тем отчетливее Глеб понимал, что оставить жену одну не может — она вцепилась в его руку и ее прямо потряхивало от волнения.

— Ты таблетки пила? — заботливо поинтересовался он.

Ирина покивала головой — говорить она не могла.

— Значит, тааак... — останавливаясь и притягивая к себе жену. — Я никуда не лечу!

— Как? — ахнула Ирина. — Почему?

— Полетит Александр! — выдал Глеб.

— Я? Глеб Ильич! Я все сделаю! Все узнаю! — и Саша бросился узнавать насчет билета.

— Нет, нет, Глеб! Ты должен... — заныла Ирина.

— Ир, у него там любимая девушка на звонки не отвечает! — наклонился он к ее уху. —

Представляешь, каково ему здесь оставаться!

— А у нас дочь...

— Со Снежкой отец, и ничего плохого ни с ней, ни с твоей мамой не случится! Я ему доверяю, как себе — даже больше! Пусть летит Александр! Денег я ему дам, чтоб договорился о связи с яхтой, и на карту переведу, а мы с тобой пойдем в ресторан, поужинаем...

— Не хочу...

— Надо, моя хорошая — Сашка должен хорошо питаться — мужику надо есть! И лучше мясо! А когда домой приедем, Александр уже приземлится и начнет все выяснять.

— Ну, ладно... Как скажешь, — согласилась Ирина и подумала, что она, конечно, самостоятельная и сильная, независимая и решительная, но без мужа ей пришлось бы нелегко — он взял всю ответственность на себя, и она с готовностью, не споря и не возражая, переложила ответственность на его плечи...

Саша улетел, и они пошли в ресторан, и ели мясо, и с надеждой смотрели на телефоны, а когда приехали домой, затарившись по полной в супермаркете, Саша уже приземлился, отзвонился и начал связываться с яхтой. Через час он доложил, что со всеми на яхте все в порядке, только качает и укачивает, но это уже были пустяки...

— Илья Семенович со мной разговаривал, просил остаться помочь... штормить еще день будет точно — они хотят в Валенсии на пару дней задержаться и отдохнуть, а то женщины ничего есть не могут — тошнит.

— Хорошо, оставайся, — разрешил Глеб, подбадривая жену. — Пусть отдохнут! Позаботься там о них и держи нас в курсе.

У Ирины после такого стресса настала апатия, и она даже не пошла в спальню, увалилась на диван и тихонько заплакала.

— Здравствуйте, приехали! — усмехнулся Глеб, ложась рядышком с женой и накрывая их обоим пледом. — Все же хорошо! Ну, покачает их слегка — похудеют! Будут стройные и помолодевшие — другие за это деньги платят, а нашим все бесплатно дается!

— Шутник! Чтобы ты говорил, если бы тебя так качало?!

— Ну, все, успокаивайся! Что вы за существа такие женщины: плохо вам — плачете, хорошо — тоже плачете!

— Мы же состоим из воды — вот и извиваем лишнюю воду.

— Выпей таблеточку снотворного и спи, водяная царевна!

Выпив таблетку, Ирина прижалась к мужу, обняла его и тут же уснула. А Глеб еще поворочался немного, посмотрел на огонь в камине и тоже уснул...

51

Проснулся Глеб от неприятного запаха гари...

Огонь в камине почти погас, но пламя вспыхивало какими-то синими вспышками, выделяя резкий, неприятный запах...

Глеб выругался матом, соскочил с дивана, бросился к окну, рванул на себя створку, открывая и впуская чистый, холодный воздух.

Но комната постепенно стала наполняться дымом.

Подбежав к дивану, Глеб сгреб спящую жену, взял на руки и понес к двери, отключил сигнализацию, открыл замок, толкнул дверь, но дверь не открылась. Он еще несколько раз потолкал ее плечом, но понял, что дверь заблокирована... быстро поднялся на второй этаж, положил жену на кровать, попытался разбудить, но не стал терять время, накрыл ее одеялом, распахнул окна, потому что дым уже поднялся на второй этаж, вышел на балкон в одних трусах, перелез через ограждения и спрыгнул на землю со второго этажа. Не чувствуя холода побежал к двери, вытащил из-под нее, ломая ногти, несколько железяк, блокирующих ее открывание, распахнул и побежал на кухню, набрал в графин воды и, закрывая нос и рот полотенцем, вошел в гостиную, открыл дверцу камина и потушил огонь водой. Дым повалил еще сильнее, и Глеб побежал за новой порцией воды. Только после третьей порции огонь совсем погас, и дым перестал выделяться из каких-то непонятных угольных брикетов, размером со спичечный коробок.

Одевшись, Глеб поднялся в спальню, закрыл окна, балконную дверь и, вернувшись в гостиную начал наводить порядок. Он собрал в пакет странные угольные брикеты и спрятал их в прихожей, завернув в еще один пакет — завтра он обязательно узнает откуда в его камине это взялось.

Понимая, что они с женой чуть не задохнулись от угарного дыма, Глеб почему-то вызывать полицию не стал... Почему? Чтобы не пугать жену? Или по другой причине... Он выгреб золу, растопил камин, проверил заслонку, задвижку, шиббер и, убедившись, что тяга в дымоходе есть, угарные газы свободно проходят через дымоход, и задымление произошло не из-за закрытой заслонки или «забитого» дымохода, надел куртку и ботинки и, внимательно осматривая землю, обошел дом... То, что он обнаружил на земле у стены, его очень встревожило: кто-то, оставив грязные следы, забирался на крышу к дымоходу... Решив, что завтра он осмотрит все более внимательно и пожалев, что у них нет собаки, Глеб вернулся в дом и, приоткрыв все окна на первом этаже и поднявшись в спальню, лег рядом с женой одетым на одеяло, прикрывшись пледом.

Остаток ночи он спал в полглаза, часто просыпаясь, спускаясь в гостиную, проверяя камин и подкладывая дрова, компенсируя дополнительным теплом приоткрытые окна.

Утром Глеб приготовил завтрак на двоих.

Пока жена спала, позвонил начальнику службы безопасности отца. Через час, когда хозяева завтракали, приехали несколько человек и начали осмотр камина, дома, крыши, дымохода... Угольные брикеты и железяки были «изъяты», как вещественные доказательства и мужчины уехали.

— Чем у нас так воняет? — поинтересовалась Ирина, после ухода «гостей».

— Дымом. Видимо дрова сырые попались — вот и надымило, — не собираясь рассказывать правду, пояснил Глеб. — Вызвал специалистов проверить камин.

— Этих? Какие нынче пошли трубочисты — в костюмчиках.

— Лучше скажи, как спала?

— Как убитая, даже не почувствовала, что ты меня в спальню отнес.

— Здесь дымом воняло... Александр звонил, предупредил, что к вечеру шторм закончится — уже на убыль пошел.

— Здорово! А ты что такой озабоченный? — видя напряженный взгляд мужа и плотно сжатые губы, поинтересовалась Ирина.

— Завтра ответы на анализы получать, — ушел от ответа Глеб, — подзадержали...

— Волнуешься... А с матерью ты будешь разговаривать? Она тебя здорово подставила с

этим ЭКО.

— Отец приедет и вместе поговорим. Я вот что подумал, может собаку заведем?

— Собаку? У меня вроде аллергия на кошачью шерсть.

— А мы собаку не в квартиру, а сюда, на участок возьмем, пока мы здесь, а потом к отцу отвезем — у него теплый домик с вольерами для трех собак — у него два добермана — плюс наш пес. Отец приедет, я с ним поговорю, а пока возьмем его собаку и посмотрим, как у тебя с аллергией, а сегодня приглашу сторожиху с собакой ночью дежурить... Что-то мне показалось, что ночью кто-то ходил.

— По участку?

— Нет, по улице... то ли дрались, то ли ругались.

— Может, у кого-то праздник был...

— Завтра одна в доме останешься — постарайся не выходить на участок.

— Ну, вот еще!

— Ириш, ты меня должна слушаться — иначе, как я за тебя буду отвечать?

— А ты никуда не уезжай — вот я и буду у тебя под присмотром!

— Ну, ты даешь! А деньги зарабатывать кто будет?

— Я тоже хочу деньги зарабатывать!

— Чтобы от меня не зависеть?

— Я от тебя всегда буду зависеть... — Ирина подошла к мужу, села на колени, обняла за шею. — Глебушка, я такая транжира, уже все денежки потратила...

— Что правда? — «испугался» Глеб — с таким трудом наскреб немного денег, чтобы осуществить ее ландшафтные задумки, а она — раз-два и нет денег!

— Шучу!

Глеб покачал головой, обнял жену, поцеловал... и тут же забыл и про собак, и про результаты тестов... осталось одно страстное желание близости... Он подхватил ее на руки и понес в спальню, доказывать ей свою любовь и получать ответные доказательства.

52

К вечеру шторм в Испании успокоился, и Тамара Леонидовна позвонила дочери.

— У нас все в порядке! Наконец-то, мы на земле! Сейчас — душ, есть и спать! И так два дня!

— Мамочка! Мы так переживали! Как Снежка?

— Нормально...

— Мамуля, привет! — раздался голос дочки. — Нас шторм качал на волнах!

— Знаю, детка! Я за тебя боялась!

— И я боялась, а деда сказал, что подарит мне котенка, и я перестала бояться.

— Только игрушечного! Папа хочет собаку, ты котенка — нет, нет, нет!

Глеб тоже разговаривал с отцом, но тихо, а потом и вовсе вышел на улицу...

— Я уже получил информацию от начальника службы безопасности. Что у вас там происходит?

— Все хреново — нас чуть не отравили угарным газом...

— Думаешь, опять заказ на тебя...

— Думаю, все гораздо хуже... Я должен был улететь к вам... в последнюю минуту передумал.

— Ты хочешь сказать...

— Мать звонила перед самым отлетом, денег просила... Знала, что Иришка одна в

коттедже будет...

— Ну, ты думай, что говоришь!

— Думаю... поэтому и полицию не вызвал. Мать ЭКО проплатила Динке, воспользовалась моим паспортом, забрала из криоцентра мою сперму — вот почему девчонка моя...

— Да-а, дела! Ладно, приеду, будем разбираться. Держись там, сын! Тесты как?

— Завтра получу.

— Держи меня в курсе! Если дотерпишь, без меня не открывай!

Глеб покивал головой — легко сказать! И позвонил матери...

Он не спрашивал «зачем» она это сделала, не спрашивал «кто» это сделал, он просто предупредил, что больше она его семьей не является — она попыталась убить его жену и сына, и общаться он с ней не желает.

Инесса Сергеевна кричала, что он не прав, что она к этому не имеет никакого отношения, но сын ей не поверил.

— Я могу понять почему ты ненавидишь мою жену и мстишь ей, но мой сын?! — он еще даже не родился, а ты захотела его убить! С этого дня у тебя нет сына, а у меня матери! Ты для меня умерла...

Он выбрал семью! И не простил свою мать — потому что у всего есть границы, переступать которые человек не должен, иначе он не человек...

Но был еще один звонок о котором Ирина не сказала мужу...

Она тихонько качалась на качелях, глядя как Глеб разговаривает у калитки со «сторожихой» с огромной беспородной собакой. Собака Ирине понравилась: белая, пятнистая, лохматая и основательная, вызывающая доверие.

Зазвонил телефон, и Ирина, разглядывая собачину, ответила.

— Она рожает! — зашептал в телефоне взволнованный голос Лены. — Позвонила мне и предупредила, чтобы я быстрее думала. Что мне делать?

Вздыхнув, Ирина помолчала — это мужа она простила, а эту женщину, пытавшуюся соблазнить ее мужа и разрушить ее семью после того, как он столько сделал для их семьи, и они подружились... не простила.

— Когда ты лезла в штаны моему мужу, совета у меня не спрашивала! Когда говорила своему мужу, что вы переспали с моим мужем, тоже меня не спрашивала... Так чего ты теперь лезешь ко мне со своими проблемами?! Я тебя знать не хочу! Больше ни мне, ни моему мужу не звони!

Никогда Ирина не говорила так жестко с людьми, никогда не отказывала в помощи — даже Дине с ее заявлениями об отцовстве Глеба помогала и оплачивала операции детишкам, а Лене отказала... почему отказала? потому что из-за своей похоти она «предала» их общую дружбу и попыталась разрушить ее семью, а своей клеветой (утверждая что они с Глебом переспали) спровоцировала своего мужа на месть и убийство своего друга и ее мужа — этого Ирина прощать Лене не собиралась. Возможно, она стала старше, ушла девичья наивность и восторженность, а скорее всего испытания, через которые прошла их семья за эти несколько ужасных месяцев и наука свекра: «Не верь глазам своим и словам людей! особенно женским» дали свои результаты и никому (кроме своей семьи!) она доверять не стала. Может, так и надо жить: заботиться только о своей семье, доверять только своим, помогать близким, а остальные... пусть справляются сами со своими проблемами — ей до них нет никакого дела!!!

На следующий день, получив результаты тестов, Глеб не спешил их открывать — зачем? он и так знал, что девочка Дины его дочь, что отец — не его отец, а отец Иришки, и что все они родственники...

Позвонила Вера, и Глеб нехотя ответил.

— Я родила! Мальчика!

— Поздравляю. А причем здесь я?

— Издеваешься? Глеб, ты обещал помогать растить ребенка — поэтому я его оставила!

— Во-первых, Глеб Ильич, а во-вторых... У тебя хватает наглости что-то требовать от меня?! Ты обещала не лезть в мою семью! Зачем жене про нас наговорила? Хотела, чтобы она ребенка потеряла и со мной развелась? Знала, сука, что сяду, а ты подсуетишься со своим ребенком будто бы моим и будешь деньги тянуть из отца и моей жены!

— Ничего я не знала...

— Только ты ей могла про минет рассказать! Надо было тебя тогда хером придушить, чтобы мне и моей семье не пакостила! Ведь знал, что от тебя одни проблемы будут...

— Она сказала, что это ты...

— Запомни, голуба, того Глеба, который на школьные воспоминания и на твой рот повелся, больше нет! Еще раз увижу рядом с собой и моей семьей — не пожалею!

Глеб отключился и хотел швырнуть телефон в стену, но передумал — вдруг отец позвонит, а телефон разбитый валяется.

«— Зачем я с этой Веркой связался, поддался на ее уговоры и на работу к себе взял — видел же, как она на меня слюни пускает и прижимается... Больше никаких сантиментов на работе! Нервы ни к черту — со следующей недели в зал буду ходить, хоть пару раз по паре часов — грушу помолотить и на тренажерах... а то никакой разрядки от «осторожненького» секса. Вот Сашка родится не позволю жене о себе забывать — в охалку сгребу и в мансарду утащу, буду трахать пока мозоль не натру... — Глеб прикрыл глаза, вспоминая их бурный секс в мансарде. — Даже не пытайся, дорогая моя, отгородиться от меня делами — все дела по боку, когда муж с работы пришел и тебя хочет...»

Снова зазвонил телефон, и Глеб порадовался, что его не грохнул.

— Глеб Ильич, это Белла, детектив. Я, кажется, обнаружила Дину, по программе поиска по лицам...

— Где она? — нетерпеливо перебил Глеб.

— В Красногорске — в банкомате деньги снимала с карточки. Попробую отследить ее по камерам.

— Надо с ней срочно поговорить!

— Я постараюсь побыстрее.

Через несколько часов детектив перезвонила и назвала точный адрес, где проживала Дина.

— До подъезда проследила, а дальше по окнам коптером...

— Вы меня дождетесь?

— Да, подъезжайте. Если она куда пойдет — мы проследим и сообщим.

— Все, еду!

Глеб доехал очень быстро, поднялся на этаж, позвонил в квартиру, но дверь ему не открыли, хотя в глазок кто-то наблюдал.

— Дин, открывай! Я все знаю про ЭКО и мою мать.

После небольшой паузы дверь открылась. В первую секунду Глеб не узнал их горничную: худая, бледная, потухшая.

— У тебя все в порядке? — по инерции спросил он, хотя выяснять, что у нее случилось, не хотелось.

Дина кивнула.

— Как дочка?

— Поправляется, — неопределенно дернул плечом Глеб. — Сегодня ее видел... на мою дочку она совсем не похожа — моя беленькая, а эта русая... Дин, надо документы подписать, чтобы врачи занялись ее реабилитацией. Поехали, я тебя туда-обратно довезу.

— А ты... вы не оформили отцовство? — поинтересовалась Дина.

— Только сегодня тест получил.

— Убедились, что это ваши детки, вернее, дочка ваша.

— Еще не смотрел...

— Как же так? Не интересно?

— Нет! Это же обман — ты же это понимаешь?!

— Инесса Сергеевна очень настаивала...

— Денег тебе заплатила, вот ты и согласилась.

— Половину, как забеременею, вторую после того, как рожу, но вторую половину пока не заплатила, — вздохнула Дина, — все обещает, а мне деньги нужны.

— Покажи мне такого человека, которому не нужны деньги!

— Глеб Ильич, а вы... дочку заберете?

— Нет! — честно ответил Глеб.

Ответ «мамочку» просто убил.

— А как же? Ее что в детский дом отдадут?

— Не знаю. Ты же мать — вот и забирай ее!

— Нееет... — попяtilась Дина. — Я не мать, а инкубатор для ваших деток...

— Кто это тебе такую чушь вдолбил в голову?

— Ваша мама и психолог.

— Ты вроде не школьница, должна была понимать на что соглашаешься — это подлость! — попытался усюветить «мамочку» Глеб. — Представляешь, как у меня жена переживала, когда узнала о детях! А она беременная...

— Инесса Сергеевна сказала, что она не достойна быть вашей женой! — повторила чужие слова Дина.

— Ты достойна?

— Нет, что вы! Она вам невесту подыскала... Я бы родила деток, ваша жена с вами развелась бы, вы бы женились на другой! У вас была бы новая жена и новые детки, — серьезно заявила Дина.

— Дурдом! А если я не хочу? — скинулся Глеб — вот это у матери далеко идущие планы! — Если я свою жену люблю! И своих детей!

— Тогда не знаю... Это ведь не я придумала. Мне ваша жена понравилась — красивая и добрая... и операцию оплатила, и денег дала, и в свою квартиру поселила... И что теперь с девочкой будет? Она никому не нужна? Вы ее себе точно не возьмете?

— Как ты это себе представляешь? У меня дочка, скоро сын родится...

— Ваша жена тоже против ее забрать?

— Я еще с ней не говорил... А ты сама не хочешь ее забрать? Я тебе помогать деньгами

буду!

— Мне забрать? — ужаснулась Дина. — Нет, нет! У меня ни квартиры, ни денег. И потом... я не хочу. Я ее не люблю!

— Здорово! А зачем же тогда рожала? — возмутился Глеб.

— Из-за денег! Мне деньги нужны! И я еще молодая — мне дети не нужны! Кто меня с ребенком замуж возьмет?!

— Дааа... Ну, ты и вляпалась в криминал! Ты же понимаешь, что вы с моей матерью — мошенницы! И вас можно посадить в тюрьму!

— За что?

— Из криоцентра сперму мою украли! Левое ЭКО без моего согласия сделали, а теперь ребенка на меня повесить хотите! И думаете вам за это ничего не будет?! Обращусь в полицию, напишу заявление — пусть разбираются!

— Не надо в полицию, Глеб Ильич! Я все подпишу, только не в полицию — меня тогда в приличный дом не возьмут на работу!

— Поехали!

Они поехали в центр акушерства, Дина подписала все документы, Глеб оплатил лекарства и реабилитацию, питание и средства по уходу за ребенком.

— Ты не хочешь на дочку посмотреть? Пойдем, посмотрим! — предложил он.

Дина попятилась и замотала головой.

— Как хочешь... А как ее назовешь?

— Не знаю... Я об этом не думала — это же не мой ребенок!

— Твоя дочь — вот и называй! У нас дочка Снежана, а пацан — Александр!

— Красиво! Мне ваша жена рассказывала про снег...

— Она у меня такая... романтичная. Так как дочку назовешь?

— Может, Диана? Я Дина, она Диана!

— Богиня Диана-охотница! Так что, пойдешь, на нее посмотришь?

— Нет, в другой раз.

— Ну, тогда поехали — отвезу тебя домой!

С понурой головой, Дина едва поспевала за быстро идущим впереди Глебом Левицким. У выхода она остановилась.

— Глеб Ильич!.. Можно я на нее посмотрю?

— На дочь?

— На Диану...

Они развернулись и пошли в детское отделение...

54

Дина

Смотрю на этого крошечного ребенка, опутанного проводками, в кувезе и ничего не испытываю... ничего кроме жалости, да и то, как к постороннему ребенку.

Шесть месяцев убеждала себя, что дети не мои, что я только инкубатор для них и убедилась — последнее время просто мечтала от них избавиться, а когда один умер, то, вообще, ни о чем другом думать не могла, только как бы побыстрее убрать его из меня... чувствовала себя не инкубатором, а гроби... нет, второй же ребенок был жив. Как ей там, бедной, было находиться рядом с тру...

Что за пессимистические мысли?!

Она же родилась, правда, больная...

Сколько денег и ухода понадобится, чтобы ее выводить! Жизнь надо будет посвятить больному ребенку! Нет, к этому я не готова! Даже если будут платить за это! А самой когда жить? Никуда от больного ребенка не уйдешь! А я хочу семью, любящего мужчину, детей — своих, любимых, а эта... Эта не моя и не любимая! У них денег много — вот пусть и забирают ее себе, выхаживают, лечат, а я что с ней буду делать...

Худенькая, глазастенькая... на беленькую Снежану совсем не похожа — значит, не в отца, а в меня... А если они ее не возьмут, куда ее?! Отец откажется, бабушка с дедушкой откажутся... Богатые они странные — детей, как в магазине выбирают... Разве я виновата, что детки такие болезненные получились... одна получилась. Прости меня, деточка, но у меня нет возможности тебя забрать и вырастить...

Развернулась и быстро пошла к выходу.

Сын Инессы шел сзади, и я чувствовала, что он очень хочет задать вопрос: заберу я девочку или нет.

Около машины я посмотрела ему в глаза и отрицательно покачала головой — «нет! не заберу!». Он понял и всю обратную дорогу молчал. Вздыхал и молчал...

Что теперь будет с этой никому не нужной девочкой???

55

Вечером Глеб ничего не сказал жене о полученных тестах — завтра вместе с отцом и откроют.

А Ирина и забыла про них — завтра приезжают Снежка с мамой и няней — все завертится, закрутится... В который раз она проверяла холодильник на наличие вкусняшек: йогурты, торт, сырочки — купили; наводила порядок в детской...

— Глеб, зайти в детскую, — позвала она, слыша, как муж поднимается по лестнице. —

Нам же надо еще одну спальню переделать под детскую...

— Успеем, еще два месяца...

После разговора с Диной Глеб чувствовал себя «не в своей тарелке» — забирать нежеланного ребенка, появившегося на свет обманном путем, он не хотел — он ничего не чувствовал к этому ребенку, кроме раздражения. Он снова и снова задавал себе вопрос «почему?» — ведь он любил детей, всех... даже согласился быть крестным отцом ребенку Веры, поэтому не сопротивлялся, когда она взяла его руку и положила к себе на живот... он даже слегка погладил ребенка, вспомнив, как гладил свою дочку в животе жены... а жена так испугалась увиденной картины, надумала не весть что и чуть в обморок не упала... А к этому ребенку он ничего не испытывает, хотя он, вернее, она, тоже его дочка — как Снежка. И вот сейчас он стоял в комнате Снежки и думал о другой своей дочке — никому не нужной, брошенной в больнице и не навещаемой никем...

— Знаешь, о чем я подумала... Только не сердись, сначала выслушай! — начала Ирина непростой разговор. — Дине надо бы квартиру купить — может мы сможем немного денег выделить или занять у твоего отца. Девочку скоро выпишут, и куда Дина с ней пойдет... Только не обижайся, Глеб, но она же твоя дочка... такая же, как Снежка.

Глеб молчал — вот это жена! права Динка — она красивая и добрая, а вот я...

— О квартире я как-то не подумал... — сказал он и тут же помрачнел. — Я не хочу признавать этого ребенка, помогать буду, а быть ей отцом и давать свою фамилию не хочу.

— Это твое дело, но ребенок же не виноват, что вот так... несуразно родился — Дина даст дочке свою фамилию.

— А если она не захочет ее забрать из больницы? — слишком безразлично спросил

Глеб, и Ирина тут же насторожилась.

— Как это не захочет? Она же мама!

— Какая она мама?! Инкубатор для вынашивания!

— Что ты такое говоришь! Мама всегда — мама!

— Ну, мало ли как повернется... — произнес Глеб и отвел глаза.

Ирина подошла к мужу, обняла за талию и улыбнулась.

— Если она не захочет забирать свою дочку — возьмем твою дочку к себе! Неужели ты думал, что я откажусь принять твоего ребенка... главное, она родилась не после измены и глядя на нее я не буду все время вспоминать о твоём «проступке».

— Ирка! Ты Чудо! — Глеб подхватил жену на руки, закружил по комнате.

— Поставь! — улыбаясь попросила Ирина и напомнила: — Придется признавать девочку своей дочкой, а то нам ее не отдадут.

Глеб согласно кивнул и поцеловал Ирину в губы — ну, что за умница у него жена!

56

Когда радость от встречи утихла и все наговорились, делясь впечатлениями, Тамара Леонидовна и Ирина увели Снежку спать, а Глеб с Ильей Семеновичем уселись за столом в столовой, сдвинув остатки «праздничного застолья» на один край, разложили запечатанные результаты тестов и посмотрели друг на друга, выдерживая паузу, как перед прыжком в воду.

— С чего начнем? — Глеб нервничал, но старался не показывать вида. — Давай, с моего отцовства...

Он положил на стол в сторонку тест на родство с девочками Ильи Семеновича, с которого все началось, и взял в руки результаты своего теста на отцовство, открыл, прочитал и растерянно пригладил волосы на макушке.

— Чего там? — не удержался Илья Семенович. — Дай, сам прочитаю!

Глеб протянул отцу бумагу, тот прочитал, присвистнул и пригладил волосы на макушке.

— Это что, я не отец? — растерянно спросил Глеб, ни к кому не обращаясь. — Снежка мне дочка — 99,9 %, а Динкина дочка мне никто?! 0 %! И как такое может быть?

— Дурак, ты Глебка! Радуйся! — усмехнулся Илья Семенович.

— Я радуюсь! — безрадостным голосом произнес Глеб, взял тест на отцовство отца с Ириной, открыл, прочитал и передал отцу. — Поздравляю! Твое отцовство подтверждено — 99,9 %!

Илья Семенович взял бумагу, прочитал и заволновался, машинально взял бокал с вином Тамары Леонидовны, которое та едва пригубила, залпом выпил весь бокал и потеряно посмотрел на сына, ища поддержки.

— И как я ей об этом скажу?

— Может, Тамару Леонидовну на помощь позвать?

— Точно, вместе и скажем, — с облегчением вздохнул «новоявленный папаша». — Давай, открывай последний... на всеобщее родство!

Глеб открыл тест, прочитал, помотал головой, ничего не понимая.

— Так... спокойно! № 1 — Снежка, № 2 — Диана, № 3 — ты, № 4 — я, № 5 — Иришка. № 1 — родственница № 2 и № 3 — 64,3 %, родитель № 4 и № 5 — 99,9 %. № 2 — родственница № 1 и № 5 — 64,3 %, родитель № 3 — 99,9 %, № 4 — не родственник. № 3 — родственник № 1 — 64,3 %, родитель № 2 и № 5 — 99,9 %, № 4 — не родственник. № 4 — родитель № 1 — 99,9 %, № 2, № 3, № 5 — не родственники. № 5 — родственница № 2 — 64,3 %, родитель № 1 и № 3 — 99,9 %, № 4 — не родственник. Всё!

Наступила пауза. Оба мужчины смотрели друг на друга, «переваривая» озвученное.

— Я чего-то не понял... номера, родственники, родители, проценты... Давай, сначала и без номеров и процентов.

Глеб кивнул.

— Так... Снежка родственница Диане и тебе, а родители мы с Иришкой.

— Подожди! — остановил его Илья Семенович, желая сразу же разобраться. — Как же Снежка с этой Дианой могут быть родственницами, когда ты отец только Снежке? Ошибка какая-то?!

— И я про то же! Если я не отец обеим девчонкам, то как они могут быть родственницами? — поддержал отца Глеб.

— Ошибка! Читай дальше!

— Дианка — родственница Снежке и Иришке, родитель... ты, а я ей — никто.

На такое утверждение Илья Семенович выразительно «вытаращил» глаза.

— Бред какой-то! — он взял початую бутылку коньяка, налил в стопку, а не в «пузатую рюююмку», залпом выпил и пояснил: — Опять ошибка! Давай, дальше! С этим потом разберемся!

— Ты родственник Снежке, родитель Дианки и Иришки! Что, опять ошибка?

— Да дочитывай ты уже! — «родитель» нервно дернул головой.

— Я родитель Снежки, остальным — никто! Иришка родственница Дианке, родитель Снежки, и ты ее отец, а я ей — никто! Что и тут ошибка? Как такое может быть? — Глеб взял самый первый тест на родство, из-за которого он поехал разобраться к отцу. — Здесь отец Снежки — ты — 99,9 % — поэтому я и помчался разобраться! Как такое возможно? В этом тесте — Дианки ты никто, а Снежке отец?! А в этом тесте все наоборот: отец Снежки — я, а Дианке — никто! Предпочитаю вариант, в котором я отец Снежки, а Дианке — никто!

— А я предпочитаю на этот всеобщий, родственный тест забить — сплошные ошибки!

— А я предлагаю разобраться! Ириш, — Глеб увидел спускающуюся со второго этажа жену. — Иди к нам, помоги разобраться!

— Нашел помощницу! — заворчал Илья Семенович и снова налил себе коньяка, залпом выпил.

Глеб осуждающе покачал головой, но промолчал — неизвестно сколько бы он махнул коньячка, если бы тест показал, что обе девочки его дочери — один процент его сомнений рухнул бы окончательно!

57

Ирина вошла в столовую, увидела разбросанные на столе листы.

— О, тесты! Можно почитать?

— Потом!

— Потом!

В один голос произнесли мужчины, переворачивая листы с результатами. Глеб протянул жене свой тест на отцовство и первоначальный тест Ильи Семеновича.

— Ириш, можешь ты объяснить, как так получилось, что на первом тесте — отец Снежки — отец, а на втором тесте отец Снежки — я, а дочке Дины мы с ним никто?

— Сначала Илья Семенович отец Снежки, а потом ты... — задумчиво в слух рассуждала Ирина, сравнивая тесты. — Ты увидел этот тест, подумал, что я... и побежал разобраться. Из-за этого вы и... повздорили?

— Можно это и так назвать, — потирая скулу, хмыкнул Илья Семенович и «жахнул» еще стопочку. — Ты знаешь, что у тебя муж бешеный — на людей кидается!

Ирина посмотрела на мужа и улыбнулась.

— Не знала, что он у меня ревнивый... вот то, что он после ранения сладкоежкой стал... Точно! Сладкоежка! Глеб, ты помнишь, перед моим отъездом из Картахены ты ел джем прямо из баночки, а я отобрала у тебя ложку... завернула в пакет и убрала в сумку... для теста на отцовство и забыла про нее.

Ирина поспешила в прихожую, принесла свою сумку и вывалила все содержимое на стол, покопалась в «вещевой куче» и выудила две ложки — чайную в прозрачном пакетике и кофейную в файлике.

— Твое второе имя — бедлам! — недовольно проворчал Илья Семенович и снова выпил.

— Вот! — Ирина победоносно, поочередно посмотрела на мужчин, держа в руках две ложки — чайную и кофейную. — Я просто перепутала ложечки — делов то! — вместо кофейной Ильи Семеновича на тест отдала твою — чайную! Вот и объяснение такого совпадения: оба теста твои! — тогда первый и второй результат теста совпадают: и в первом, и во втором случае — ты отец Снежки!

Мужчины посмотрели друг на друга и понимающе кивнули — женщина, какой с нее спрос — подумаешь, перепутала ложечки! — а они морды друг другу били и чуть не удушили друг друга!

— Ага! — скривился Глеб, тоже выразительно потирая скулу. — Тогда Диане я никто!

— Диана — это дочка Дины? — уточнила Ирина. — Красивое имя.

— Да. Твои детективы ее нашли, и я возил ее в центр подписывать документы. Потом она ходила к дочке... и назвала ее Диана.

— Подожди! Значит, ее дочка тебе — никто?

— Выходит так! Я же говорил, что я тебе не изменял!

— Урааа! — Ирина бросилась на шею мужу! — Я тебя обожаю!

— А ты мне не верила! Сомневалась!

— Больше никогда не буду сомневаться!

— Требую компенсации за моральные страдания!

— Согласна! — Ирина поцеловала мужа в губы.

Глеб теснее прижал ее к своему телу, выбрал ее губы в свой рот...

— Э-э-э! — Илья Семенович выразительно покашлял, налил коньяк в стопку и опрокинул ее в себя. — Вы тут не одни!

Глеб отвлекся от жены, и Ирина разочарованно заныла... в животе пархали быбочки, требуя продолжения балета...

— Дорогие гости, а не мешают ли вам хозяева? Не пора ли вам отбывать домой? или вы у нас остаетесь?

— Сначала разберемся с тестом на всеобщее родство! А потом решим все остальное.

— Меня вполне устраивает результат моих тестов!

— А меня нет!

— Что у вас там опять не так? Давайте, разберемся — у меня это здорово получается.

Глеб отпустил жену и протянул ей лист с результатами теста. Ирина тест взяла, села за стол, прочитала, еще раз прочитала и отложила.

— Здесь явная ошибка — Илья Семенович не может быть моим и Дианиным отцом! А

тебе — никто!

В наступившей тишине чувствовалось напряжение...

— Твою ж мать! — выругался Илья Семенович, хватаясь за голову. — Твою ж мать!

— Отец что? — насторожился Глеб. — Ты с Динкой трахался?..

— Стоп! Не хочу это слушать! Выясните пикантные подробности своих адюльтеров без меня! — поднимаясь со стула очень недовольно произнесла Ирина, снова почувствовав укол ревности — она снова ревновала Илью Семеновича, но уже к Дине. — Могли бы вспомнить об этом раньше, Илья Семенович, и я бы не подозревала своего мужа в неверности! Хотя вам, наверно, было стыдно вспоминать о таком случае — ведь Дина далека от вашего предпочитаемого стандарта — не грудастая и не раскованная!

Обиженно поджав губы, Ирина вышла из столовой.?

— Это что такое было? — насторожился Глеб. — Откуда Иришка знает твои предпочтения?

— С дуру ляпнул... — отмахнулся Илья Семенович и снова опрокинул стопарик. — Главное, что я...

— Ты трахался с Динкой? — уточнил Глеб.

Кивнув головой, Илья Семенович вскочил и заметался по столовой.

— Ну, да, было! Один раз! В тот день, когда выгонял ее... она плакала, просила...

— А ты ее утешил! Ну, ты даешь, отец! Прямо в доме, почти на глазах у матери трахались!

— Так получилось... Она плакала, такая несчастная... я предложил ей выходное пособие... Она начала благодарить, обняла, прижалась, сиськами в грудь уперлась, схватила за задницу... ну, меня и понесло... Почему я должен отказываться от маленьких удовольствий?!

— Меня ты осуждал за «маленькие удовольствия», а сам...

— Дурак! У тебя семья, и сексом ты занимаешься с женой — вон, как обнимаетесь — на вас смотреть завидно, а мне достаются грудастые и раскрепощенные... шлюхи, которые за деньги сделают все, что ты захочешь... так почему я должен отказываться от молоденькой, неопытной горничной — она намного лучше шлюхи, хоть ни черта и не умеет!

— Значит, ты можешь быть отцом дочки Дины?!

— Теоретически... Глеб, ну какой из меня отец — мне скоро полтинник стукнет!

— Я не отец! Значит, ЭКО не сработало — Динка забеременела от тебя! Тест показал что ты отец!

— Да не может такого быть! — повысил голос Илья Семенович. — Я в это не верю!

— Иришка права, — обиделся на отца Глеб. — Ты должен был сказать, хотя бы мне! что ты трахался с Динкой и «теоретически» мог быть отцом ребенка.

— Ну да... должен был тебе сказать, — повинулся Илья Семенович, — но стыдно стало, что воспользовался ситуацией, к тому же она совсем молоденькая... И что теперь делать?

— Сдать тест на отцовство... вместе с Диной — установить, что вы родители и решайте вместе, что делать с ребенком.

— Не могу я... мне это отцовство совсем не ко времени... У меня с Тamarой, вроде как, отношения — узнает, что я девчонку на стороне трахнул... да еще с последствиями. Представляешь, что будет — к Иришке и внукам совсем не подпустит!

— С Тamarой Леонидовной? — удивился Глеб. — У вас на отдыхе все закрутилось? Ты ее любишь?

— Да нет... Любовь прошла давно — так... остатки воспоминаний и секс... иногда.

— И долго это у вас?

— Давно уже... но связывать себя отношениями и обязательствами я не хочу.

— Предпочитаешь грудастых и раскованных!

— С ними проще — потрахался, заплатил и нет их, захотел — и они тут как тут, а в отношениях так просто не уйдешь и один не проживешь без объяснений. Если бы была любовь, все было бы намного проще: любил бы и жил бы с ней, а у нас... Тамаре не скажешь, что я ее больше не люблю, но дочка с внучкой рядом... вот и приходится подстраиваться...

— Сложно...

— Еще как! Поэтому, сын, береги любовь и не рушь ее, без нее, ох, как трудно живется. А с девочкой что-нибудь решим: Динке квартиру куплю, содержание назначу... разрулим — если моя дочка, не оставлю! — все у них будет!

— Семейю на стороне заведешь? — напрягся Глеб.

— Семейю?.. — Илья Семенович задумался и пьяненько ухмыльнулся. — Почему бы и нет — я не против с молоденькой потрахаться — откормить ее, приодеть и благодарна мне будет... Динка не Томка — она деньги любит!

— Ну, ты и ходок, отец!

— У меня, сын, семьи нет — вот и мотает меня от одной бабы к другой!

Около двери в столовую прижавшись к стенке, бледная и встревоженная, стояла Тамара Леонидовна, ставшая невольной «слушательницей» познавательного и откровенного разговора мужчин.

58

Проснувшись утром, Глеб не обнаружил в доме «женщин» — ни одной!

Позвонив жене и не получив ответа, он походил по спальням, по первому этажу, вышел на улицу... никого.

Заглянул в детскую, машинально открыв шкаф, убирая оставленные на кровати вещи, и, не обнаружив половину вещей Снежки, Глеб запаниковал, бросился в их спальню, распахнул шкаф — чемодана нет, полки полупустые...

— Уехали! — хватаясь за голову, Глеб опустился на кровать. — Почему? Что она такого могла узнать обо мне за ночь, что бросила меня? Я же ей не изменял! Может, она в кого-то влюбилась?.. Бред! Она не могла... Тем более так уехать... не поговорив!

Глеб бросился в спальню к отцу, начал будить его, тряся за плечо.

— Отец! Просыпайся! Иришка со Снежкой и тещей сбежали.

— Отстань! Не мели ерунды!

— Да вставай ты! — толкал его Глеб в плечо. — Вспомни, может Тамара Леонидовна тебе вчера что-нибудь говорила про отъезд?

— Про какой отъезд? — с трудом отрывая гудящую голову от подушки, сел в кровати Илья Семенович. — Я Тамару вчера не видел — она спала в комнате Снежки, я допил коньячок для снятия стресса, пошел в спальню и уснул. Объясни толком, что случилось?

— Ирина со Снежкой и Тамарой Леонидовной сбежали! На звонки не отвечают!

— В каком смысле «сбежали»?

— В прямом! Собрали вещи и уехали, не предупредив.

— Может, вы вчера поссорились? Или что-то про тебя опять узнала? — привычно нахмурился Илья Семенович.

— С ума сошел! Я жене не изменяю! — вскинулся Глеб. — В отличии от тебя... У нас все было в порядке: легли спать, занимались любовью, заснули обнявшись... Может, ты с Тамарой поссорился — она обиделась, собралась уезжать, а Иришка с ней... за компанию уехала.

— Не предупредив тебя и на твои звонки не отвечает! Нет, Глеб, что-то тут не то... Томка могла на меня обидеться: Ирина могла рассказать ей, что я с Динкой трахался и что я отец ее дочки — вот она и уехала, а Иришка от тебя уехать просто так не могла — она тебя любит... ее от тебя никакими силами не оторвать! Если бы меня так любили и, если бы я любил, то никуда бы свою женщину не отпустил... Искать твою жену и дочь надо!

— В полицию обратиться? Ты думаешь их украли?

— Не в полицию, а к спецам! Ты своих детективов подключи, я свою службу безопасности... Да, камеры надо посмотреть на выезде из поселка. Они же не пешком ушли — значит, была машина! Или на твоей уехали... В гараже смотрел?

Глеб пошел в гараж — его «Рендж Ровер» стоял на месте, а Илья Семенович поднялся с кровати, оделся и начал названивать начальнику службы безопасности.

После розысков и выяснений им удалось узнать, что уехали «беглянки» на такси в четыре часа ночи с чемоданами и спящим ребенком на руках...

— Я пробила телефоны Ирины и Тамары Леонидовны... — нехотя докладывала Белла, чувствуя себя не совсем уверенно — ей казалось, что она предала женщин-беглянок — вдруг они поругались и решили убежать от мужа-тирана, — пока они не были отключены... Глеб Ильич, они ехали в сторону Шереметьево.

Глеб почувствовал «сомневающееся настроение» детектива и постарался убедить ее в обратном.

— Вы все не так понимаете, Белла — Ирина не сбежала от меня, а мы думаем, что ее вынудили уехать! Кто это сделал и почему она согласилась на побег, мы не знаем, но ее с дочкой надо обязательно найти! Я ее люблю, она меня любит, и мы не ссорились! Она не могла от меня уехать без причины, не предупредив...

— Я понимаю... но Ирина Викторовна не похожа на безвольную женщину — вы сказали, что никаких следов сопротивления в доме не обнаружено — значит, она уехала добровольно... и возможно, ее не надо искать. Надо дать ей время, и она даст о себе знать.

— Что вы такое говорите! Ее надо искать! И обязательно надо найти! Я без них просто не смогу... Хотя... возможно, причина у нее была — она узнала, что мой отец, является и ее отцом... но не моим биологическим отцом, а только по документам, а ее свекор — мой отец — является ее биологическим отцом!

— Как у вас все запутано! — усмехнулась Белла. — Может, в этом причина — побыть одной, подумать, разобраться.

— Она бы предупредила — знала же, что буду волноваться!

— Ладно, давайте найдем ее уже, и вы поговорите — поговорить вам всем похоже надо — бегством тут ничего не решить.

Через несколько минут Белла перезвонила и сообщала о забронированных билетах на их имена в Валенсию в Испанию.

Глеб и Илья Семенович поспешили в аэропорт.

Но в положенное время билеты не выкупили, и в Валенсию Ирина со Снежкой и матерью не полетели...

Мужчины в растерянности стояли посреди зала, не зная, что предпринять для поиска

«беглянок».

И снова Белла «подарила» им новую надежду.

— Билеты снова забронировали, только на вечерний рейс.

— Спасибо за информацию — будем ждать их в аэропорту.

Спустя несколько минуто ожидання, Глебу позвонили с незнакомого номера. Звонок он сбросил — не до пустых разговоров, но ему снова позвонили — он снова сбросил и замер, мельком взглянув на номер... — этот легко запоминающийся номер он сам выбирал Снежке! вместе с телефоном, чтобы подарить на Новый Год... Ему снова позвонили! Глеб тут же ответил.

— Это я! Не сбрасывай меня! — едва слышно шептала Ирина. — Нашла телефон в вещах Снежки, незаметно стащила и звоню из ванной, как шпионка.

— Ты где! Почему ты уехала от меня? — закричал Глеб, закрывая ухо рукой, вслушиваясь в тихий шепот и журчание воды.

— Я не уехала! Мама собрала наши вещи и заставила меня поехать с ней! Она злится на вас, переживает, хочет уехать «навсегда» и увезти нас от вас.

— Зачем? Зачем вы хотите улететь в Картахену?

— Я отказалась лететь, пока она мне все не объяснит. Глеб, что у вас там произошло? Почему она плачет и на вас так обиделась, что даже звонить вам не разрешает?

— Не знаю! Мы ее не видели, просто разговаривали... Бл*дь! Отец со своими трахами молоденьких! Может, она слышала...

— Не могу говорить! Не волнуйся, с нами все хорошо! И я тебя не брошу, скоро вернусь — я тебя люблю!

Разговор прервался, и Глеб снова хотел грохнуть телефон об пол... даже замахнулся — нервы ни к черту! но снова передумал — вдруг жена опять позвонит.

— Иришка звонила! Что сказала! — набросился Илья Семенович на сына. — Из похитили?

— Можно, сказать и так! — Глеб осуждающе посмотрел на отца. — Похоже, твоя Тамара слышала наш разговор о твоих «отношениях» с ней, о твоём желании завести с Динкой вторую семью и трахаться с ней напропалую.

— Как слышала? Всё-всё? — замер Илья Семенович, припомянув свои вчерашние «коньячные изливания». — Обиделась, решила уехать... И что теперь делать?

— Похоже, отец, вчера был не твой день! Разбирайся сам со своими женщинами и со своими трахами, а в мою семью со всем этим дерьмом больше не лезь!

Глеб отвернулся и позвонил Белле.

— Только что мне звонила жена... с телефона и номера Снежки — пожалуйста, побыстрее узнай откуда был звонок!

— Что она сказала?

— Ее мать обиделась на моего и ее отца за то, что он переспал с молоденькой горничной и у него теперь родилась дочка, сестра моей жены. И теперь обиженная тёща хочет увести свою дочь и внучку от коварного свекра-деда, чтобы они не узнали, что он для них является отцом-дедом.

— Дааа... Как вы во всем этом живете и не путаетесь!

— Вы правы — тайн у нас в семье слишком много для спокойной жизни.

— Звонок был из гостиницы в Шереметьево — скорее всего Редиссон или Холидей, точнее я сказать не могу — телефон отключен.

— Спасибо! Едем искать их!

Глеб повернулся к понуро стоящему отцу — вот какие страшные последствия из-за какого-то случайного траха — теперь он хорошо понимал это и тихо радовался, что не оказался на месте отца.

— Поехали по гостиницам — беременную с ребенком наверняка кто-нибудь запомнил. Но учти, со своей Тamarой будешь разбираться сам — я заберу жену и дочку и повезу ее в роддом на обследование! А ты делай, что хочешь...

59

Подложив под спину подушечку, Ирина полулежала в кресле, попеременно смотрела на Снежку, играющую на диване с любимой единорожкой и на взволнованную, бледную, но с решительно сжатыми губами Тамару Леонидовну, сидящую на краешке дивана с прямой спиной.

В свои сорок с маленьким хвостиком она очень хорошо выглядела, особенно после отдыха на море, солнышке, фруктиках: обаятельная, фигуристая шатенка с приятными манерами интеллигентной дамы бальзаковского возраста.

— Mam, что ты творишь? Почему ты сорвала нас из дома, обманув меня?

Объясни, пожалуйста, почему мы приехали в аэропорт, а не в твою квартиру? Ты сказала, что от этого зависит твоя жизнь, что тебе нужна моя помощь и поддержка, и я тебе поверила, поехала с тобой, даже не предупредив мужа! А ты собрала наши чемоданы, отнесла в машину их и Снежку, забрала мой телефон и не даешь поговорить с Глебом!

— Вот-вот! Ты такая же, как я — наивная, обаятельная интеллигентка! И повторишь мою судьбу! А я не хочу, чтобы тебя это коснулось, и ты бы страдала, как я сейчас! Я объясню тебе все, когда мы уедем подальше от этой презренной семейки!

— Нет, объясни мне это здесь и сейчас! Я не двинусь с места, пока не узнаю всю правду о моем муже, моем отце и Илье Семеновиче, которую ты обещала мне рассказать! Ты сказала, что от этой поездки зависит твоя жизнь! Тебе кто-то угрожает? Илья Семенович? Он совсем не такой, как я о нем думала раньше: он жесткий, эгоистичный, грубый...

— Приедем в Картахену — расскажу. Ты теперь богатая — вон сколько всего он на тебя переписал! И не вздумай ничего ему отдавать! Мы начнем новую жизнь втроем! Без этих обманщиков, предателей, убийц!

— Он что... убил моего отца? У вас с ним был роман, отец узнал, началась драка...

— Ха-ха-ха! Если бы все было так просто!

— Mam, отдай мой телефон — я позвоню Глебу, предупрежу, чтобы он не волновался.

— С чего ты взяла, что он волнуется? Может, он вздохнул с облегчением, что освободился от вас, и развлекается на пару со своим папашей с проститутками! Я не удивлюсь, если их там уже полный дом!

Ирина вздохнула и про себя подумала, что если бы не было бы тех месяцев испытаний, если бы она не научилась держать себя в руках, и если бы не усвоила урок свекра: «Не верь глазам своим и словам людей, особенно женским!», то она давно бы оказалась в больнице с угрозой преждевременных родов — нет, она не будет верить и переживать, будет слушать историю и думать, что она ее совсем не касается...

— Ты не забыла, что я беременна и волноваться мне нельзя?! — напомнила она.

— Вот от этих волнений я тебя и увожу! Мужчины, которых мы любим только отравляют нам жизнь и убивают нас своими изменами!

— Глеб мне изменил? Не верю!

— Вполне возможно — горбатого могила исправит!

— Дай, мне телефон! Я позвоню ему, и все узнаю, а потом будем решать...

— Дочь, ты самый близкий мне человек — и я не допущу, чтобы ты страдала, как страдаю сейчас я! Хорошо, я тебе все расскажу — а ты решай на чьей ты стороне: своей родной матери или на стороне этих неверных мужчин.

— Ты страдаешь — почему? Ты приехала из Картахены такая радостная, довольная... Я думала у вас роман с Ильей Семеновичем.

— Я тоже так думала! Но он собирается создать семью с молодой девицей, которая годится ему в дочери и уже родила ему ребенка от их случайной связи!

— Ты о Дине? Он собирается создавать с ней семью? Значит, она его дочь... и тест верен... но тогда получается, что Илья Семенович мой отец? Как такое возможно?

— Отец! Какое ответственное слово! Жаль, что к Илье оно не относится! Он всегда был обманщиком и изменщиком! Но я его любила и все ему прощала, а теперь... Снова обманув меня, он собрался заводить семью с девицей, годящейся ему в дочери!

— Она здорово потрепала мне нервы, утверждая, что эти дети Глеба. Если бы ты знала, сколько денег мы с мужем заплатили за операции ее детишкам...

— Почему я не знала об этом?

— Вы со Снежкой отдыхали... а потом у нас с тобой давно пропали доверительные отношения.

— Пропали, когда ты вышла замуж за не пойми кого! Он родился у малолетней шалавы не пойми от кого! А этот молодой влюбленный идиот женился на шлюхе с пузом, признал ребенка своим, воспитывал его, содержал, наплевав на своего собственного ребенка! И через столько лет повторяет эту же ошибку! Сколько можно это терпеть и его прощать!

— Я не буду с тобой обсуждать своего мужа, его мать и его отца — это их семья и их проблемы! А доверительные отношения, я теперь это хорошо понимаю, пропали у нас уже давно — еще в школе: делилась с тобой своими «секретами» только я, а ты все от меня скрывала, даже то, что мое свадебное платье оплатил Илья Семенович, а не ты...

— Ты хочешь знать правду? — спросила Тамара Леонидовна, встала и стала нервно расхаживать по комнате.

— Да.

— Возможно, ты права, дочь — я слишком долго ее скрывала от тебя — решай сама на чьей стороне ты будешь! Но помни: у тебя будет либо мать, и мы все втроем поедem жить в Картахену... на какое-то время, либо у тебя будет отец и муж — ты останешься с ними и навсегда потеряешь мать! Третьего не дано...

Ирина молча пожала печами — свой выбор она уже сделала — муж!!!

60

— Сразу после школы я пришла работать в конструкторское бюро огромного предприятия, и как дурочка с первого взгляда влюбилась в одного из конструкторов — как оказалось женатого и с ребенком. Он тоже заметил меня и стал оказывать знаки внимания, но становиться очередной его любовницей я не собиралась: меня сразу предупредили, что он не пропускает ни одной юбки — отношений с мужчинами у меня не было, и я (наивная, влюбленная барышня) ждала предложения руки и сердца. Почти год я «бегала от объекта влюбленности», а когда он появился на моем пороге с чемоданом и предложил жить вместе — сдалась. Мы стали жить вместе, как муж и жена, хотя расписываться он не торопился, говорил, что жена не дает развод, но он обязательно разведется. Потом родилась ты... Он

обещал мне, что мы поженимся, поедem все весте в Испанию, и он даст ребенку свою фамилию, надо только немного потерпеть... Я была счастлива: любимый мужчина, ребенок... но продолжалось так недолго: на пороге возникла его жена, скандалила, кричала, что у них сын, он увез ее домой, вернулся, объяснял, просил прощение, а потом начался ад: с работы мы ехали к нам, ужинали, он укладывал тебя спать, мы занимались любовью, и он уезжал к жене и сыну, на следующий день все повторялось снова... так продолжалось довольно долго, пока к нам опять не приехала его жена — беременная — он спал и с ней и со мной! Вот такой верный муж и такой любящий любовник! После скандала она потеряла ребенка, и он какое-то время совсем к нам не приезжал — у нее была депрессия, и он боялся, что она с собой что-то сделает. Потом он снова появился у меня в доме, стоял на коленях, просил прощения и я простила и приняла его... я его любила, и ты по нему скучала, мы опять стали жить вместе, но это снова оказалось не надолго, опять появилась жена и ночи он опять стал проводить дома с женой и сыном... Она снова забеременела, и снова потеряла ребенка после очередного скандала... Мы любили друг друга, но жене он поклялся растить вместе сына и не мог нарушить эту клятву, как он мне объяснил! Он метался между нами, не решаясь сделать окончательный выбор, трепя нервы нам всем троим и детям. А мне казалось, что ему просто удобно жить на две семьи: ничего не требующая, молоденькая любовница с ребенком, скандальная, но терпеливая жена с ребенком, а он «подзаряжался» эмоциями, скандалил с женой, клялся мне в любви, бешено занимался со мной сексом и возвращался в «семейное гнездышко» вполне довольным и удовлетворенным. После очередной беременности жены и очередного скандала, она сделала аборт и наглоталась таблеток, и я сказала: «Хватит!», выставила его за дверь и запретила приходить! Что тут началось: он таскал цветы, обещал развестись, рыдал под дверью, умоляя его впустить, караулил нас у садика... Я была непреклонна и на какое-то время он пропал... Потом я узнала, что он запил, не выпивал, а запил — его уволили с работы, он пил, не просыхая, и чем бы это закончилось я не знаю, но однажды он приполз ко мне под дверь — в буквальном смысле этого слова, и я его пожалела и оставила у себя. Ты была у бабушки в деревне, он жил несколько дней у меня, каких трудов мне стоило привести его в человеческий вид... Когда он протрезвел и понял, что я его простила и положила с собой спать, он поклялся бросить пить, если мы останемся любовниками, и он сможет общаться с тобой. Я пообещала, и он бросил пить, занялся бизнесом и почти каждую неделю навещал тебя — клеил усы, надевал парик и очки... (прячась от жены). Дядя Яша — это и был Илья Семенович Левицкий — твой отец! Надо отдать ему должное — он всегда платил алименты, помогал деньгами, дарил подарки, покупал продукты — от его «миллионов» я отказывалась — любовь за деньги не продается! Отношения наши то затухали, то вспыхивали вновь, когда на моем горизонте появлялся ухажер — сам он не женился на мне, но и отношения заводить с мужчинами не давал. Так продолжалось пока ты не познакомила меня со своим женихом — я, то, сразу узнала его — Илья часто показывал его фотографии и хвалился сыном, рассказывая о его достижениях и ругая за неразборчивые связи с девицами. Я хотела тебе все рассказать... но как? Ты была влюблена в него, прямо светилась от счастья! К тому же он сделал тебе предложение! Илья был за границей, а когда приехал, я ему сразу про вас рассказала, но было уже поздно: ты ему отдалась до свадьбы, а он передумал на тебе жениться. Илья устроил ему взбучку и заставил жениться на тебе. Он женился, но баб своих не бросил — Илья его все время вытаскивал из загулов и перед тобой отмазывал — будто это у них он был всю ночь. Слушала, как ты плачешь по ночам и хотелось тебе все рассказать, а

потом ты забеременела... тут уже не до откровений — семья! а когда ты попала в больницу после его очередного загула, решила, что хватит терпеть такое! все расскажу тебе, разведетесь и будем сами воспитывать ребенка, но Илья не позволил! Не позволил разрушать семью! Можно подумать, что мы семья! Дал денег — много и подарил парикмахерский салон — я теперь хозяйка салона и имею неплохой доход — только пришлось столько времени и это скрывать от тебя — проживем! Но ты не думай, дочь, что я из-за денег... ты так любила своего мужа, так трогательно держалась за его руку, заглядывала ему в глаза... да и он вроде угомонился... Ты была счастлива с ним, и мне не хотелось ломать твою жизнь.

— А теперь тебя бросили... мой воскресший папаша бросил... и ты решила в угоду себе сломать «мою счастливую жизнь»? — с сарказмом поинтересовалась Ирина. — Да ты не просто предательница, а еще и эгоистка.

— Я предательница? — Тамара Леонидовна, как вкопанная, остановилась напротив дочери.

— Ты! Ты предала меня еще в детстве, лишив отца! Пусть бы он приходил ко мне редко, раз в месяц, но, как отец, а не как чужой дядька! Я бы его любила, ждала и знала, что он у меня есть! Я страдала, плакала после визитов к тебе чужого дядьки, ревнуя тебя к нему, а ты ничего не замечала, увлеченная своим романом с ним. И потом ты меня предала, скрывая правду об отце и не рассказав кем на самом деле является Глеб! И потом, когда врала мне про платье, опять не сказав ничего об отце, и покрывала измены моего мужа! Мама, неужели ты не понимала, что предаешь меня? Ты, родной, близкий мой человек! Предавала и продавала меня изо дня в день! Свою любовную связь с мужчиной ты поставила выше наших доверительных отношений! А теперь ты хочешь, чтобы я разрушила свою семью в угоду твоей уязвленной гордости и оставила детей без отца?! Нет! Я выбираю не тебя, а свою семью — мужа и детей!

— Ты не права, дочь! Выслушай меня! Я тебя не предавала! Это твой муж предатель!

— Глеб мне не изменяет! — вставая с кресла, уверенно произнесла Ирина.

— Сколько еще он будет тебе «не изменять»? — горько усмехнулась Тамара Леонидовна. — Год, два, пять? А потом снова пойдет «налево», заведет себе молодую любовницу! Что ты будешь тогда делать? Страдать? Терпеть измены? Делать вид, что у вас счастливая семья?

— Если его любовь ко мне пройдет, я его отпущу! Пусть строит новые отношения, если нашими он уже не дорожит! Но это год, два, пять — пока он меня любит — я буду счастлива с ним! А потом, когда мы расстанемся, я научусь жить без него, но буду благодарна ему за его любовь ко мне и за счастье, которое он подарил мне и детям!

Они стояли напротив друг друга — такие разные, но все еще родные...

— Поехали домой, любимая...

Женщины обернулись на голос.

В проеме открытой двери стоял взволнованный Глеб, слушая слова жены.

— Глеб!

Ирина шагнула к мужу.

— Папочка!

Бросив игрушку, Снежка побежала к отцу.

Подхватив на руки дочку и обняв жену, Глеб повел их из номера.

В номер вошел Илья Семенович и остановился напротив задумавшейся женщины — где найти слова извинений, как оправдать свои желания...

— А ты права, дочь! — крикнула в спину выходящим из номера супругам Тамара Леонидовна. — Надо быть счастливой, пока тебя любят! А потом... не надо сбегать и прятаться, а надо просто начать новую жизнь, научиться жить без того, кто тебя предал, и быть благодарной ему за подаренные им любовь и счастье! — она повернулась к Илье Семеновичу и, печально улыбнувшись, посмотрела в виноватые глаза мужчины. — Спасибо тебе, Илья, что ты когда-то любил меня и дарил мне счастье, я благодарна тебе за это и за нашу дочь! и буду помнить об этом! А за измену...

Презрительно скривившись, Тамара Леонидовна замахнулась и дала пощечину своему неверному любовнику.

— Ты свободен! Строй отношения с кем угодно! Заводи хоть десять семей на стороне — мне все равно! Я начинаю свою собственную, новую жизнь — без тебя... со своим ребенком! Adios amigo! Se bendita villa «Sangrante el corazon» dando me felicidad!

Подхватив оставленную Снежкой игрушку и «бросив» портье, открывшему дверь номера, — «чемоданы», Тамара Леонидовна поспешила за дочерью и зятем, чтобы попросить у них прощения за свой отчаянный поступок — сбежать, спрятаться от изменившего и больше не любящего ее мужчины, объяснить им свой поступок обидой и зашкаливающими гормонами, наладить с ними отношения и начать новую, свою собственную жизнь без предавшего ее мужчины — с ними и с ее еще не родившимся ребенком...

61

С большим удивлением выслушав Тамару Леонидовну и завезя «будущую мамочку» на ее квартиру, Ирина и Глеб возвращались домой, поглядывая на дремавшую в кресле дочку.

— Я волновался, — тихо произнес Глеб. — Больше так не делай.

— Хорошо, — кивнула Ирина и улынулась. — Ты так сладко спал после «трудовой» ночи...

— Конечно, спал! — улыбнулся «трудоголик». — Стараешься для тебя, стараешься... а ты сбегаешь!

— Не ворчи, ты же понимаешь, как маме было тяжело слышать про вторую семью с молоденькой девицей после их совместного отдыха на вилле — вот и «снесло крышу» у беременной от ревности и разочарования в любимом.

— Дааа... тёща меня удивила — в таком возрасте решила завести ребенка и никому ничего не сказала.

— Шла сообщить новость «папаше» — из аэропорта сразу поехала ко врачу, а потом к нам... и услышала ваш разговор! Ну, и сволочь твой отец! Мама всегда хотела семью, детишек, но твой отец не давал ей это сделать: еще десять лет назад мог уйти из семьи и жить с мамой, завести детишек, но он не развелся... Мне кажется не его клятва тому виной — он привык к вольной жизни и не хочет никаких обязанностей и ограничений — живет только для себя и своих удовольствий! Твой отец безответственный эгоист и не заслуживает ни любви, ни семьи!

— Он такой же твой, как и мой! Но ты права... услышать такое беременной женщине, что ее не любят и хотят завести семью с молоденькой девицей, родившей ребенка от случайного переписка... Прости.

— Поэтому она и хотела уехать, ничего не сказав твоему отцу о ребенке, хотела, чтобы мы пожили какое-то время на вилле, подальше от вас и спокойно родить... не понимая, что от своих страданий и своей любви не убежишь!

— Согласен, даже если улетишь на Луну! — Глеб вспомнил «тюремные» ночи, проведенные в одиночестве, мыслями он все равно был с ними. — Давай заедем ко врачу — пусть тебя осмотрит!

— Не надо, я просто немного устала, но не нервничала... Даже странно, я слушала рассказ матери о ее с отцом жизни совсем без эмоций, как будто речь шла о совершенно посторонних людях.

— И как теперь ты будешь общаться с отцом, когда всё знаешь?

Немного подумав и вспомнив свою «ревность» к женщинам Ильи Семеновича — это была не ревность мужчины к другим женщинам, а ревность внимания отца к другим женщинам, Ирина неопределенно пожала плечами.

— Никак! Он от меня отказался — представляешь, даже усы клеил и парик с очками надевал, чтобы я его не узнала... и следящая за ним жена тоже. А мама все знала про тебя и твои загулы, но послушалась его и ничего мне не сказала — предатели!

— Не суди их слишком строго — они хотели, как лучше.

— «Благими намерениями выстелена дорога в ад» — в мой детский ад... когда я скучала об отце — мне подсовывали какого-то чужого дядьку! Пусть бы у меня был проходящий отец, редко проходящий, но у меня был бы мой любимый «папочка»! А этот дядька... — Ирина вытерла набежавшие слезы. — Не хочу о нем говорить! Жил он без моего «папочка», еще столько же проживет. Ты лучше скажи, что будет с Дианой? Она теперь мне по факту — сестра. Как с этим быть?

— Отец поехал к Динке — разбираться. Сдадут вместе тест на отцовство... — проинформировал Глеб и усмехнулся. — Думаю договорятся.

— Ты имеешь в виду — будут жить семьей? — напряглась Ирина — как ни была она обижена на биологического отца, но связь с молодой девицей ради денег не одобряла — ни к чему хорошему это точно не приведет.

— Не знаю... Динка из-за денег вон на какой обман пошла!

— Но она была жестоко наказана за это! Ты же не знаешь... после второй операции ребеночек умер... и еще какое-то время находился у нее в животе, рядом с живым ребенком... представляешь ее состояние — я видела: она прямо почернела вся... худая, бледная, голодная...

— Тяжело достался ей этот обман! А интересно, мальчишка был отца или от ЭКО?

— Ты хотел сказать «от тебя»? Вряд ли твой — при ЭКО проверяют на жизнеспособность, на болезни... а этому ребенку две операции сделали и не помогло, да и девочка такая же болезненная — уже одну операцию сделали, а еще реабилитация... Ой, а вдруг и у мамы будут проблемы с ребеночком?

— Не факт, не надо волноваться раньше времени! Может, дети больные не из-за отца, а у Динки наследственность плохая. Мать ей так и не выплатила денег за рождение ребенка.

— Пусть твой отец выплатит — у него налички в сейфе... упаковками. Сидит на деньгах, как дракон огнедышащий — ни себе, ни людям!

— Это ты зря! Отец все мои долги погасил — фирму спас от банкротства, теперь долги ему возвращаю, возвращенный товар продаю или заказчикам доставляю. Нет, спасибо отцу!

— Мог бы и простить тебе твои долги!

— Вот Сашка родится — на радостях, может, и простит!

— Нет, лучше не надо! Боюсь, что у тебя появится много денег, и ты станешь таким же огнедышащим драконом без сердца, как твой отец.

— Не преувеличивай! — хмыкнул Глеб — он не возражает против «средних» денег — «большие» всегда связаны с криминалом, а с криминалом он связываться не хотел — «плавали — знаем», чем это кончается! — Все зависит от человека — какие «ценности» у него в душе.

— Согласна! Глеб, если нам теперь не надо покупать Дине квартиру... может купим мне машину! — неожиданно заявила Ирина. — Права у меня есть, а машины нет!

— Ничего себе заявочки! — недовольно нахмурился Глеб — женщина за рулем... — Ты же беременная! Беременным за руль нельзя!

— Можно сначала выбрать машинку, а потом... когда рожу, купить!

— Ты предлагаешь мне этим заняться?

— Конечно! Пусть это будет твой подарок на рождение ребенка! Только не дорогую, надежную, красивенькую, не «лилипутика» и не «крокодила»!

— О! Загрузила! — заворчал Глеб, но тут же сменил тон — он же пообещал себе радовать жену и исполнять ее «капризы». — Ладно, будет тебе машинка!

— Скорей бы... — вздохнула Ирина, — уже родить!

— Не, не! Не спеши! Еще два месяца... пусть Сашка растет спокойно!

— С нашими то родителями и спокойно?! Что будет, когда Илья Семенович узнает о его ребенке?!

— Тем более мальчике — он так мечтал о своем сыне!

— Проворонил он свое семейное счастье!

— Я бы сказал жестче: прое*ал он свое семейное счастье и сына — не простит его Тамара Леонидовна за его слова и к сыну не подпустит!

— Кто знает... — пожала плечами Ирина. — Если женщина любит, то может дать мужчине второй шанс... Только вот как он этим шансом воспользуется!

62

А Илья Семенович ехал совсем не к Дине, разговаривать на счет совместного теста дочки и создания «второй семьи», а ехал к своей обманутой, брошенной им любовнице...

Он специально заехал в ресторан пообедать и подумать... подумать над словами и действиями (это же надо! за столько лет первый раз дала ему пощечину и послала!..) такой послушной, интеллигентной и терпеливой любовницы. Именно «любовницы», столько лет пребывающей в таком статусе и мирящейся с этим положением, впервые она пошла против него и показала характер. Это было неожиданно и цепляло... Но больше всего его задело презрение, с каким она смотрела на него — она его презирала, а не любила. А он привык к ее любви... в глазах и в теле... в покорстве его желаниям и не вмешательстве в его личную жизнь и в его личное пространство — только он решал: когда, где и сколько времени они проведут вместе. За какие-то минуты все изменилось — он выпил, расслабился, расстроился и разболтался — не каждый день становишься папашей от случайного «маленького удовольствия»... Возможно, он пофантазировал немного, возможно даже, излишне эмоционально говорил о сексе с молоденькой девицей, возможно, обидел свою «старую» любовницу, признавшись, что давно охладел к ней и поддерживает с ней отношения исключительно из-за дочери и внучки, а теперь и внука... Продолжателя рода он хотел! Хотел страстно, потому что у него самого сына не было — единственная дочь... вот теперь и вторая дочь, но ее здоровье вызывает всяческие опасения (он узнавал у врачей) и за ней требуется не просто уход, а материнская забота. И он прекрасно понимал, что молодая девица, любящая деньги и не брезгующая сексом с богатым «папиком», вряд ли будет

испытывать «материнскую заботу» к их больному ребенку, а секс с молоденькой, о котором он тогда распинался, вряд ли продлится долго и, уж конечно, не заменит ему «грудастых и раскованных», а уж про создание семьи (второй, а тем более первой) и говорить не приходилось! С кем ее создавать? С необразованной горничной? Не отличающейся ни красотой, ни интеллектом! Куда с ней можно пойти? Не дальше кровати, да и то, она ни хрена не умеет доставлять удовольствия... В общем, на трезвую голову никакую вторую семью с молоденькой горничной он «заводить» не собирался. Он, конечно, купит им квартиру (на имя дочери), наймет опытную сиделку, будет содержать, но еще одну ошибку с «маленькими удовольствиями» совершать не планировал. Тамара же наоборот, была обаятельна, образована, воспитана и в постели хороша, но не хватало азарта завоевателя, она была покорна и предсказуема... Ее пощечина его удивила, а презрение задело... очень.

«— Кто она такая, чтобы хлестать меня по роже и презирать?! — с каменным лицом «поглощая пищу», Илья Семенович старался вспомнить, о чем шел разговор у Тамары с дочерью, когда они упростили портье (за деньги) открыть их номер. — Что она сказала после пощечины... «Ты свободен! Строй отношения с кем угодно! Заводи хоть десять семей на стороне — мне все равно! Я начинаю новую жизнь — без тебя... со своим ребенком! Adios amigo! Se bendita villa «Sangrante el corazon», dando me felicidad!...»... «Я начинаю новую жизнь — без тебя... со своим ребенком! Прощай! Да будет благословенна вилла «Кровоточащие сердца», подарившая мне счастье!» — повторил ее слова Илья Семенович и замер. — С каким ребенком? Она про Иришку? Скорее всего... про нее и про внуков! Хотела показать, что обиделась, ревнует и рассталась со мной... И остается с дочерью...

Тренькнул телефон, Илья Семенович отложил вилку, прочитал сообщение от сына:

«Прое*ал ты, батя, на стороне свою настоящую семью и своего сына... Твоя Тамара беременна, три месяца... У тебя — сын!!!»

Илья Семенович замер и долго смотрел в погасший телефон.

Что творилось у него в душе не поддавалось описанию: раскаяние, радость, боль, тревога, обида — на себя и на свою любовницу — почему раньше не сказала — там на вилле, когда у них все было замечательно... все сложилось бы совсем по-другому... Если бы можно было бы вернуть время вспять в то роковое мгновение, когда он «делился чувствами» с сыном, он отдал бы за это всё, что угодно! Все свои деньги! чтобы все исправить, не говорить тех обидных, правдивых слов... но что сделано, то стало известно, что сказано — то было услышано!

«— И что теперь делать? Поехать, спросить напрямую — беременна ли она... Она один раз уже меня послала — пошлет еще! Теперь я для нее — никто! А как же мой сын? Уедет Томка, родит, а я и не узнаю! Может, как-то договориться — денег дать — много, чтобы позволила за развитием сына наблюдать, на УЗИ ходить, гладить живот с ребеночком, как Глебка гладил... Но Томка не Динка — деньгами ее не купишь! Она хочет любви! А я разве могу дать ей любовь? ради сына скажу, что люблю! Только сейчас она вряд ли поверит моим словам — сама слышала я сказал, что моя любовь к ней прошла. Как теперь ей говорить, что люблю, чтобы она ко мне вернулась, и что мы вместе будем воспитывать сына? Сначала надо поговорить — сидит небось дома, рыдает — как одной ребенка поднимать...»

Все мысли Ильи Семеновича были только о сыне — про свою дочь, про его мать и про «вторую семью» он напрочь забыл!

Купив бриллиантовое кольцо и роскошный букет, он помчался на квартиру Тамары мириться, но дверь ему никто не открыл, и он заволновался, стал названивать по телефону

— расстроилась, вдруг с ребенком что-то случилось, а если... решила ему отомстить и захотела от ребенка избавиться?! Но звонки его Тамара сбрасывала, тогда он позвонил начальнику службы безопасности, и ему через две минуты доложили ее местонахождение — элитный салон в Центре — ее салон. И он поехал туда...

А Тамара... Как начинает новую жизнь женщина, преданная любимым мужчиной? Стрижкой и изменением цвета волос! Тамара подстриглась, из шатенки стала светло-русой с осветленными прядками, сменила яркий макияж на «натуральный» — помолодела, похорошела, глаза заблестели...

Войдя в салон, Илья сначала не узнал Тамару. Она улыбнулась этому — новый образ, новая жизнь, и в этой жизни она, наконец-то, станет сама собой, будет жить для себя, так, как она хочет, не подстраиваясь под другого человека и его рабочий график: хочет встретиться — пусть ломает к чертям собачьим свой график! и приезжает; не подчиняясь чужим желаниям, забывая о своих — захочет пойдет в театр (одна!) или на выставку, поедет к подруге и не ожидая чужих предложений и одобрений. Она почувствовала себя свободной! Любила ли она еще этого мужчину? Да, любила! Ревновала ли она его к другим женщинам? Да, ревновала! Но сейчас она ясно понимала, что он никогда, по-настоящему, и не был «ее мужчиной» — у него всегда была жена и другие женщины. Это он считал ее «своей женщиной» и, как собака на сене, не давал ей построить другие отношения! Теперь его власть над ней кончилась! В своей новой жизни — она сама себе хозяйка и сама устанавливает свои правила: захочет будет заниматься с ним сексом или строить новые отношения, не захочет — не будет! А нравится или не нравится ему «новая она» и ее новая жизнь — это его проблемы»...

— Зря потратился Илюш, — подошла, посмотрела в глаза — без презрения, но и без любви. — Я тебе не жена и разбираться с твоими любовницами я не буду — сама твоей любовницей была. А теперь хватит! Отношения с женатыми мужчинами меня не интересуют! И цветы, и подарки мне твои не нужны — даже не пытайся меня купить! Захочешь меня вернуть — разведись, а я подумаю: нужны мне отношения с нелюбящим меня и ненадежным мужчиной, а захочешь создать семью... всё, как положено: предложение, колечко с бриллиантом мне на пальчик, ЗАГС и клятва, что изменять мне не будешь... пока я сама тебе не изменю! А я еще подумаю над твоим предложением: выходить за тебя замуж или нет — может, другого, получше тебя полюблю! А теперь простите, Илья Семенович, пойду в спа-салон, сделаю шоколадное обертывание, а потом за работу! Вы не забыли — я ведь хозяйка салона!

Она развернулась и пошла в глубь салона в «хозяйский кабинетик».

А «Илюша» постоял, помялся и с букетом и неврученным подарком вышел из салона.

Он ожидал слез, упреков... скандала, криков, но не спокойного, отстраненного равнодушия...

«— Неужели она меня разлюбила? Совсем... — подумал он и почувствовал, как тоска одиночества и отчаянное сожаление утраченного вгрызаются во внутренности...»

Вернувшись в свой особняк, он слонялся по огромному дому, и дом казался ему пустым и холодным, а он когда-то мечтал о детях, веселом смехе, «куче» родных и близких людей в этом доме, о праздничной толчее и щедром, «фамильном» застолье, о тихих семейных вечерах у камина в обнимку с любимой и любящей его женщиной... его, а не его деньги! а вот теперь его «любимая женщина» с их ребенком уходит от него... а он ее уже не любит и не хочет... и уже вряд ли когда-нибудь он найдет свою ту единственную, любимую, без

которой он не сможет жить... Но почему же ему так плохо? сейчас... когда он уже почти потерял свою бывшую и когда-то любимую им женщину, и своего еще не рожденного сына, и надежду на настоящую семью потерял с уходом из его жизни этих двух самых дорогих и близких ему людей...

В полной мере Илья Семенович прочувствовал потерю любви «своей женщины»... (он перестал ее любить... она перестала его любить... и они оба стали несчастными — «что имеем — не храним, потерявши — плачем!»)... только тогда, когда не ощутил рядом с собой теплоту ее тела, ее заботу и ее любовь, он почувствовал пустоту и одиночество, и это удручающее состояние лишало его желания что-то делать, к чему-то стремиться... Он впал в уныние, два дня не выходил из дома, не отвечал на звонки, пил, пытаюсь заглушить боль от потери семейного счастья...

63. Октябрь. Семь месяцев беременности

— Ну, ты, отец, даешь! — недовольно глядя на пустые бутылки, Глеб расхаживал по кабинету, в котором два дня «заливал горе» Илья Семенович. — Все тебя обыскались, а ты расслабляешься!

Мужчина поднял на сына несчастные, запавшие от горя глаза, и сын тут же растерял весь свой задор...

— Ты чего, бать? Чего так переживаешь? — Глеб сел рядом с отцом на диван, приобнял за плечи. — Ты же сказал, что ее не любишь... что давно все прошло. Или все-таки любишь?

— Не знаю... — Илья Семенович наклонился, взялся руками за голову. — Без нее совсем пусто... словно кусок сердца оторвали... болит.

— Это да... болит. Только когда теряем, понимаем, что без них жить не можем... Я за ум взялся, только когда испугался, что Иришка не простит мне моих загулов и уйдет с дочкой... Как представил, что я один остался в пустом доме, как ты сейчас... хоть волком вой от тоски по ней... еще недоволен был, что своей заботой доставала, а оказалось, что без ее любви и заботы жизни нет — все серое, скучное, одинокое...

— И мне без них, хоть в петлю... Две недели на вилле настоящей семьей жили — твоя Снежка нам, как дочка была — ни минуты покоя... Душа радовалась на них глядя, и с сексом все нормально было — кроме нее никого не надо! А сюда вернулись... будто дверь в душе захлопнулась — стал жестким, циничным, ничего кроме работы не нужно! Как так? Почему? Да еще этот тест — какой я отец! — один случайный перепих, и вся прежняя жизнь под откос!

— Сам же говорил, что дети появляются, когда ты их совсем не ждешь!

— Это точно! Томка думала климакс... — скривился усмешкой Илья Семенович, — а оно вон как... сын!

— И дочь.

— Точно... Лучше не напоминай!

— Как это? Ты ее что признавать не хочешь? — насторожился Глеб.

— Мне не до нее!

— Подожди! Девчонку скоро выписывают, документы надо оформлять и забирать ее!

— Куда забирать? — вскинулся «хозяин жизни», разводя руки в стороны. — Я один! Пусть мамаша забирает!

— Не хочет Динка ее забирать! Придется тебе — говорил, что своего ребенка не бросишь! На меня орал, когда я отказаться хотел...

— А он только на словах такой... правильный и надежный мужчина, а на деле —

пшик! — Ирина остановилась в дверях кабинета и презрительно скривилась. — Правильно, что мама вас бросила! Врун вы! И сволочь!

— Ир! Ну, ты полегче! — стал сын на защиту отца.

— Не надо, сын, она права! Врун, потаскун и сволочь — это я! — согласно кивнул Илья Семенович. — Тащи — выпьем за это!

— Вот-вот, только на это и способны! А свои слова я могу обосновать! Сволочь — потому что бросил беременную женщину! врун — потому что обещал жениться и не женился! изменник — до чего дошел в своих загулах: не стесняетесь вслух говорить, что предпочитает грудастых и раскованных шлюх! пьянь — два дня не просыхает! Мне мама рассказывала, как вы пили, когда она вас бросила! Все повторяется! Напейтесь, ползите к ней, ставьте опять свое условие: «брошу пить и стану человеком, если останешься моей любовницей!»! «Ставки сделаны, господа!» — тогда ваша ставка выиграла джекпот — мама осталась с вами, потому что любила вас — очень! а вы это не оценили — размазали ее любовь по жизни на двадцать пять лет, а могли бы жениться и быть счастливым, с кучей детишек от любимой женщины! Вы выбрали другое — свободную от обязательств жизнь, нелюбимую жену и измены на стороне! Это ваш выбор! Чего же вы теперь так распереживались? Вас никто не обманывал, вам никто не изменял, вас никто не бросал — всё это сделали вы! Сами! А теперь плачете! Так вам и надо! Нисколечко вас не жалко! Пожинайте то, что посеяли!

— Ириш, ну ты уж совсем то отца не добивай! — Глеб покачал головой, хотя в душе соглашался с женой — «что посеешь, то и пожнешь!» — Видишь, человек переживает.

— Вижу, что он пьет! — презрительно дернула Ирина плечиком. — Горе заливает!

— Ну, не без этого! — виновато улыбнулся Глеб. — Надо горе утопить в вине — легче станет.

— Какое же это горе? Ребенок — это счастье!

— Она права, сын! Ребенок — это счастье! — согласился Илья Семенович. — Только счастье это... мое счастье... мимо меня проплыло!

— А это уже от вас зависит — мимо оно проплывет, или вы его себе заберете. С таким отношением и поведением оно точно мимо! — Ирина посмотрела время на телефоне и заторопилась. — Глеб, принеси ему бутылку побольше — пусть пьет! И поехали уже — опаздываем! Врач ждать не будет, а я хочу поприсутствовать на УЗИ братишки... Как странно звучит — братишка! Мама всегда хотела еще детишек, но кое кто «предохранялся от нежелательной беременности»! Илья Семенович, не знаете, кто этот идиот-перестраховщик!

Ирина развернулась и вышла из кабинета.

Посмотрев на понуро сидящего отца, Глеб вскочил с дивана и бросился вслед за женой.

— Подожди, Ириш, позвони, предупреди, что мы опаздываем... минут на пятнадцать. Надо же ему себя в божеский вид привести!

— Мы не опаздываем, — улыбнулась Ирина. — У вас полчаса.

— Хитрюга! — Глеб чмокнул жену в волосы. — Думаешь она его не прогонит?

— Пусть видит, что он волнуется о них, заботится, а там уже все в его руках.

— Главное, сделать первый шаг, а дальше, как пойдет... — Глеб подмигнул Ирине, развернулся и пошел к отцу в кабинет. — Подъём! У тебя полчаса, чтобы привести себя в порядок перед знакомством с сыном!

Через полчаса они ехали в машине Глеба в женскую консультацию.

И похоже у будущего «папаша» тряслись руки (не от пьянки), он так же, как и Глеб на

свидании с женой, сцепил их в замок и сжал коленями.

64

— Что он здесь делает? — набросилась Тамара Леонидовна на дочь.

— Он имеет такое же право на этого ребенка, как и ты! Ты можешь с ним не разговаривать, но заботиться о вас он обязан! Пусть все покупает, гуляет с тобой, следит и напоминает! Он отец!

— Он нас бросил! — с ненавистью глядя в лицо старшего Левитского, выпалила беременная женщина и вошла в кабинет.

— Мне уйти? — безрадостно спросил Илья Семенович и вздохнул — зря он приехал, она его снова ненавидит!

— Вы о них должны заботиться, — Ирина подошла, взяла «свекра» под руку и потащила к кабинету. — Заботиться, даже если кому-то это не нравится!

— Я уже купил бриллиантовое кольцо — в машине с Геной оставил... поедем обратно подарю.

— Тук-тук, войдите! — Ирина постучала пальцем себе по лбу. — Заботиться — это значит кормить, поить, исполнять разные желания, гулять на свежем воздухе, напоминать о приеме витаминов и добавок...

— А чем кормить-поить?

— Это надо у нее узнать — какой творог, какие фрукты, мясо диетическое, какие соки ей хочется.

— А если она со мной не разговаривает? — напряженно глядя на «дочь-невестку», спросил «будущий папаша».

— Вспомните, что она на вилле пила и ела — вот то и покупайте.

— Я не помню...

— Здорово! Две недели жили вместе и не помните, что она пила и ела? Мужчины! — пренебрежительно хмыкнула Ирина и повернулась к мужу. — Глеб, а какой я пью сок?

— Ты?.. Разный! — попробовал Глеб уйти от ответа, но под строгим взглядом жены попробовал угадать: — Виноградный или малиновый.

— Абрикосовый! — Ирина вздохнула. — Ладно, первый раз я все узнаю, а потом попросите, чтобы она готовила для вас список, что купить. Кстати — сумки ей тяжелые носить нельзя!

— Она же меня не слушается...

— А это уже ваши проблемы — сами разбирайтесь с вашей женщиной и вашим ребенком!

Дверь в кабинет открылась, и медсестра пригласила их в кабинет.

Через полчаса они вышли: Тамара с кучей направлений, Илья с первой фотографией своего сына.

— Надо же, ручки-ножки видны... — умильно разглядывая снимок, удивлялся он и, убрав снимок во внутренний карман пиджака, по-деловому распорядился: — Вы езжайте, ребята, нас не ждите. Моя машина приехала, и я сам отвезу Тамару домой, в магазин с ней зайдём...

— Я прекрасно доеду на такси, если вы не хотите меня везти домой, — обиженно поджала губы Тамара.

Она развернулась и пошла в конец коридора.

— Прошло то время, когда вы командовали ей, теперь привыкайте спрашивать и

угождать — иначе вы ничего не добьетесь! — хмыкнула Ирина и поспешила за матерью.

— Тамара, мы можем поговорить? — нагнал их Илья Семенович, преграждая дорогу.

— О чем? О том что я все неправильно поняла, и ты меня любишь и скоро женишься на мне? Достали меня твоё вранье и твои обещания! Не вижу твоих мужских поступков! Мириться я буду с тобой только на тех условиях, которые я озвучила! А заботиться о нас — заботься! И если мне что-нибудь будет нужно для ребенка — я тебе позвоню.

Женщины обошли застывшего мужчину и пошли к машине.

— Похоже, «осторожненький» секс у тебя будет не скоро! — хохотнул Глеб, хлопая отца по спине. — Смотри не запались со своими грудастыми, а то сына будешь видеть раз в месяц по суду и в присутствии...

— Да понял я! — разочарованно отмахнулся Илья Семенович — такие проблемы образовались с появлением ребенка, не до грудастых сейчас. — Чего мне теперь делать?

— Она тебе сказала, что делать — разводишься! А там по ходу разберешься. Похоже, что разводиться с матерью ты не особо то и хотел — пришлось бы жениться на Тамаре, а я так понимаю, что ты не хочешь расставаться со своей свободой — с матерью вы живете каждый своей жизнью, и вас обоих это устраивает.

— Я привык так жить!

— Попробуй пожить по-другому, может тебе понравится.

Всю дорогу до дома Тамары, Илья сидел в машине сына рядом со «своей женщиной», не решаясь взять ее за руку и поговорить. Женщины тихо разговаривали друг с другом.

— Рассказала врачу о проблемах с детьми от него у другой женщины. Попросила взять меня с ребенком на особый контроль... Вдруг что...

— Глеб прав! Не надо волноваться раньше времени — может это Дина виновата, что детки такие болезненные. Я же здоровая! Значит, и братишка будет здоровеньким!

— Спасибо, дочь... за поддержку и за то, что простили...

— Брось! Мы же родные люди.

«— Поступков ей моих мужских не хватает! — обиженно думал Илья Семенович, искоса поглядывая на женские животики, выпирающие в расстегнутых пальто, и сравнивая их. — Ладно! Будут тебе мужские поступки! Посмотрим, как ты будешь на них реагировать...»

До квартиры Илья пошел провожать Тамару, не смотря на ее возражения, и вошел в квартиру, и осмотрел «фронт работ», заявив, что с завтрашнего дня в квартире начинается ремонт!

— Какой ремонт? — опешила Тамара от такой наглости.

— Капитальный! У тебя два варианта: либо ты едешь в коттедж к ребятам, либо — ко мне в особняк.

— Пока ты женат о проживании вместе с тобой не может быть и речи! — обиженно заявила «будущая мамочка». — И никакого ремонта!

— Пожалуйста, Том, послушай меня... отключи обиженную женщину и включи родителя. Иришка целый день одна — семь месяцев — вот-вот родит! Кто за ней присмотрит в загородном доме?

Повздыхав, Тамара задумалась.

— Ладно, поеду к дочери... Только ремонт в квартире начнешь через неделю — мне анализы сдавать и делай ремонт без выпендрёжа! — нам с ребенком здесь жить.

— Я завтра с утра приеду к тебе — отвезу куда нужно. Хочешь я вам квартиру новую

куплю? В хорошем доме... — просительным голосом предложил бывший любовник, надеясь «подарком» растопить лед между ними, — живи в ней, пока не согласишься ко мне переехать.

— Какие далеко идущие планы... — саркастично протянула «будущая мамочка». — Которым не дано осуществиться!

— Том, прости, я выпил много — сам не помню, о чем говорил... — все же попытался Илья Семенович оправдаться.

— Отмазка на двоечку! Я же тебе сказала, на каких условиях я буду с тобой разговаривать — сейчас, между нами, только забота о ребенке! А квартирой своей можешь... Дочь и так считает нас предателями, потому что скрывали от нее твои визиты в образе чужого дядьки и загулы Глеба.

— Но ведь сейчас у них все хорошо! Узнай она тогда о его загулах — развелась бы и не было бы у них счастливой семьи! и детишек бы не было! А «ошибки» бывают в каждой семье — надо уметь их прощать!

— А главное — их не повторять!

65

На следующий день отвезя Тамару Леонидовну в консультацию, забив ей холодильник продуктами и договорившись о вечерней прогулке, Илья Семенович, созвонившись с начальником службы безопасности и выслушав его отчет, поехал к жене на их городскую квартиру.

— Мог бы предупредить о своем визите! — недовольно набросилась на мужа Инесса Сергеевна. — Может, я тут не одна!

— Твой дальнобойщик в рейсе, — скривился Илья Семенович — впервые они заговорили о ее любовнике.

— Следишь?

— Докладывают... по долгу службы.

— Вряд ли тебя это трогает.

— Ты права — это меня не трогает уже давно!

— Глеб на меня еще злится? Обвиняет меня черт знает в чем! Где я и где его жена!

— Я тоже думаю, что ты не виновата — задумчиво произнес Илья Семенович. — Для такой «операции» денег у тебя маловато... хотя, если ты развязала свою кубышку за проданную коллекцию ваз и статуэток...

— Ты откуда знаешь? — испугалась Инесса Сергеевна, привычно хватаясь за сердце, и тут же взяла себя в руки — перед ней же не сын, а на мужа такие приемы давно не действуют. — Глеб доложил?!

— Как же ты плохо знаешь своего сына! — скривился почти бывший муж. — Забыла — камеры по всему дому.

— Варвар!

— Ну, что... сама дашь развод и уедешь из страны или подождем, когда тебя осудят и нас разведут?

— Ты слишком самоуверен Илья! Надо еще доказать...

— Инн, мы не первый год женаты — ты меня знаешь, я тебя знаю... Я ведь тебе не Глебка! Я тебя в асфальт закопаю за то, что ты подняла руку на мою дочь и на моего внука! Исполнителя ищут, а вот заказчика уже нашли — твой дальнобойщик... по твоей просьбе — откуда у него такие деньги! Если он умный, в страну не вернется, ну, а вернется... Уезжай,

Иньн! По-хорошему прошу — не заставляй брать грех на душу — только потому, что ты мать Глеба, я тебя не трогаю... Поехали разведемся и вечером улетай!

— На своей секретутке жениться собрался? — нервно засмеялась Инесса Сергеевна. — Ты свободу любишь больше, чем ее! Без эмоций ты через месяц от нее сбежишь! Тебе подавай страсти, скандалы, измены, выяснения и прощения — поэтому ты столько времени со мной и не разводился — скучная она, покорная, слишком влюблена в тебя! а тебе нужен азарт, нужно завоевывать бабу, чтобы держала тебя в тонусе — на пике эмоций! К ни го ед . нет

— Много ты знаешь, что мне надо... может, я хочу семью и детей...

— Ага! Если бы хотел — давно бы развелся! Никакие клятвы не удержали бы! Жена вроде бы есть, а вроде и нет — свобода! Гуляй направо и налево!

— Можно подумать, я от хорошей жизни гулял!

— Это уже не важно — важно, что гулял и вряд ли тебя что-то остановит! Но это уже ее забота! — Инесса посмотрела на уже бывшего мужа. — Денег дай — миллиона два долларов и виллу в Картахене!

— Нет, ничего не получишь. Уезжай с тем, что у тебя есть, а есть у тебя не мало — столько лет из меня деньги тянула — забирай свои цацки и вали! На жизнь тебе хватит, а вот на любовника вряд ли... они любят дорогие подарки, особенно от престарелых теток.

— Не волнуйся обо мне, дорогой, уж я, то, себе среди итальянцев мужика найду! А вот ты... состаришься в одиночестве среди дешевых потаскух!

— Каждому свое! — усмехнулся Илья Семенович. — Кстати, недавно у меня дочь родилась...

— Как у тебя? У Глеба!

— Это ты так хотела, а родилась от меня!

— Ты с этой шалавой в нашем доме...

— Я в своем доме делаю, что хочу и трахаю кого хочу! Собирайся, поехали, а то ведь я могу вместо развода поехать к следователю со всеми собранными материалами... Улетишь из страны в чем мать родила!

Инесса Сергеевна нахмурилась

«— Проиграла... придется платить, Илья шутить не будет... вечно он вмешивается и рушит мои планы... А вот что сын меня знать не хочет — это плохо, денег мне его не видать, но есть один вариант... Надо обдумать!»

— Поехали разводиться! Только дай мне день на сборы.

— Ладно, ночь у тебя есть на сборы, но завтра к обеду, чтобы духу твоего рядом с моей семьей не было.

66

Глеб сидел в ресторане, ужинал и посматривал на часы. Он давно должен был быть дома, ужинать с женой, но неожиданный звонок нарушил его планы. И вот теперь он сидел за столом, ел, не чувствуя вкуса и нервничал.

За соседним столиком спиной к нему сидела девушка с длинными, прямыми волосами, показавшаяся Глебу знакомой. Пожилой, плотный мужчина с лысиной — спутник девушки, чувствовал себя хозяином положения: довольно улыбался и всячески старался «отблагодарить девушку» — заказывал дорогое шампанское, устриц...

— За нашего сына, детка! — провозгласил он тост, чокнулся бокалом с девушкой, полез целоваться. — С меня подарок — квартира для сына!

Девушка попыталась отстраниться, но мужчина не позволил, грубо схватил ее за затылок, не давая возможности двигаться и впечатал в рот девушки смачный поцелуй пухлыми губами.

Нахмурившись, Глеб отложил вилку, намереваясь встать и «прийти на помощь» спутнице пожилого мужчины, но девушка обняла мужчину за шею, и Глеб успокоился, продолжил есть.

К его столику подошел пожилой, обрюзгший мужчина длинными волосами, забранными в хвост, с татуировками и оплывшим лицом, без приглашения сел за стол напротив него.

Глеб недовольно поднял голову — он ждал собеседника, но не такого.

— Вы случайно не ошиблись?

— Нет, сын! Ты такой же красавчик, как я был тридцатник назад — все бабы голову теряли лишь только я выходил на сцену!

Внимательно посмотрев на «отца», Глеб скривился...

«— Возможно, когда-то ты и выглядел хорошо, но не сейчас — неужели и я в полтинник будет выглядеть так же? Пивное брюхо, сальные волосы, мешки под глазами, лишние килограммы... Нет! Мой отец, выглядит по-другому: моложавый, поджарый, мускулистый — вот это образец! На хрен такие гены — завтра же в зал!»

— Я должен радостно броситься вам на шею, за то, что вы заделали шестнадцатилетней дуре ребенка и бросили ее разбираться с этим?

— Ну, почему так трагично? — немного опешил мужчина от такого неприятия. — Все же хорошо — вон какой красавчик-здоровяк вырос!

— Вырос! — согласно кивнул Глеб. — Благодаря моему отцу, который не бросил беременную девчонку и вырастил меня.

— Спасибо ему! Но без меня же тебя не было бы!

— Согласен. И что же вы хотите за то, что заделали меня? Денег?

Мужчина разочарованно крикнул — не так он представлял себе встречу с сыном.

— Деньги у меня есть — пришлось заплатить твоей мамаше кругленькую сумму за радостную новость, и известность в определенных кругах есть... Инка говорила, что у меня внучка и скоро внук родится — посмотреть бы, познакомиться.

— Зачем? — последовал резонный вопрос.

— Ну, как... все же родня!

— Родня... — протянул Глеб. — Тридцать лет не нужны были, а на старости лет понадобились. Зачем?

Опустив глаза, пожилой мужчина задумался.

Глеб оторвал взгляд от лица мужчины, посмотрел на проходящую мимо «парочку» и едва сдержался, чтобы не отпустить колкий комментарий — по проходу шел пожилой мужчина, похотливо обнимая за талию свою спутницу... Спутницей была Вера!

«— Так это и есть «счастливый папаша»?! — презрительно усмехнулся бывший «друг». — Вот как совать хер не пойми во что — потом от дерьма не отмоешься... А Стас повелся, думал у них любовь — разводиться хотел, детей бросить, а у нее целый эскадрон «папиков», которые ей за услуги интимного характера щедро платили! А я дурак шлюху в помощницы взял... О чем Стас думал, когда проверял ее?!»

Вера увидела начальственную, презрительную усмешку и гордо вскинула подбородок — не ты один мужик с деньгами и побогаче найдутся! И, подойдя к выходу, вздохнула — жаль,

что старые, лысые и толстые...

Пожилой мужчина покашлял, привлекая внимание, дождался, когда Глеб к нему повернется и разоткровенничался.

— Как-то... стремно одному жить... Я не про стакан говорю — ну, ты меня понимаешь — кто-нибудь стакан водяры обязательно поднесет! Я про душу говорю — узнал, что у меня есть сын... на душе потеплело — не в пустую жизнь прошла — вон вас сколько... Сын, двое внуков! Родные...

На такое откровение Глеб отреагировал таким же откровением.

— Знаешь... Еще несколько месяцев назад я бы тебя послал куда подальше... папаша! Жили мы без тебя, как и ты без нас! А посидел в СИЗО, подумал... жизнь свою по кусочкам разобрал... тоже наворотил я много в жизни, не сразу понял, что в жизни главное, многое осознал, во многом раскаялся... если бы меня на воле не ждали, не верили бы мне и не простили за ошибки, хреново бы мне пришлось...

— Я тебя понимаю... сидел по малолетке. Тяжело человеку одному — душа черствеет. Вот и я очерствел.

Подозвав официанта, Глеб встал, поговорил с ним, расплатился.

— Сейчас в гости не приглашаю — жена беременная, ей лишние волнения ни к чему, а родится Сашка — приезжай на часок, посмотришь, как мы живем... Но сразу предупреждаю — денег не дам! И у тебя не возьму! И отец у меня есть — другого мне не надо! а чтобы уж совсем не сомневаться...

Подошел официант, протянул Глебу кофейную ложечку и прозрачный пакетик. Глеб ложечку взял в рот, вынул, положил в пакетик и передал «папаше».

— Пунктик у нас в семье: прежде чем что-то утверждать — делаем тесты ДНК. Так что — сделай тест, чтобы потом не разочаровываться. Звони!

Глеб развернулся и не прощаясь ушел.

А пожилой мужчина, после стольких лет претендующий на звание отца, остался сидеть с зажатой в руке ложечкой.

67

Вернувшись домой, Глеб хотел не рассказывать Ирине, почему так задержался, но подумал, что тайн в их семье и так слишком много, и рассказал.

— Я пригласил его к нам в гости... на часок. Ты же не против?

— Нет. Ему, наверно, очень непросто было встретиться с тобой — по сути он отказался от тебя еще когда ты даже не родился... Спасибо твоему отцу, он женился на твоей маме, и ты родился, — Ирина замолчала, вспоминая свой разговор с Верой, тяжело вздохнула. — Как это ужасно... отказаться от своего ребенка, а потом думать о нем и мучаться всю оставшуюся жизнь. Вера родила... и хочет оставить ребенка в роддоме, если семья отца не заберет его к себе.

— Это их проблема! — не посочувствовал Глеб.

— Жалко мальчика...

— Не жалея! Она уже нашла его настоящего отца... лет за пятьдесят!

— Как это? Стас же просил его забрать...

— Устарела твоя информация! Все у них хорошо: квартирка, машинка, вещей навалом!

— А любовь? — печально выдохнула Ирина, по мимо своей воли жалея Веру — разве можно сравнивать материальные блага с любовью?!

— А любовь за деньги не продается! — ответил Глеб и сменил тему. — Ты знаешь,

сегодня посмотрел на своего биологического папашу и захотелось поставить в нашу мансарду пару тренажеров — буду разряжаться железом последние два месяца за неимением желаемого секса! Пойдем посмотрим, куда их приткнуть, чтобы не мешались.

Они поднялись в мансарду.

Ирина хотела предложить поставить тренажеры по обе стороны от окна, но Глеб не дал ей такой возможности: обнял, поцеловал в губы...

— Ты думаешь, я буду тратить время на какие-то железяки, когда осталось меньше двух недель до запрета секса?

Он стал пылко целовать ее, подчиняя языком и поначалу она покорилась, но потом протиснулась сквозь его зубы и придавила его язык, он позволил ей «поподчинять» себя и даже слегка пососал ее язычок, но потом прихватил его зубами, и она охнула, убрала язык и отстранилась от его губ, обидевшись.

— Я здесь хозяин, — жарко зашептал он, подхватывая ее и неся к кровати.

— Я ведь могу и отказаться, — садясь на кровать, чуть улыбнулась она, но глаза при этом у нее были обиженные. — Что ты будешь тогда делать? Настаивать или останешься без...

— Настаивать, и ты подчинишься! — твердо произнес Глеб, не допуская возражений.

— Конечно, с радостью... А ты? Ты не любишь подчиняться?

— Нет!

— Но ведь когда я делаю тебе эротический массаж, ты подчиняешься... — возразила жена.

Глеб сел рядом, обнял ее за плечи, взяв за подбородок, повернул к себе ее голову.

— Нет, я тебе тупо доверяюсь, и ты доставляешь мне удовольствия.

— А когда ты доставляешь мне удовольствие, разве ты не подчиняешься моим желаниям?

— Нет, я просто отступаю от своих желаний, доставляю удовольствие любимой, а потом получаю свое.

— Значит, мне нельзя тебя покорять... — сделала Ирина вывод, вспоминая, что всегда она покорялась его напору и страсти, подчинялась его желаниям и выполняла им задуманное.

— Можно! И проявлять инициативу, и покорять, и возбуждать, и даже насиловать! Разрешаю! Но победителем всегда должен оставаться мужчина! Запомни это, конфетка. Мужик, подчиняющийся женщине, никогда не сможет решить проблему, не оглядываясь и не получая одобрения, никогда не возьмет на себя ответственность за семью, где есть сильная женщина. Никогда не примет решения! Ты такого мужчину себе хочешь?

— Нет! Я хочу тебя — моего победителя! Но как же мне быть, если мне нравится, когда ты делаешь, как я хочу, когда посасываешь мой язычок... голова идет кругом, и я завожусь еще больше...

— Просто попросись... и лаской ты добьешься гораздо больше, чем покорением и напором.

— Маленькие женские хитрости... Я это знаю, но иногда хочется повоевать! Посопротивляться!

— Я только «за». В сексе! Родишь и стань не ласковой киской, а дикой пантерой, но не переборщи — в отличии от отца, которому нужны бушующие страсти, завоевание и покорение, скандалы и раскаяния, мне нужен покой в доме: не поле битвы, а тихая,

спокойная гавань, где тебя ждут с любовью и куда хочется возвращаться — наслушался родительских скандалов в детстве и юности... Бежать хочется из такого дома! И не возвращаться...

Ирина вдруг моментально погрузилась — эти его откровенные слова, услышанные ей давно-давно, тогда настолько запали ей в душу, настолько поразили ее романтическое воображение, наполнили ее любящее его сердце жалостью и состраданием к ее мужчине, такому брутальному и фривольному на вид, а в душе такому ранимому и несчастному из-за скандалов родителей, что она тут же поклялась себе никогда не устраивать с ним скандалов и ссор, чтобы не случилось в их совместной жизни...

— Я помню... ты мне говорил об этом в нашу первую ночь...

— Чтобы потом ты не устраивала мне скандалы и не качала права, что ты отдалась мне до свадьбы... Ты сама так захотела!

— Я пообещала не устраивать тебе скандалов и только после этого ты сделал меня своей женщиной! И я никогда не устраивала тебе скандалов, разбирательств и выяснений с криками, оскорблениями, обвинениями, всегда помня твои слова: «Бежать хочется из такого дома! И не возвращаться...», а я не хочу, чтобы ты от меня уходил... тем более сейчас, когда мы ждем сына... — Ирина помолчала, собираясь с духом, начать серьезный разговор. — Но есть вещи, через которые человек не должен переступать — клятвы, например... Я всегда, безоговорочно верила тебе и верю, когда ты говорил: «Клянусь». Я знаю, что ты честный человек и нарушать свою клятву не будешь, но другие свои проступки... Ты многое скрывал от меня, даже то, что был обязан рассказать! Так не будет доверия в нашей семье, а я так не хочу... Пожалуйста, больше не скрывай от меня ничего! Я всегда готова тебя выслушать, понять и даже простить... что смогу... Пусть это будет самое плохое... самое страшное для меня — ты разлюбишь меня... мы решим все вместе, как нам жить дальше, стоит ли нам расставаться или попробовать возродить наши чувства... Только не унижающая нас обоих ложь! Только не убивающая все измена! Если ты охладеешь ко мне, скажи честно об этом — ты сможешь иметь свою сексуальную жизнь на стороне, приходить домой, сохраняя видимость семьи и поддерживая дружеские отношения... Только не заставляй меня заниматься с тобой любовью после других женщин! Я этого не вынесу... — Ирина несколько раз всхлинула, но сдержала рыдания и продолжила. — Если ты полюбишь другую женщину и уйдешь к ней, ты можешь навешать детей в любое время, но не забирать их в свою новую семью и не привозить ее в наш дом... я не смогу видеть тебя рядом с другой женщиной! Пожалуйста, поклянись, что ты сделаешь все возможное и невозможное, чтобы я не видела твою другую женщину в нашем доме и что она не будет общаться с нашими детьми!

Слезы ручьями текли из глаз Ирины, но она их даже не вытирала, просто сидела на кровати, сжав кулаки и неотрывно глядя в глаза мужа. Ее немного потряхивало от всхлипов, но она не рыдала... просто плакала. Представляя их расставание...

А Глеб смотрел на жену и думал, что ни одна женщина не сделала бы больше для него, чем его жена: прощала, верила, поддерживала, выхаживала, а главное, преданно и беззаветно любила и всем сердцем любит его и сейчас! И он ее любит и никакая другая женщина ему не нужна...

— Клянусь, что никакая другая женщина не войдет в наш дом, как хозяйка! Клянусь, что наши дети не назовут никакую другую женщину мамой! Клянусь, что ни одна женщина не заменит в моем сердце тебя, любимая!

Сквозь слезы Ирина улыбнулась.

— Ты поклялся в том, в чем не властен... Сердце не подвластно разуму — оно любит вопреки всему.

Глеб улыбнулся в ответ — ни одну из своих клятв он не собирался забирать обратно... даже если его любовь когда-нибудь пройдет (об этом он даже думать не хотел), она навсегда останется в его сердце!

— Я постараюсь быть честным и откровенным... А теперь ты поклянись, моя строгая женошка! Поклянись, что никогда не станешь холодной, деловой, отстраненной от семьи стервой!.. то есть «бизнес-леди».

— Если хочешь... Клянусь, не становиться «бизнес-леди», а заниматься своей семьей... но при этом работать!

— Хитрюга! Ладно, принимается! Все, моя конфетка! Вытирай свои слезки и подставляй свои сладкие губки! Из-за твоих переживаний я хочу секса! Быстрого, жесткого и разряжающего!

— О-о-о! А...

— Знаю! И помню! — нежненько опрокинув Ирину на кровать, Глеб лег рядом, подтянул ее к себе поближе и начал раздевать. — Поэтому, мы не станем изобретать велосипед и займемся остороженьким сексом.

— Неет, — слезливо заныла Ирина, — хочу уже нормального, глубокого, чтобы чувствовать весь твой...

— Не соблазняй! На бочок... ножки вниз.

Целуя жену в плечико, он стал осторожно брать ее, придерживая за бедра, не давая ей сгибать ноги... она стонала и капризничала, хватала его и подпихивала в себя, а он рычал на нее, ругаясь, и даже шлепнул по попке, чтобы она не провоцировала и не отвлекала... она все же согнула ноги, открываясь ему, и он не смог устоять, и отодвинулся от нее, и стал входить глубже, и она засмеялась, потому что победила его упрямство и осторожность... она знала, как завести его, поглаживая и слегка пожимая его бока, талию, бедра... движения его убыстрились, стали короткими, резкими, приближая обоих к быстрому завершению, и она уже стонала и двигалась в его жарком ритме, помогая себе пальцами взлететь вместе с ним на «гребень волны»...

68

Через неделю Тамара Леонидовна переехала к дочери, и дни беременности для обеих стали пролетать совсем незаметно.

После переезда к ним тещи, Глеб вздохнул спокойно и вплотную занялся своей фирмой. После пережитого (предательства друга, тюрьмы, ранения) он стал жестче, требовательнее, панибратские отношения больше не допускалось (особенно с женщинами), он перестал попадать в двусмысленные ситуации, очень волновавшие и задевавшие его жену.

Илья Семенович вместе с Диной сдали тест на отцовство, оформили документы на дочь. После официального отказа от ребенка, Илья Семенович выплатил Дине приличную сумму, и она исчезла из их жизни. Диану он забрал из больницы и поселил в гостевой домик с нянями и опытной медсестрой... В свой дом поселять «байстрючку» (по словам Инессы Сергеевны) Илья Семенович не захотел, хотя ежедневно навещал ребенка, справляясь о ее здоровье.

Ирина же через день старалась навещать «сестричку», Тамаре Леонидовне приходилось ездить с дочерью в дом своего бывшего любовника, который после официального развода заботился о «будущей мамочке» и сыночке с удвоенным энтузиазмом, что воспринималось

по настроению: то в штыки и как назойливость, то благосклонно и даже разрешением «погладить животик». От всех дорогих «сюрпризов» Тамара Леонидовна отказывалась — исключение составили только маленькие золотые иконки для нее и их ребенка. В один из дней бродя по дому в отсутствие хозяина, она заглянула в одну из гостевых спален и ахнула — комната была полностью готова к появлению сына... Это очень подкупило и на следующее предложение поселиться в огромном особняке, она не сказала решительного «нет», а просто неопределенно пожала плечами...

Девочка Дины была такая худенькая и «несчастненькая», что обе беременные женщины прониклись жалостью к ней и относились к Диане, если не с любовью, то с большой симпатией и сочувствием, постепенно привыкая к ее появлению в их общей семье.

Получив развод Илья Семенович делать предложение не спешил: не желал терять свободу, сомневался в принятии предложения, а главное, из-за боязни разочароваться в семейной жизни с избранницей — пока его все устраивало: он работал, наезжал, заботился, исполнял желания... все (и даже требование заниматься «осторожненьким сексом», во время которого ему позволено было наглаживать и нацеловывать животик с ребеночком, умиляться и извиняться, удовлетворять и удовлетворяться...). «Только необходимый для разрядки и получения удовольствий секс!» — категорично заявляла Тамара, решительно отвергая поползновения нежных обнимашек и поцелуйчиков Ильи, а его это вполне устраивало, и он старался видаться каждый день и проводить все больше времени вдвоем... втроем, но о совместном житье-бытье речи не заходило.

К восьми месяцам беременности Ирина и Глеб со Снежкой перебрались в город. Секс с наступлением тридцать второй недели у «парочки» не прекратился... Помня о признаниях мужа нехватки секса и прошлом «горьком опыте» предыдущей беременности, Ирина не собиралась оставлять Глеба без внимания и совсем уж без секса!

— Хочу! Хочу! Хочу! — рыдая и заливаясь слезами, кричала (!!!) она, топя ножкой и лихорадочно выдирая его рубашку из брюк. — Если ты откажешься заниматься со мной любовью, я уеду в коттедж, и ты меня до родов не увидишь! Ты обещал исполнять все мои желания! Обещал, обещал! А сам...

Новая волна рыданий повергла Глеба в шок — ничего себе, как ее клинит! — выбирай: либо «секс», либо «прощай, амиго»! Расставаться он не планировал, да и волновать жену не хотел и быстренько согласился на секс... «очень, очень осторожненький», даже не заметив, что жена устроила ему настоящую истерику.

Уже потом, обнимая свою «конфетку» и расслабленно глядя ее по спинке, безэмоционально выговаривал:

— Ты мне что... скандал закатила, требуя секса? — расплылся довольной улыбкой Глеб. — Мне приятно!

— А мне нет! — рассерженно фыркнула Ирина. — Это ты должен ко мне приставать, а не я к тебе!

— Ты, вообще то, ничего не должна получать!

— Ага! Щас! Я лучше знаю, что мне хочется, а желания беременной — это закон! А ты их не исполняешь!

— Я не исполняю? — возмутился Глеб. — Да я всю работу на неделе забросил и только и делаю, что домой катаюсь!

— Можешь не кататься! Я тебя об этом не просила!

— Как это?.. — и вдруг Глеб замер. — Подожди, провокаторша! Мы с тобой что,

ссоримся?

— Мы с тобой выясняем отношения! — улыбнулась Ирина. — А теперь будем мириться...

И она набросилась на него, поцеловала в губы, потолкалась язычком в его зубы, просясь внутрь, Глеб улыбнулся, и зубы разжал... «жестокий тиран», не желающий ублажать женушку, сдался, уступил, и они полночи мирились, занимаясь «очень, очень остороженьким сексом» к удовольствию обоих).

Снежка начала ходить в садик, чем очень порадовала родителей — в садике с детишками она выбегивалась на столько, что без напоминаний укладывалась в кроватку и на первых же строчках сказки засыпала.

Тамара осталась в загородном коттедже дочери и зятя (ремонт в ее квартире еще не закончился), чем не преминул воспользоваться Илья, оставаясь там с «ночевкой», не желая оставлять будущую мамочку одну без присмотра. Он мотался туда-сюда по Подмоскovie, ничего не успевал, нервничал, но такая суматошная, «взрывоопасная» жизнь ему нравилась.

69. Эпилог

Ровно в срок Глеб отвез Ирину в роддом и несколько часов маялся неизвестностью (ни о каких «партнерских» родах Ирина слышать не хотела), а потом родился Сашенька... больше четырех килограмм. И Глеб, подхватив букет белых роз, поспешил в палату к жене — поздравить и посмотреть на сына.

После рождения сына, они снова погрузились в свою «скучную», семейную жизнь... с работой, заботой о детях, с бурным, долгим сексом в их мансарде. Иногда их семейная идиллия нарушается «неповиновением и несогласием» Ирины, пытающейся отстаивать свое мнение по «важным» вопросам (в том числе рабочим), но «тиран» быстро «подавляет бунт», наказывая неподчиняющихся, пока они не попросят пощады и не пойдут на мировое соглашение. Глеб уже не так категорично и болезненно относится к «размолвкам» в семье — с таким количеством детей постоянно возникают разногласия между родителями, но они всегда находят компромисс, только в дела фирмы он не разрешает жене вмешиваться, хотя она иногда и пытается. Ирина работает (сколько хочет) на фирме отца, но в курсе всех дел мужа, часто заезжает к нему в офис, и они вместе обедают. Они трепетно относятся друг к другу, стараются все выходные и праздники проводить вместе с детьми, но иногда отвозят детей родителям в загородный дом и сбегают ото всех на несколько дней, чтобы побыть только вдвоем...

Через четыре месяца у Тамары родился сын, и, не слушая возражений, Илья после выписки отвез семью в свой загородный особняк. Тамара настояла, чтобы Диана переселилась к ним в дом в соседнюю с сыном детскую, и они зажили одной семьей — у них были и сын, и дочка, очень похожие друг на друга и все считали из двойняшками (а родители не разубеждали)... Каждую неделю Тамара устраивает «разбор полетов» «неверному супругу», каждый месяц — скандал, раз в три месяца — разъезд с собиранием чемоданов и обвинениями, что он так и не женился на ней и выставлением «неверного мужа» из его же собственного особняка в городскую квартиру... где он расслабляется в тишине и покое денек другой (без грудастых и раскованных), выпивает пару рюмочек коньячка для снятия напряжения и спит по двенадцать часов... к вечеру следующего (или последующего) дня он «осознает свою вину», раскаивается, скучает и, купив подарков и вкусняшек, едет мириться со «сварливой женушкой», названивая по телефону и обещая сделать ей все-таки официальное предложение, но забывая о своем обещании, лишь только видит любимую и

детишек.

Прошло три года...

Ирина вошла в гостиную и села рядом с мужем на диван, не зная, как начать «трудный разговор».

— Глеб, мы договорились с тобой ничего не скрывать друг от друга, но я не знаю, как тебе сказать... о том, что произошло.

Оторвав взгляд от горящего камина, Глеб внимательно посмотрел в взволнованное лицо жены.

— Ты поцарапала машину?

— Нет...

— Потратила все деньги со счета?

— Нет... — замотала головой Ирина и протянула мужу тест на беременность. — Вот... две полоски...

— Ты беременна?

— Похоже да...

— Так! — нахмурился Глеб. — Опять полгода «осторожненький секс»?

— Выходит так... — вздохнула Ирина.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

— Тогда что же мы теряем время, моя конфетка!

Глеб подхватил жену на руки и понес в мансарду...

А через семь месяцев у Ирины и Глеба родился второй сын — Антошка.

Теперь в их семье стало уже пятеро родных и близких...

В Новый Год в огромном, загородном особняке не хватало места для большой, «общей» семьи Левицких (семья Левицких старших и семья Левицких младших): высоченная под потолок елка, сверкающая огнями и шарами, семейное застолье, поздравления, подарки, душевные разговоры, веселый смех, топот детских ножек... и громкие крики «Ура»!!!

Больше книг на сайте - Knigoed.net